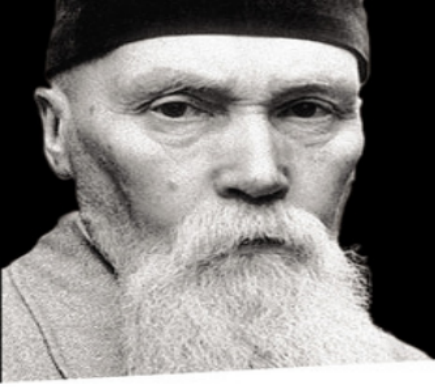


Проза великих

НИКОЛАЙ РЕРИХ

МЕЧ ГЕССАР-ХАНА

И ДРУГИЕ СКАЗАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Творчество великого русского мыслителя и художника Николая Рериха весьма разностороннее. Значительное место в его наследии занимают литературные труды. В книгу вошли прекрасные философские сказки-сказания, автобиографическая повесть «Пламя», прозаические записки о путешествии по Гималаям.

Автор выступает как самобытный глубокий литератор, в своем творчестве органически сливший русскую и индийскую традиции.

- Николай Рерих
  - Шамбала сияющая[1]
  - Семь дней в Гималаях
  - Сердце Азии
    - I
    - II
    - III
  - Миф Атлантиды
  - Пламя
  - Меч Гессар-хана
  - Печать века
  - По пути из варяг в греки
  - Гримр-викинг
  - Иконный терем
    - I
    - II
    - III
    - IV
  - Знамения
  - Детская сказка
  - Девассари Абунту
  - Замки печали
  - Граница царства
  - Старинный совет
  - Страхи
  - Клады
  - Песни Монголии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

○ 4

Николай Рерих
Меч Гессар-хана и другие сказания

Шамбала сияющая [1]

«Лама, расскажи мне о Шамбале!» «Вы, жители Запада, ничего не знаете о Шамбале и не хотите ничего знать. Вероятно, ты спрашиваешь только из любопытства и впустую произносишь это священное слово».

«Лама, я не бесцельно спрашиваю о Шамбале. Повсюду люди знают этот великий символ под разными именами. Наши ученые разыскивают каждую искру знания об этом замечательном месте. Чома де Кереш знал о Шамбале, когда подолгу жил в буддийских монастырях. Грюнведель перевел книгу знаменитого Таши-Ламы Палден Иеше «Путь в Шамбалу». Мы догадываемся, что под тайными символами спрятана великая истина. Поистине ревностный ученый жаждет знать все о Калачакре».

«Как это может быть, если жители Запада оскверняют наши храмы? Они курят в наших святилищах. Они не понимают и не хотят почитать нашу веру и наше учение. Они издеваются и смеются над символами, значения которых не могут осмыслить. Если бы мы посетили ваши храмы, наше поведение было бы совершенно иным, потому что ваш великий Бодисаттва Исса поистине возвышенный. И никто из нас не станет клеветать на учение милосердия и справедливости».

«Лама, лишь очень невежественные и глупые люди высмеивают ваше учение. Все учения справедливости находятся в одном и том же священном месте. И каждый, кто чувствует это, не осквернит святых мест. Лама, почему ты думаешь, что сущность учения Благословенного неизвестна Западу? Почему ты уверен, что на Западе мы не знаем о Шамбале?»

«Лама, вот на моем столе ты можешь увидеть Калачакру, Учение, принесенное великим Аттишей из Индии. Я знаю, что если высокий дух уже готов, то слышит голос, возвещающий «Калагийя» – зов в Шамбалу. Мы знаем, какой Таши-Лама посетил Шамбалу. Мы знаем книгу Высокого Священника – «Красный путь в Шамбалу». Мы даже знаем монгольскую песнь о Шамбале. Кто знает, возможно, мы знаем многое из того, что неизвестно тебе. Мы знаем, что совсем недавно молодой лама из Монголии опубликовал новую книгу о Шамбале».

Лама пристально изучает нас и затем говорит: «Великая Шамбала находится далеко за океаном. Это могущественное небесное владение. Она не имеет ничего общего с нашей землей. Как и зачем вы, земные люди, интересуетесь ею? Лишь в некоторых местах, на Крайнем Севере, вы можете различать сияющие лучи Шамбалы».

«Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем реальность этого несказуемого места. Но мы также знаем и реальность земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы ходили в Шамбалу, как на своем пути они видели обычные физические предметы. Мы знаем рассказы одного бурятского ламы, как его сопровождали через очень узкий тайный проход.

Мы знаем, как другой посетитель видел караван горцев, везущих соль с озер, расположенных на самой границе Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб, один из трех постов Шамбалы. Поэтому не говори мне только о небесной Шамбале, но говори и о земной; потому что ты, так же как и я, знаешь, что земная Шамбала связана с небесной. И именно в этом месте объединяются два мира».

Лама замолчал. Из-под полуопущенных век он внимательно изучает наши лица. И в вечерних сумерках начинает свое повествование:

«Истинно, наступает время, когда Учение Благословенного вновь идет с Севера на Юг. Слово Истины, начавшее свой великий путь из Бодхгайя, вновь возвратится в те же места. Мы должны принять это как оно есть: истинное Учение покинет Тибет и вновь появится на Юге. Во всех странах проявятся наставления Будды. Действительно, наступают великие события.

Вот вы приходите с Запада и приносите весть о Шамбале. Мы поистине должны это принять. Видимо, луч от башни Ригден-Джапо достиг всех стран».

«Как алмаз, сверкает свет на Башне Шамбалы. Он там – Ригден-Джапо, неутомимый, вечно бодрствующий на благо человечества. Его глаза никогда не закрываются. В своем магическом зеркале он видит все земные события. И могущество его мысли проникает в далекие земли. Для него не существует расстояния; он может в мгновение ока оказать помощь достойным. Его яркий свет может уничтожить любую тьму. Его неисчислимые богатства готовы для помощи всем нуждающимся, тем, кто отдал себя на служение во благо справедливости. Он может даже изменять карму людей…»

«Лама, мне кажется, что ты говоришь о Майтрейе, не правда ли?»

«Мы не должны говорить об этой тайне! Существует много такого, что не может быть выдано. Существует много такого, что не может быть кристаллизовано в звуке. В звуке мы открываем нашу мысль. Звуком мы отражаем нашу мысль в пространстве и можем нанести величайший вред.

Поэтому все открытое до сужденного срока приведет к неисчислимым бедствиям. Даже величайшие катастрофы могут

возникнуть из-за таких легкомысленных действий. Если Ригден-Джапо и Благословенный Майтрейя для тебя одно и тоже лицо – пусть будет так. Я этого не утверждал!

Неисчислимы жители Шамбалы. Многочисленны великолепные новые силы и достижения, которые подготавливаются там для человечества…»

«Лама, в Веданте говорится, что очень скоро человечеству будут даны новые энергии. Верно ли это?»

«Бесчисленно великое, суженное и приготовленное. Из Священных Писаний мы знаем об Учении Благословенного, о жителях далеких звезд. Из этого же источника мы слышали о летающей стальной птице… о железных змиях, которые, изрыгая огонь и дым, поглощают пространство.

Татхагата, Благословенный, предсказал все будущее. Он знал, каким образом помощники Ригден-Джапо воплотятся в должное время; как священная армия избавит Лха-су от все ее гнусных врагов; и как будет установлено царство справедливости».

«Лама, если великие воины воплощены, разве не будет Шамбала действовать здесь, на земле?»

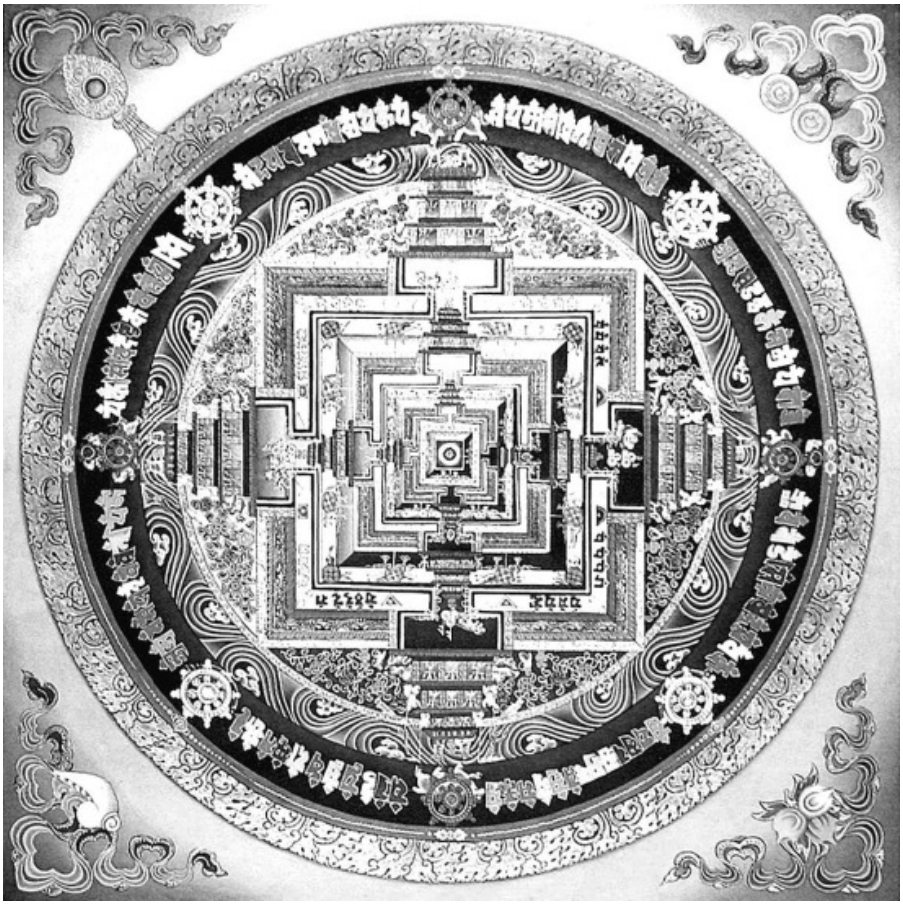
«Везде – здесь и на небесах. Все силы блага объединятся, чтобы уничтожить тьму. Каждый, кто поможет в этом великом труде, будет вознагражден во сто крат и на самой земле, в этом воплощении. А все грешащие против Шамбалы погибнут в этом же воплощении, так как они исчерпали милосердие».

«Лама, ты знаешь истину. Тогда скажи мне, почему так много недостойных священнослужителей?»

«Конечно, это непростительно, но если Учение должно двинуться на Юг, тогда неудивительно, что многие ученые ламы покинули Тибет. Знают ли на Западе о том, что Пан-чен-ринпоче (Таши-Лама) связан с Шамбалой?»

«Лама, конечно, мы знаем, что Пан-чен-ринпоче глубоко уважают повсюду. В разных странах мы слышали, как не только буддисты, но и люди разных национальностей высоко отзываются о Его Святейшестве.

Говорят даже, что задолго до его отъезда на фресках в его личных покоях были изображены все детали его предстоящего путешествия. Мы знаем, что Пан-чен-ринпоче следует обычаям всех великих лам. Нам рассказывали, как во время своего побега он и его последователи избежали многих величайших опасностей».



По мнению многих тибетских монахов – это карта для поиска Шамбалы, ведь тот, кто откроет Шамбалу в своем сердце, найдет эту таинственную страну и на географическом пространстве, и может достичь просветления, которое ранее было немыслимо.

«Нам известно, как однажды, когда преследователи из Лхасы были уже почти рядом, мощный снегопад преградил им путь. В другой раз Пан-чен-ринпоче достиг горного озера; перед ним встала трудная задача.

Его враги были близко, и чтобы уйти от них, нужно было проделать длинный путь вокруг озера. Тогда Пан-чен-ринпоче погрузился на некоторое время в глубокую медитацию. Выйдя из нее, он отдал приказ каравану, несмотря на опасность, оставаться всю ночь на берегу озера.

И тогда произошло необычайное: ночью ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом и снегом. До восхода солнца, когда еще было темно, Таши-Лама приказал своим людям быстро двинуться в путь и вместе с тремястами своих последователей пересек озеро по льду кратчайшим путем, избежав таким образом

опасности. Когда же враги подошли к озеру, солнце стояло уже высоко и лед растаял. Им оставался лишь окружной путь. Так ли это?»

«Истинно, это так. Пан-чен-ринпоче во время путешествия помогала Шамбала. Он видел много чудесных знаков, когда пересекал нагорья спеша на Север».

«Лама, недалеко от Улан-Давана мы видели огромного черного грифа, летящего низко вблизи нашего лагеря. Он летел наперерез чему-то сияющему и красивому, летящему на юг над нашим лагерем и светящемуся в лучах солнца».

Глаза ламы сверкнули. Нетерпеливо он спросил: «Чувствовали ли вы запахи храмовых благовоний в этой пустыне?»

«Лама, ты совершенно прав – в каменистой пустыне, находящейся в нескольких днях пути от всякого жилья, многие из нас одновременно ощутили веяние изысканного аромата. Так было несколько раз. Мы никогда раньше не нюхали такого приятного запаха. Он напомнил мне одно благовоние, которое дал мне мой друг в Индии – где он его достал, я не знаю».

«А, вас охраняет Шамбала. Огромный черный гриф – ваш враг, который стремится разрушить вашу работу, но охраняющая сила Шамбалы сопровождает вас в виде этой лучистой формы Материи. Эта мощь всегда рядом с вами, но вы не всегда можете ощутить ее. Только иногда она проявляет себя, чтобы дать вам силу и направить вас. Заметили ли вы, куда летела эта сфера? Вам следует двигаться именно в этом направлении. Ты упомянул священный зов – Калагийя! Когда кто-то слышит этот повелительный призыв, он должен знать, что путь в Шамбалу открыт для него. Он должен запомнить год, когда был позван, потому что именно с этого времени с ним всегда рядом помощь Ригден-Джапо. Только вы сами должны знать и понять, каким способом людям оказывается помощь, потому что они часто упускают посланную им помощь».

«Лама, расскажи мне, каким образом Шамбала помогает простым людям? Мы знаем об адептах и о воплощенных сотрудниках Шамбалы. Но каким образом мощь Шамбалы проявляет себя среди обычных?»

«Неисповедимыми и разнообразными путями. Тому, кто в своих прошлых воплощениях следовал учению справедливости и был полезен Общему Делу, помогает это Общее Дело. Несколько лет тому назад, во время войны и смуты, один человек обратился к ламе с вопросом, следует ли изменить место своего жительства. Лама сказал ему, что он может оставаться на прежнем месте в течении шести месяцев, но затем окажется в большой опасности и

должен будет бежать немедленно. В течение этих шести месяцев дела у человека шли крайне успешно: все было спокойно, и его собственность умножилась. Когда шесть месяцев истекли он подумал:

«Почему я должен рисковать своим имуществом, покидая это мирное место? Все складывается для меня так благоприятно, и явно нет никакой опасности. Вероятно, лама ошибся».

«Но космический поток нельзя задержать. И предсказанная опасность неожиданно возникла. Отряды врагов на полной скорости приблизились к этому месту с двух сторон. И человек понял, что лучшая возможность была упущена и путь теперь отрезан. Он поспешил к тому же ламе и рассказал о случившемся».

«Лама ему ответил, что в силу некоторых причин он может быть спасен. Но, – добавил лама, – теперь помочь тебе много труднее. Лучшая возможность упущена, но все же я еще могу кое-что для тебя сделать.

Завтра вместе с семьей отправляйся верхом на лошадях на Север. На дороге вы встретите своих врагов. Это неизбежно. Когда вы увидите их, сойдите с дороги и стойте неподвижно. Даже если они приблизятся к вам, даже если они заговорят с вами, молчите и не двигайтесь, пока они не пройдут».

«Так оно и случилось. Этот человек вместе со своей семьей и пожитками рано утром отправился в путь. Неожиданно сквозь утренний туман они различили очертания быстро приближавшихся к ним солдат. Они сошли с дороги и стояли молча, напряженно».

Солдаты спешно приближались, и этот бедняга услышал, как один из них прокричал: «Вот они! Я вижу людей! Нам будет чем поживиться!»

Другой, смеясь, ответил: «Дружище, ты, вероятно, плохо спал эту ночь, если не можешь отличить людей от камней. Вот они рядом, а ты говоришь, что это не камни!»

Первый настаивал: «Но я вижу даже лошадь!» Второй смеялся: «На такой каменной лошади далеко не уедешь. Неужели ты воображаешь, что лошадь, почуяв наших коней, осталась бы неподвижной?»

«Солдаты дружно смеялись и, потешаясь над ошибкой первого, довольно близко проехали около неподвижно стоявшей группы. Затем исчезли в тумане. Таким образом, даже в очень трудных обстоятельствах человек был спасен. Потому что однажды был полезен Шамбале».

«Шамбала знает все. Но тайны Шамбалы строго охраняются».

«Лама, как хранятся тайны Шамбалы? Говорят, что много

сотрудников Шамбалы, много вестников спешат по миру. Как могут они хранить тайны, им доверенные?»

«Великие держатели тайн пристально следят за теми, кому они доверили свою работу и поручили высокую миссию. Если неожиданное зло встанет на их пути, им немедленно оказывается помощь. И доверенное сокровище будет сохранено. Примерно 40 лет тому назад великая тайна была доверена человеку, жившему в Великой Монгольской Гоби. Ему было сказано, что он может пользоваться этой тайной в особых целях, но когда он почувствует приближение смерти, он должен найти кого-то достойного и передать ему свое сокровище. Прошло много лет. И этот человек заболел, а во время болезни к нему приблизилась нечистая сила и он потерял сознание. В таком состоянии он, конечно, не мог найти никого достойного, чтобы доверить ему свое сокровище. Но Великие Держатели всегда бдительны и начеку. Из высокого Ашрама спешно отправился через огромную пустыню один из них и не покидал седла более шестидесяти часов. Он успел к больному человеку вовремя, чтобы на короткое время задержать его смерть и найти того, кому он смог бы передать миссию. Возможно, ты удивишься, почему Держатель не взял сокровище с собой. И почему именно состоялась эта передача. Потому, что у великой Кармы – свои пути и даже величайшие Держатели тайн иногда не хотят затрагивать нитей Кармы. Ибо каждая нить Кармы, если она будет порвана, может повлечь величайшее бедствие».

«Лама, в Турфане и Туркестане нам показывали пещеры с длинными неисследованными проходами. Можно ли достичь Шамбалы через эти проходы? Нам говорили, как иногда из этих пещер выходили неизвестные люди и отправлялись в города. Они пытались платить за покупки странными древними монетами, которых теперь уже нет в обиходе».

«Истинно, истинно, люди Шамбалы иногда появляются в мире. Они встречаются с земными сотрудниками Шамбалы. На благо человечества, они посылают драгоценные подарки, замечательные реликвии. Я могу рассказать тебе много историй, как чудесные подарки были получены через пространство. Даже сам Ригден-Джапо иногда появляется в человеческом теле. Он неожиданно показывается в святых местах, в монастырях. И в предназначенный срок сообщает свои пророчества».

«Ночью или ранним утром, перед восходом солнца, Правитель Мира приезжает в Храм. Он входит. Все светильники одновременно загораются сами. Некоторые присутствующие сразу узнают Великого Странника. В глубоком почтении собираются ламы. С глубочайшим вниманием они слушают пророчества о

будущем».

«Приближается великая эпоха. Правитель Мира готов для битвы. Многие знамения происходят. Космический огонь опять приближается к земле. Планеты предвещают новую эру. Но много катастроф произойдет до наступления новой эры процветания. Снова человечество будет испытано, чтобы определить, достаточно ли развился его дух. Подземный огонь сейчас стремится соединиться с огненным элементом Акаши; если все добрые силы не объединят свою мощь, неизбежны величайшие катаклизмы.

Рассказывают, как благословенный Ригден-Джапо появляется, чтобы дать поручения своим вестникам; как возникает могучий правитель на черной скале, по дороге в Ладак. И со всех сторон конные вестники приближаются в глубоком почтении, чтобы слушать Его; и на полной скорости они мчатся исполнять приказы великой мудрости».

«Лама, как произошло, что земная Шамбала до сих пор не открыта путешественниками? На картах можно видеть множество экспедиционных маршрутов. Очевидно, все вершины уже отмечены, а все реки и долины исследованы».

«Поистине, много золота в земле и много алмазов и рубинов в горах, и каждый жаждет обладать ими! И сколько людей пытаются добыть их! Так же как эти люди не могут найти сокровища, так и человек не в состоянии достичь Шамбалы без зова! Вы слышали о ядовитых потоках, обтекающих горы. Возможно, вы видели людей, умирающих от газов, когда они подходили к ним близко. Возможно, вы видели, как животные и люди начинают дрожать, приближаясь к некоторым местностям. Многие люди пытаются достичь Шамбалы непозванными. Некоторые из них исчезли навсегда. Только немногие из них достигают святого места, и лишь тогда, когда их карма готова».

«Лама, ты говоришь о священном месте на земле. Есть ли там богатая растительность? Горы кажутся бесплодными, а ураганы и все опустошающие морозы там необычно сильны».

«Среди высоких гор есть неизвестные, защищенные со всех сторон долины. Горячие источники питают богатую растительность. Многие редкие растения и лекарственные травы могут расти на этой необычной вулканической почве. Возможно, вы видели горячие гейзеры в горах.

Возможно, вы слышали, что лишь в двух днях пути от Нагчу, где не увидишь ни дерева, ни растения, есть долина с деревьями, травой и теплой водой. Но кто может знать все лабиринты этих гор? На камнях не различишь следы человека. Не прочесть мыслей людей – а кто может, тот хранит молчание! Возможно, вы

встречали многих путешественников во время ваших странствий, молча бредущих по пустыне в холод и зной к своей, неведомой вам, цели. Не думай, что если одежда проста, то странник незначителен! Если его глаза полузакрыты, не считай, что его взгляд не остер. Невозможно распознать, откуда приближается сила.

Напрасны все предостережения, напрасны все пророчества – только путь Шамбалы может принести тебе успех. Только обращаясь непосредственно к Благословенному Ригден-Джапо, ты сможешь достичь чего-то».

«Лама, ты сказал, что враги Шамбалы погибнут. Как они погибнут?»

«Истинно, они погибнут в назначенный срок. Их разрушат собственное низкое честолюбие. Ригден-Джапо милосерден. Но грешники – сами себе враги. Кто может сказать, когда дается заслуженное? Кто может узнать, когда помощь действительно необходима? И какова должна быть эта помощь? Многие катаклизмы необходимы и имеют свою цель.

Именно тогда, когда ограниченное человеческое мышление убеждено, что все рухнуло и все надежды погибли, творящая рука Правителя посылает свой мощный луч».

«Как грешники уничтожаются? У одного ламы-художника был великий дар рисовать с несравненной красотой священные лики. Он великолепно рисовал образы Ригден-Джапо, Благословенного Будды и Дуккар Всевидящую. Но другой художник позавидовал ему и в злобе решил нанести вред праведному. И когда он начал клеветать на ламу-художника, его дом загорелся по неизвестной причине. Все его имущество было уничтожено, а руки клеветника были так сильно обожжены, что он долгое время не мог работать».

«Другой злоумышленник угрожал уничтожить всю работу одного честного человека. И вскоре, пересекая Цзам-по, он тонул. Еще один человек, вершивший многие прекрасные благотворительные дела, подвергся нападению кого-то, кто стремился уничтожить все его имущество, предназначенное для блага человечества. И снова мощный луч Ригден-Джапо настиг врага, и за один день все его богатство было сметено, а сам он стал нищим. Возможно, даже ты и сейчас встретишь его на базаре в Лхасе, просящего милостыню».

«В каждом городе ты можешь услышать, как наказываются те недостойные создания, которые направляют свою злобу на достойных. Только путем Шамбалы ты можешь благополучно идти. Любое отклонение с этой дороги славы приведет тебя к величайшим опасностям. Все на земле может быть найдено и

измерено. Ни вера, ни слепое поклонение не были заповеданы Благословенным, но – знание опыта».

«Это так, Лама. Я также могу тебе рассказать, как один из наших близких стал братом Шамбалы. Мы знаем, как он с научной миссией отправился в Индию, как неожиданно отстал от каравана и как много времени спустя пришла весть о том, что он находится в Шамбале».

«Я могу рассказать тебе, как из далекого Алтая многие староверы уходили на поиски так называемого «Беловодья», да так и не вернулись. Я слышал названия гор, рек и озер, лежащих на пути к этому святому месту. Эти названия тайные, некоторые из них искажены, но ты знаешь суть, стоящую за ними».

«Я могу рассказать тебе, как один достойный последователь этого величественного учения отправился в Шамбалу раньше положенного ему срока. Это был чистый и искренний дух, но его карма еще не была исчерпана и земное задание не было закончено. Один из великих Учителей встретил его на коне в горах и лично говорил с этим устремленным путешественником. Милосердно и сострадательно он отправил его обратно закончить свою работу. Я могу рассказать тебе об Ашрамах за Шигатзе. Я могу рассказать тебе, как Братья Шамбалы появлялись в различных городах, как они предотвращали величайшие человеческие бедствия, если человечество достойно понимало их».

«…Лама, встречал ли ты Азаров и Кутхумпа?» «Если ты знаешь о таких случаях, успех должен сопутствовать тебе в работе. Так много знать о Шамбале само по себе уже есть поток очищения. Многие наши люди в течение своей жизни сталкивались с Азарами и Кутхумпа или снежными людьми, которые служили им. Только сейчас Азары перестали появляться в городах. Они все собрались в горах. Очень высокие, с длинными волосами и бородой, внешне они похожи на индийцев. Однажды, идя вдоль Брахмапутры, я видел Азара. Я попытался догнать его, но он быстро обогнул скалу и исчез. На этом месте я не обнаружил ни пещеры, ни отверстия – все, что я увидел, это была небольшая ступа. Может быть, он не хотел, чтобы его беспокоили».

«Кутхумпа теперь нельзя увидеть. Раньше они довольно часто появлялись в районе Цанга и Манасаровара, когда пилигримы шли на святой Кайлас. Даже снежные люди редко теперь появляются. Обычный человек в силу своего невежества принимает их за привидения.

Существуют глубокие причины, почему именно сейчас Великие не появляются открыто. Мой старый учитель рассказывал

мне многое о мудрости Азаров. Мы знаем несколько мест, где жили Великие, но в какой-то момент эти места опустели. Великая причина, великая тайна!»

«Лама, правда ли, что Ашрамы были перемещены из окрестности Шигадзе?»

«Эту тайну нельзя разглашать. Я уже сказал, что Азаров нельзя больше найти в Цанге».

«Лама, почему ваши священнослужители утверждают, что Шамбала находится далеко за океаном, когда земная Шамбала расположена ближе? Чома де Кереш даже упоминает, приводя доказательства, место – прекрасную горную долину, где происходило посвящение Будды».

«Я слышал, что жизнь Чома де Кереша не была удачливой. Грюнведель, о котором ты упоминал, сошел с ума: потому что оба они прикоснулись к великому имени Шамбалы из любопытства, не понимая его глубочайшего значения. Опасно играть с огнем, хотя огонь может быть величайшей пользой для человечества. Возможно, ты слышал, как некоторые путешественники пытались проникнуть в заповедную территорию и как проводники отказывались сопровождать их. Они говорили: «Лучше убей нас». Даже эти простые люди понимали, что к таким возвышенным вопросам можно прикасаться только с величайшим почтением».

«Не преступай законов! Жди в ревностном труде до тех пор, пока вестник Шамбалы не придет к тебе. Жди, пока Могучеголосый не произнесет «Калагийя». И тогда ты можешь благополучно вторгаться в эту высокую материю. Бесцельное любопытство должно трансформироваться в искреннее познание, в приложение высших принципов к повседневной жизни».

«Лама, ты – странник. Скажи, где я встречу тебя снова?»

«Я умоляю тебя, не спрашивай моего имени. Более того, встретишь ли ты меня в каком-нибудь городе или в каком-нибудь населенном месте, не узнавай меня. Я сам подойду к тебе».

«Но если я подойду к тебе, что ты сделаешь – просто уйдешь или станешь каким-нибудь образом гипнотизировать меня?»

«Не вынуждай меня пользоваться этими природными силами. Среди некоторых Красных сект разрешено применять определенные силы. Но мы можем пользоваться ими лишь в исключительных случаях. Мы не должны нарушать законов природы. Учение нашего Благословенного предписывает нам быть осторожными в проявлении наших внутренних возможностей».

«Лама, скажи мне, видел ли ты лично Ригден-Джапо?» «Нет, я еще не видел Правителя во плоти. Но я слышал Его Голос. И зимой, когда в горах стояли морозы, роза из далекой долины была Его подарком мне. Ты так много меня спрашиваешь, что я

вижу, ты сведущ во многих вещах. Что бы ты стал делать, если бы я начал тебя расспрашивать?»

«Лама, я бы молчал». Лама улыбнулся: «Так ты же знаешь многое. Возможно, ты даже знаешь, как использовать силы природы и как на Западе в последние несколько лет многие знаки были явлены, особенно во время войны, которую вы или кто-то из вас начал».

«Лама, конечно, такая чудовищная бойня должна была ускорить непредвиденный поток перевоплощений. Так много людей умерло прежде положенного им срока, что многое было искажено и смещено».

«Вероятно, вы не знали о пророчествах, которые задолго предсказали эти бедствия. Если бы вы только знали, вы бы никогда не начали эту ужасную бойню».

«Если ты знаешь о Шамбале, если ты знаешь, как использовать скрытые природные силы, ты также должен знать о Намиг, Небесных Письменах. И ты узнаешь, как понимать пророчества о будущем».

«Лама, мы слышали, что все путешествия Таши-Ламы и Далай-Ламы были предсказаны в пророчествах, задолго до того, как они были предприняты».

«Я повторяю, что в личных покоях Таши-Ламы, по его распоряжению были изображены все события его будущих путешествий. Часто неизвестные странники произносят пророчества и можно услышать и увидеть явные знаки приближающихся событий».

«Ты знаешь, что около входа великого храма Гесер Хана есть две лошади – белая и красная. И когда Гесер приближается, лошади ржут. Слышал ли ты, что недавно великий знак дал о себе знать и многие люди слышали ржание священных лошадей?»

«Лама, ты упомянул третье великое имя Азии…» «Тайна, тайна. Ты не должен говорить так много. Когда-нибудь мы поговорим с одним очень образованным Геше из Морулинга. Этот монастырь был основан нашим Далай-Ламой Великим и звук Великого Имени – часть названия монастыря. Говорят, что перед тем, как покинуть Лхасу навсегда, великий Далай-Лама имел тайное причастие в этом монастыре. Истинно, из этого монастыря несколько лам исчезли для великих трудов.

Там ты смог бы найти кое-что знакомое». «Лама, можешь ли ты рассказать мне что-нибудь о трех величайших монастырях близ Лхасы – Сера, Гандан и Депанг?»

Н.К. Рерих. «Песнь о Шамбале. Тангла». 1943 г.

Лама улыбнулся. «О, это великие ортодоксальные монастыри. В Сера среди трех тысяч лам можно встретить много настоящих воинов. Многие ламы из других стран, например, из Монголии, живут в Гандане. Там находится трон нашего великого Учителя Цзонка-ба. Никто не может коснуться этого великого сиденья, не задрожав. В Депанге также есть несколько ученых лам».

«Лама, существуют ли скрытые проходы под Поталой? И есть ли там подземное озеро под главным храмом?»

Лама снова улыбнулся. «Ты так много знаешь, что мне даже кажется, что ты был в Лхасе. Я не знаю, когда ты был там. Не имеет большого значения, был ли ты там теперь или в других одеждах. Если ты видел это подземное озеро, тогда ты мог быть либо очень великим ламой, либо слугой, несущим факел. Но как слуга ты не мог бы знать многое из того, о чем ты мне рассказал. Возможно, ты также знаешь, что во многих местах Лхасы существуют горячие источники и в некоторых домах люди используют эту воду для своих хозяйственных нужд».

«Лама, я слышал, как некоторые животные – олени, белки и шакалы – подходят к медитирующим ламам в пещерах гималайских лесов, и человекообразные обезьяны и мартышки приносят им еду».

«В свою очередь, я спрошу тебя, есть ли что-нибудь невозможное? Но одно очевидно: олень не приблизился бы к человеку в городе, потому что очень редко можно встретить человека с добрыми намерениями в этих наполненных толпами местах. Человечество не знает о значении и определенном эффекте ауры; оно не понимает, что не только люди, но даже неодушевленные предметы имеют свои значительные и сильные ауры».

«Лама, мы знаем об этом и даже начали фотографировать ауры. Что же касается неодушевленных предметов, Лама, мы также кое-что знаем о Троне Учителя и как к нему никто не должен прикасаться. Таким образом, присутствие Великого всегда рядом».

«Если ты знаешь ценность такого чтимого трона, тогда ты знаешь и значение Учительства. Учительство есть высочайшая связь, которую только возможно достичь в наших земных облачениях. Нас ведут Учителя, и мы стремимся к совершенству в нашем почитании Учителя. Тот, кто знает главный смысл Гуру, не будет отрицать значения реликвий. На Западе вы храните портреты дорогих вам людей и вы почитаете символы и предметы, которые принадлежали вашим предкам и великим вождям. Поэтому не считайте это идолопоклонством, но символом глубокого почтения и памяти о труде, выполненном кем-то из Великих. И это не только внешнее почитание, но если ты знаешь что-нибудь о психических излучениях предметов, тогда ты также знаешь о природной магии. Что ты думаешь о магической палочке, которая указывает на богатства недр?»

«Лама, мы знаем много рассказов о странной силе этой двигающейся трости, с помощью которой обнаружены многие рудники, источники и колодцы».

«А как ты полагаешь, кто действует в этом случае: трость или человек?»

«Лама, я думаю, что трость – неживая вещь, в то время как человек наполнен вибрациями и магнетической силой. Поэтому трость подобна пишущей ручке в руке».

«Да, в нашем теле сконцентрировано все. Только знай, как пользоваться этим и как не нанести вреда. Известно ли на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сконцентрированы магические силы? И знаешь ли ты, с какой планеты пришел этот камень? И кто владел этим сокровищем?»

«Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. С древних времен друидов многие народы помнят легенды о природных энергиях, скрытых в этом странном пришельце на нашу планету. Часто в таких падающих камнях спрятаны алмазы, но они ничто в сравнении с некоторыми другими неизвестными металлами и энергиями, которые обнаруживаются ежедневно в камнях, и бесчисленных токах и лучах».

«Lapis Exilis» – так называется камень, о котором упоминали старые мейстерзингеры. Можно видеть, что и Запад и Восток мыслят одинаково по многим направлениям. Нам не нужно идти в пустыни, чтобы услышать о Камне. В наших городах, в наших научных лабораториях есть и легенды и доказательства. Мог ли кто-нибудь подумать, что сказки о летающем человеке когда-нибудь станут былью? Уже сейчас могут прилетать и ежедневная почта и посетители».

«Действительно, Благословенный давно сказал, что железные птицы будут летать по воздуху. Но в то же время не надо поднимать такой большой вес, мы можем воспарять в своих тонких телах. Вы, жители Запада, мечтаете достичь Эвереста в своих тяжелых ботинках, но мы поднимаемся на те же высоты и даже на более высокие вершины без всякого труда. Необходимо только думать, изучать, помнить и знать, как охватить сознанием весь опыт тонкого тела. Все было указано в Калачакре, но только немногие постигли это. Вы, на Западе, с помощью своих ограниченных аппаратов можете слышать звуки на большом расстоянии, вы можете даже ловить космические звуки. Но задолго до этого Миларепа, без всякого аппарата, мог слышать высшие голоса».

«Лама, правда ли, что Миларепа в юности не был духовным человеком? Где-то мы читали, что он даже убил семью своего дяди. Как в таком случае подобный человек может стать духовно развитым, будучи подверженным таким вспышкам гнева и даже совершив убийство?»

«Ты прав. В юности Миларепа не только убил эту семью, но, вероятно, совершил много других тяжелых преступлений. Но пути духа неисповедимы. От одного из ваших миссионеров мы слышали о вашем святом, которого звали Франциск. Еще в юности он совершил много преступлений, и его жизнь не была чистой. Как же в таком случае он смог за одну жизнь достичь такого совершенства, которое принесло ему на Западе славу одного из наиболее возвышенных святых? От ваших миссионеров, посещавших Лхасу в прошлых столетиях, мы слышали много сказаний, и некоторые из ваших книг находятся в наших

библиотеках. Говорят, что книги вашего Евангелия запечатаны в некоторых наших ступах. Возможно, мы знаем лучше, чем вы, как почитать чужие религии».

«Лама, так трудно для нас, жителей Запада, почитать вашу религию, потому что многое так запутано, так искажено. Например, как может чужестранец при виде двух монастырей, внешне совершенно одинаковых, понять, что в одном из них проповедуется Буддизм, в то время как другой является злейшим врагом Буддизма. Даже если войти внутрь этих монастырей, можно увидеть внешне почти те же самые изображения. Таким образом, для чужестранца понять, повернута ли свастика в противоположном направлении или нет, будет так же трудно, как и определить, какие иконы буддийские, а какие против Будды. Постороннему человеку трудно понять, почему людей, которые абсолютно безграмотны и подвержены пьянству, называют ламой, так же как и тебя, который знает много и является глубоко культурным человеком».

«Ты прав. Многие ламы носят ламаистскую одежду, но их внутренняя жизнь много хуже, чем у мирянина. Часто среди многих тысяч лам можно найти лишь несколько человек, с которыми можно беседовать о возвышенных вещах и можно ожидать достойной взаимности. Не так ли обстоят дела и в вашей религии?»

«Мы видели многих миссионеров – возможно, они говорят об одном и том же Христе, но они нападают друг на друга. Каждый считает свое учение превосходящим другие. Я уверен, что Исса дал одно учение, тогда каким же образом может этот великий символ иметь различные секты, которые враждуют друг с другом? Не думай, что мы так невежественны. Мы слышали, что ритуалы, совершаемые одной сектой христианских священников, не признаются другими. Значит, у вас должно быть много противостоящих друг другу Христов?»

«В ваших пустынях находят много христианских крестов. Однажды я спросил христианского миссионера, подлинны ли эти кресты, и он ответил, что это подделка и что во все времена ложное христианство проникало в Азию, и что мы не должны считать эти кресты возвышенными символами. В таком случае скажи мне, как мы можем отличить подлинный крест от фальшивого? У нас тоже есть крест в Великом Знаке Ак-Дордже. Мы считаем его великим знаком жизни, элемента огня, знаком вечности. И против такого знака никто ничего не скажет!»

«Лама, мы понимаем, что только знанием духа можно установить, что есть подлинное».

«И снова ты показываешь знание великих вещей. И снова ты

говоришь так, как сказано в нашей могущественной Калачакре. Но как мы разовьем наше великое понимание? Истинно, мы мудры в духе; мы знаем все – но как сможем мы извлечь это знание из глубин нашего сознания и направить его к нашему разуму? Как постичь необходимую грань между аскетической жизнью и обыкновенной? Как нам узнать, сколько времени мы можем быть отшельниками и сколько мы должны работать среди людей? Как узнать, какое знание может быть открыто без ущерба, а какое – возможно, самое высокое – стоит передать, но лишь немногим? Это все знание Калачакры».

«Лама, великая Калачакра практически неизвестна, потому что ее учение спутано с низким учением тантриков. Точно так же, как у вас есть настоящие Буддисты и их противники БонПо, так же у вас есть низшая тантра колдовства и некромантии. Разве Благословенный не отрицал колдовства? Скажи мне прямо, может ли лама быть колдуном?»

Н.К. Рерих. Красный лама. 1925–1930 гг. Картон, темпера, акварель.

«Ты прав. Не только колдовство, но также неуместное использование сверхъестественных сил запрещалось нашими великими Учителями. Но если дух настолько продвинут, что может делать многое и использовать любую из своих энергий естественным образом и в целях Общего Блага, – в этом случае, это не есть колдовство, но великое достижение, великий труд для человечества».

«С помощью наших символов, изображений и танок ты можешь увидеть, как действовали великие Учителя; лишь немногие из них изображены в полной медитации. Обычно же они активны в своем великом труде. Они либо обучают людей,

либо приручают темные силы и стихии; они не боятся стать лицом к лицу с самыми мощными силами или соединиться с ними, если это необходимо для общего процветания. Иногда можно видеть Учителей в настоящей битве, рассеивающих злые силы. Мы не сторонники земных войн, но буддисты на протяжении всей истории подвергались нападениям; они никогда не были агрессорами. Мы слышали, что недавно во время вашей Великой войны христианские священники обеих воюющих сторон утверждали, что именно с ними Исса и Бог. Если Бог – один, тогда мы должны считать, что в данном случае он был в конфликте с самим собой. Как можешь ты объяснить это противоречие, непонятное для всех буддистов?»

«Лама, война закончилась. Конечно, самые губительные ошибки могут произойти, но сейчас все народы думают о том, как уничтожить не только идею, но и действительный материальный механизм войны».

«Ты полагаешь, что все пушки и все военные корабли должны быть уничтожены? Пусть они превратятся в орудия мира и высокого учения. Я бы хотел увидеть огромные военные корабли, превращенные в плавучие школы высокого просвещения. Возможно ли это? Во время путешествия в Китай я видел так много пушек и военных кораблей, что я подумал, если бы все эти ужасные создания могли бы стать символами высокого учения, а не символами убийства, какой огромный поток космической энергии смог бы ощутить мир».

«Лама, даже ядовитую змею считают символом мудрости».

«Вероятно, ты слышал древнюю притчу, как предостерегли змею, чтобы она не кусалась, но только шипела. Каждый должен быть могущественным, но какую защиту ты считаешь наиболее мощной?»

«Лама, конечно же, могущество силы духа. Ибо только в духе мы защищены ментально и физически. Человек, духовно сконцентрированный, силен как дюжина мускулистых атлетов. Человек, который знает, как использовать свою ментальную силу, сильнее целой толпы».

«А, МЫ ЕЩЕ раз подошли к нашей великой Калачакре. Кто может существовать без пищи? Кто может существовать без сна? Кто не подвержен жаре и холоду? Кто умеет лечить раны? Истинно тот, кто изучает Калачакру».

«Великие Азары, знающие Учения Индии, знают и происхождение Калачакры. Они знают великие истины, которые откроются человечеству и полностью преобразуют жизнь! Многие Учения Калачакры бессознательно используются Западом и Востоком, но даже при таком бессознательном использовании они

дают чудесные результаты. Становится понятным, как возросли бы наши возможности при сознательном следовании этим Учениям, как мудро можно было бы пользоваться великой, вечной энергией, этой тонкой невесомой материей, рассеянной повсюду и в каждый момент доступной нам. Это Учение Калачакры, это использование первичной энергии было названо Учением Огня. Индийцы знают о великом Агни – древнем учении, которое, несмотря на древность, будет новым учением Новой Эры. Мы должны думать о будущем; и Учение Калачакры, мы знаем, содержит весь материал, который может быть применен для величайшей пользы. Сейчас существует много учителей – таких различных и таких враждебных друг другу. И все же многие из них говорят об одном и том же, что выражено в Калачакре.

Один из ваших священников однажды спросил меня: «Не есть ли Каббала и Шамбала части одного и того же учения?» Он спросил: «Не был ли великий Моисей посвященным того же самого учения и последователем его законов?»

Мы можем утверждать лишь одно: каждое учение истины, каждое учение о высоких принципах жизни исходит из одного и того же источника. Многие древние буддийские ступы были превращены в шиваитские храмы, и многие мечети имеют стены и фундаменты древних буддийских святилищ. Разве есть в этом вред, если все эти здания были посвящены все тому же высокому принципу жизни? Многие буддийские наскальные изображения имеют свои прообразы в учениях, существовавших задолго до появления Благословенного. И в то же время они символизируют все ту же высокую Сущность».

«Что содержит Калачакра? Есть ли в ней какие-либо запреты? Нет, высокое учение выдвигает только конструктивное. Это так. Те же высокие силы, предназначенные человечеству. И научно объясняется, как человечество может использовать природные силы стихий. Когда тебе говорят, что кратчайший путь лежит через Шамбалу, через Калачакру, это значит, что исполнение не есть недостижимый идеал, а есть нечто, что может быть достигнуто искренним и усердным устремлением здесь, на этой самой земле и в этом самом воплощении. Это Учение Шамбалы. Истинно каждый может достичь этого. Истинно, каждый может услышать зов «Калагийя».

«Но чтобы достичь этого, человек должен посвятить всего себя творческому труду. Те, кто трудится с Шамбалой, посвященные и вестники Шамбалы, не сидят в уединении, но путешествуют повсюду. Очень часто люди не узнают их, а иногда они даже не узнают друг друга. Но они выполняют работу не для себя, а для великой Шамбалы; и все они знают великий символ

анонимности. Иногда они кажутся богатыми, хотя не имеют никакой собственности. Все – для них, но они не берут для себя ничего. Поэтому, если ты посвящаешь себя Шамбале, все отбирается и все дается тебе. Если ты пожалеешь, то потеряешь; отдаешь с радостью, обогатишься. По существу учение Шамбалы заложено в этом – а не в чем-то далеком и таинственном. Поэтому, если ты знаешь, что Шамбала находится здесь, на земле, если ты знаешь, что все может быть достигнуто здесь, на земле, тогда и вознаграждение придет здесь, на земле. Ты слышал, что награда Шамбалы – истинно здесь и что она умножается воздаянием. Так происходит не потому, что Учение о Шамбале уникально в сравнении с другими, а потому, что Учение о Шамбале – живое, данное для земных воплощений, и может быть применимо во всех условиях жизни человека. Каким образом мы можем научиться работать? Как стать готовым для исполнения всех видов задач; как быть открытым и всевмещающим? Только через практическое изучение Шамбалы. Когда вы читаете много книг о Шамбале, частично переведенных на другие языки и частично неясных, не запутайтесь в великих символах. Даже на Западе, когда вы говорите о больших открытиях, вы пользуетесь техническим языком, и простой человек не понимает вас, он воспринимает все буквально и скользит только по поверхности. То же самое можно сказать о великих письменах и научных документах. Некоторые воспринимают великие Пураны в их буквальном аспекте. К какому же заключению они могут прийти? Только к тому, что лежит на поверхности языка, в его филологии, но не в значении символов, которые использованы. Гармония внешнего и внутреннего может быть достигнута лишь изучением Калачакры. Вероятно, ты видел знаки Калачакры на скалах в довольно пустынных местах?»

«Чьей-то неизвестной рукой начертаны рисунки на камнях и высечены письмена Калачакры на скалах. Истинно, истинно, только через Шамбалу, только через Учение Калачакры можно достичь совершенства кратчайшего пути».

«Калагийя, Калагийя, Калагийя! Приди в Шамбалу!» После этого наш разговор сделался еще более прекрасным и сокровенным. В нем появилась та нота, которая возвышает все человеческие устремления. Мы говорили о горе Кайлас, об отшельниках, которые до сих пор живут в пещерах этой чудесной горы, наполняя пространство своими пробуждающими зовами справедливости.

Потом мы говорили о Том Месте, которое находится к северу от Кайласа…

Наступили сумерки, и, казалось, вся комната открылась в

новом значении. Изображение Ченрези, прекрасно вышитое на блестящем шелке, которое висело над головой ламы, казалось, с особым выражением глядело на нас сверху. Таких изображений теперь нет в Тибете.

Рядом с этим изображением находилось другое, также редкое по величию. Там были Амитаба и Владыка Будда, вечно стойкий, со своим непобедимым знаком молнии-дордже в руке. С домашнего алтаря улыбалась Долма, Белая Тара.

От букета свежих фуксий и лиловых георгин исходила освежающая живая сила. Около светилось изображение Могущественного, Непобедимого Ригден-Джапо, и Его присутствие снова напоминало нам о тайном Месте к северу от Кайласа. По углам танки располагались четыре наиболее значительных изображения. Внизу был преемник Ригден-Джапо с индусским пандитом, одним из первых толкователей Калачакры. В верхних углах находились два изображения Таши-Лам – слева был Третий Таши-Лама, Пан-Чен Палден Йеше, который принес первые сообщения о Шамбале. Справа была фигура нынешнего Таши-Ламы, который недавно дал новую молитву в честь Шамбалы Сияющей. В центре танки был сам Ригден-Джапо и в основании его трона сиял Ак-очир-Ак-дордже – Крест Жизни. Легион народа собрался перед троном Ригдена; кого только не было среди них! Ладакец в своей высокой черной шапке; китаец в круглой шляпе с красным шариком наверху; в белых одеждах индус; мусульманин в белом тюрбане. Здесь киргизы, буряты, калмыки, там монголы в своих характерных одеждах.

Каждый принес Правителю лучшие дары своей земли: фрукты и зерно, ткани и оружие, и драгоценные камни. Никто не принуждал эти народы, они добровольно пришли из всех частей Азии, окружив Великого Воина. Может быть, они были завоеваны им? Нет, в них не было покорности при приближении к нему. Народы подходили к Нему, как к их собственному, их единственному Правителю. Его рука указывала на землю величественным жестом Льва-Санге; над твердыней земли Он давал клятву всегда строить крепко.

От ароматических курений перед изображением поднимались голубоватые струи, плыли перед ним, складываясь в знаки таинственного языка сензар.

И если тот, кто не знает Великой Истины, нарушит эти знаки, то тогда они сольются и растают в пространстве.

Талай-Пхо-Бранг, 1928 г.

* * *

Помни, что радость – непобедимая сила, тогда как уныние и отрицание погубят все, за что бы ты ни взялся. Знание растет не от твоих побед над другими, побед, тебя возвышающих. Но от мудрости, спокойствия и радостности, которые ты добыл в себе тогда, когда этого никто не видал. Побеждай любя – и ты победишь все. Ищи радостно – и все ответит тебе.

* * *

Жизнь – как жизнь Вселенной, всегда утверждение.

Строить можно, только утверждая. Кто же не может научиться в своей жизни простого дня, в своих обстоятельствах радости утверждения, тот не может стать светом на пути для других.

* * *

Чем больше в человеке инстинктов самости, т. е. чем сильнее он сосредотачивает мысль на своем «я», тем больше и глубже его сомнения, тем чаще катятся слезы из его глаз, тем яростнее его борьба со своей плотью, со своими страстями, со своими буйными, жаждущими, не знающими покоя мыслями.

В борьбе с самим собою еще никто и никогда не обретал спасения. Ибо идут вперед только утверждая, но не отрицая. Не борьба со страстями должна занимать внимание человека, а радость любви к Жизни, благословление Ее во всех формах, стадиях и этапах бытия.

* * *

Нет ни покоя, ни мира в тех существах, что ищут все новых и новых источников откровения.

Все, что они подхватывают из попадающихся им записей и книг, все это они всасывают верхними корками ума, но мало что проникает в их святая святых, составляя зерно их сердца.

Простые слова, возносимые с радостью, произносимые в мире

собственного сердца, достигают большей цели, чем сотни переписанных истин, выловленных из разных «источников».

* * *

Человек должен жить так, чтобы от него лились эманации мира и отдыха каждому, кто его встречает. Вовсе не задача простого человека стать или пыжится стать святым. Но задача – непременная, обязательная задача каждого человека – прожить свое простое, будничное сегодня так, чтобы внести в свое и чужое существование каплю мира и радости.

* * *

Прост ваш день труда. Обласкайте каждого, кто войдет к вам. Если к вам пришел одинокий, отдайте ему любовь сердца, чтобы уходя он понял, что у него есть друг. Если придет скорбный, осветите ему жизнь вашей радостью. Если придет слабый, помогите ему знанием того нового смысла жизни, который вам открылся. И жизнь ваша станет благословлением для людей.

* * *

Ни в какие мрачные или трагические моменты жизни нельзя забывать главного: радости, что вы еще живы, что вы можете кому-то помочь, через свое тело пронеся человеку атмосферу мира и защиты.

* * *

Не допускай никогда унылого чувства «недосягаемости» перед чужим величием духа. Всегда благословляй достигшего больше твоего и лей ему свою радость, чтобы ему было легче достигать еще больших вершин. Проще, легче, веселее – эти слова – целая программа для каждого. В этих словах усматривай, что высота духа не иго, не отречение и не подвиг, а только полная гармония. Она выражается в постоянной, ни на минуту не нарушаемой радостности.

* * *

Не набирай на свои плечи долгов и обязанностей, которые на тебя никто не взваливал. Иди радостно. Просыпаясь утром, благословляй свой новый расцветающий день и обещай себе принять до конца все, что в нем к тебе придет. Творчество сердца человека – в его простом дне. Оно в том и заключается, чтобы принять все обстоятельства своего дня как неизбежные, единственно свои и их очистить любовью, милосердием, пощадой. Но это не значит согнуть спину и позволить ему кататься на тебе. Это значит и бороться, и учится владеть собой, и падать, и снова вставать, и овладевать препятствиями, и побеждать их. Быть может, внешне не всегда удается их побеждать. Но внутренне их надо победить любя.

Калачакра (санскр. «Колесо Времени») – тантрическое божество, используемое в наиболее сложной системе тантр – Калачакре-тантре. Одна из идей «Калачакры» – доктрина единства бытия; согласно Калачакре, все внешние явления и

процессы взаимосвязаны с телом и психикой человека, поэтому, изменяя себя, человек изменяет мир.

* * *

Старайся переносить свои отношения с людьми из мусора мелкого и условного в огонь вечного. Ломай вырастающие перегородки условного между тобой и людьми. И ищи всех возможностей войти в положение того, с кем общаешься. И ты всегда найдешь, как тебе разбить препятствия предрассудков, нелепо встающих между людьми, открыть все лучшее в себе и пройти в храм сердца другого. В себе найди цветок любви и брось его под ноги тому, с кем говоришь. И только в редких случаях встречи с абсолютно злыми людьми останутся без победы твоей любви.

* * *

Братья и друзья! Не то считайте милосердием, что даете сами или дается вам как долг, обязанность, тяжелая ноша. Ибо то еще стадия предрассудочная.

Но то считайте милосердием, что даете в радости, в сияющем счастье жить и любить.

Не тот любит, кто несет свой долг чести и верности. Но тот, кто живет и дышит именно потому, что любит и радуется, и иначе не может.

И любовь сердца такого человека не брага хмельная и чарующая, создающая красоту условную, но сама чистая красота, несущая всему мир и успокоение.

Радостью ткется светящаяся материя духа, радостью вводится человек в единение с людьми, а следовательно, и во всей Вселенной[2].

* * *

Важно отдать твердо самому себе отчет, чего именно ты хочешь. Важно, утверждаясь все сильнее в верности тому, что ты избрал себе как жизненный путь, кончать свой день. Кончая его, совершенно четко отдать себе отчет, в чем ты был тверд, в чем отступил от светлой идеи, для которой живешь и трудишься. Важно – жить каждый день, трудясь так легко и честно, как будто

это был твой последний день жизни.

* * *

Напрасно ждать особых испытаний. В простых серых буднях надо разглядеть главные дела любви, а жить легко свой текущий день – это самый главный признак ее. В обычном деле обычного дня живущий жизнью любви должен быть звеном духовного единения со всем окружающим.

* * *

Ты выбрал тот путь, где героика чувств и мыслей живет не в мечтах и идеалах или фантазиях, а в делах обычного серого дня. Поэтому бдительно постигай любые маленькие факты жизни – те крохотные университеты духа, которые бывают сотни у каждого человека в его простом дне.

Усвой первое правило людей, желающих идти в ногу со своим народом, со своей современностью: нет дел мелких. Всякое дело составляет или утверждение Жизни – и тогда оно является сотрудничеством с Нею. Или оно является унылой мыслью о себе, то есть отрицанием, непониманием основного закона существования на земле: все в тебе самом, и все для блага общего, ибо все – любовь. Лишенное этого понимания, существование человека является голым эгоизмом невежественности.

* * *

Привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем благих мыслей действий своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто окружает тебя.

* * *

Нельзя, стремясь к чему-то высшему, путать понятия обывателя с понятиями мудреца. Не тот мудрец и герой, кто сумел совершить однажды великий подвиг. А тот, кто понял, что его собственный трудовой день и есть самое великое, что дала

человеку Жизнь.

* * *

В жизни каждого человека наступают моменты, когда он начинает по-иному оценивать события жизни. Все мы меняемся, если движемся вперед. Но не самый тот факт важен, что мы меняемся, а как мы входим в изменяющее нас движение Жизни. Если мы в спокойствии и самообладании встречаем внешние события, выпадающие нам в дне, мы можем в них подслушать мудрость бьющего для нас часа Жизни. Мы можем увидеть непрестанное движение всей Вселенной, сознать себя ее единицей и понять, как глубоко мы связаны со всем ее движением.

* * *

Только не думай, что освобожденный всегда должен быть свободным от внешней суеты, от ее кажущихся пут, от забот быта и его условностей. Лучше всего служит своему народу тот, кто не замечает тягостей суеты, потому что понял основу смысла своей Жизни: нести силу Света именно в эту суету.

* * *

В жизни человека не может быть ни мгновения остановки. Человек растет и меняется непрестанно. Все, что носит в себе сознание, меняется, расширяясь. Если же человек не умеет принимать мудро своих меняющихся обстоятельств, не умеет стать их направляющей силой, они его задавят, как мороз давит жизнь грибов, как сушь уничтожает жизнь плесени. И, конечно, тот человек, что не умеет, сам изменяясь, понести легко и просто на своих плечах жизнь новых обстоятельств, будет подобен грибу или плесени, а не блеску закаляющейся и растущей в борьбе творческой мысли.

* * *

Нет серого дня, есть сияющий храм, который строит сам человек в своем трудовом дне. Не в далекое небо должен улетать человек, чтобы там глотнуть красоты и отдохнуть от грязи земли.

Но на грязную, потную и печальную землю он должен пролить каплю своей доброжелательности. Жизнь человека на земле – это тот кусок Вселенной, что он мог вобрать в себя, в себе творчески обработать, очистить страданиями и вылить обратно во Вселенную, чтобы помочь ей двигаться вперед.

* * *

Если люди заняты одним созерцанием, если их сила ума и сердца погружена только в личное искание совершенства, мы знаем, что им закрыт путь вечного движения.

Ибо во Вселенной нет возможности жить только личным, не вовлекаясь в жизнь мировую.

Переходы в сознании человека не могут совершаться вверх, если сердце его молчит и он не видит в другом существе тоже небо, что открыл в себе.

* * *

Расти в силе каждый день. А для этого научись действовать, а не ждать, творить, а не собираться с духом. Действие, действие и действие – вот путь труда земли.

Но если свою вечную силу ты не можешь сделать ни хуже, ни лучше сейчас, если вчера жил только мечтами о действиях. А действовали другие, рядом с тобой шедшие, огонь духа которых был, быть может, много меньше твоего. Но они действовали, а ты думал, как будешь действовать, и упустил в бездействии свою вечную силу, потерял летящее «сейчас» без пользы и смысла.

* * *

Вступая в новый день, живи так, как будто это твой последний день. Но последний не по жадности и торопливости желаний или духовных напряжений, а последний по гармоничности труда и его бескорыстия.

* * *

Подумай, что такое страх. Это самое сложное из всех человеческих ощущений. Оно никогда не живет в человеке одно,

но всегда окружено целым роем гадов, не менее разлагающих духовный мир человека, чем самый страх. Страх заражает не только самого человека, он наполняет вокруг него всю атмосферу тончайшими вибрациями, каждая из которых ядовитее яда кобры. Тот, кто заполнен страхом, подавлен как активное, разумное и свободно мыслящее существо. Мысль только тогда может литься, правильно улавливая озарения интуиции, когда все существо человека действует гармонично, в равновесии всех сил его организма. Только тогда ты попадаешь – через сознательное – в то сверхсознательное, где живет духовная часть твоего творящего существа. Если же мысль твоя в каменном башмаке страха, тебе невозможно оторваться от животной, одной животной части организма. Твой дух не раскрывается.

Люди, воображающие себя духовно озаренными, а на самом деле только изредка сбрасывающие каменные башмаки страха, самые жалкие из всех заблуждающихся. Их вечные слезы и стоны о любимых – это только жалкие обрывки эгоизма и плотских привязанностей к текущей форме, без всяких порывов истинного самоотвержения.

Люди, подгоняемые по земле страхом, неполноценные человеческие существа. Строить великие вещи, создавать Жизнь они не могут.

* * *

Если вы не можете удержаться от слез, то что же вы можете сделать для пользы других? Чтобы быть полезным кому-то, нужна вся чистая воля человека и такая его любовь, где он должен забыть о себе и действовать, действовать, действовать, ясно видя перед собой только тех, для кого он хочет трудиться. Видеть же, как надо правильно действовать, могут только те глаза, что потеряли способность плакать. Каждый, кто плачет при ударах жизни, разрушает своей неустойчивостью всю атмосферу вокруг себя. Разрушить ее легко, но воссоздать спокойствие в себе и вокруг себя очень трудно. И даже тогда, когда сам плачущий уже успокоился, он долго еще вычеркнут из списка сил, творящих день Вселенной. Каждый, кто с ним встречается, попадает в разбухшее от его раздражения эфирное пространство. Не только помочь никому нельзя, если ты час назад раздражился или кого-либо раздражил, что совершенно тождественно, но такой человек является носителем заразы, действующей не менее молниеносно, чем чума.

* * *

Очи, что плачут, не могут видеть ясно. Так же и уши тех, что жалуются, сетуют и слышат только уныние собственного сердца, не могут услышать зова Жизни. И сердце, стучащее в минорной гамме, стучит монотонно: «Я, я, я».

* * *

Нельзя вырвать из себя какое-то одно чувство, чтобы весь организм не ответил эхом тому или иному движению духа. Если ты сегодня, в эту минуту, поддался страху – весь твой организм заболел. Если ты двинулся в радости и героическом чувстве – ты вплел в свой организм те залоги победы, которые через некоторое время войдут в действие всей твоей жизни.

Если ты начинаешь учить вперед свои нервы, как им воспринимать то или иное явление, да еще запутываешь их в сеть страха и воспоминаний, ты никогда не воспримешь правильно ни одного факта Жизни.

Мужество, одно мужество и бесстрашие раскрывают всего человека, все его силы и таланты. Старайся найти в себе свободное, не отягченное мусором личных неудач и скорби восприятие Жизни. Никакая скорбь не может сковать той абсолютно независимой сути, что живет в сердце человека.

* * *

Будьте смелы. Не останавливайтесь в пути, чтобы оплакивать неверные шаги прошлого. Каждая такая остановка кладет на ваше настоящее разъедающий пластырь. Учатся на своих ошибках только те, кто окреп сегодня, потому что увидел в своем вчерашнем недоразумении или ссоре с людьми собственную ошибку и решился более ее не повторять, тот сегодня вырос на вершок во всех своих делах и встречах. Кто же залил слезами, жалобой, унылостью свою вчерашнюю неудачу, тот сегодня разделил судьбу мусорного растения, которое обошло широким кругом даже голодное животное.

* * *

Не имеет смысла жажда знания без наличия сил духа

приложить эти знания к действиям дня.

Истина, прочитанная глазами, которые плачут, не озарит путь человека в его сером дне. И день его с его прочтенной истинной останется днем серым, днем сомнений и терзающих желаний.

Истина, прочитанная глазами, которые перестали плакать, озарит серый день человека. Построит в его дне несколько храмов, так как он ввел истину в дела своего дня. И день его стал сияющим днем счастья жить, а не днем уныния и разложения всех своих духовных сокровищ, что собрал раньше.

* * *

Чистота и бесстрашие – первые условия духовного зрения. Вся сила и весь новый смысл твоего существования – научится ничего не бояться. Добивайся полного бесстрашия. И не забудь, что бесстрашие – это не только отсутствие трусости. Это полная работоспособность всего организма, полное спокойствие в атмосфере опасности.

* * *

Но самообладание может быть бессмысленно, если оно акт чисто личный, а не действенная сила. Та сила, что вбирает в себя эманации раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь.

* * *

Невозможно таить внутри разлад, страдать и разрываться, а вовне показывать полное якобы спокойствие и этим лицемерным самообладанием помогать человеку переносить его горькие минуты. Только истинно мудрое поведение, то есть внутриубежденное спокойное состояние, может помочь ближнему. Оно может прервать тысячи драм людей только одним своим появлением, одной встречей. Таков живой пример мудреца. И в каком бы образе он ни встретился человеку, он может поднять его силы к героическому напряжению. Может помочь ему перейти из маленького, о личном горюющего человека одной улицы в одухотворенное понимание себя единицей вей Вселенной.

Вселенной, неизбежно подчиненной одному и тому же закону целесообразности, который ведет все живое на земле – от букашки до человека – к совершенству. Вы можете сказать, что все это вы знаете и понимаете. А на самом деле ничего не знаете и не понимаете. Потому что на языке мудрости знать – это значит уметь. А понимать – это значит действовать. Тот, кто говорит, что он знает и понимает, а не умеет действовать в своем трудовом дне, в действительности ничего не знает. Он по своей невежественности ничем не отличается от цирковых собак и лошадей, которые просто усвоили ряд привычных ассоциаций, воспринятых в той или иной последовательности.

* * *

Есть только одна непобедимая сила в жизни, и эта сила – Радость. Каждый раз, когда вам что-то не удается, когда вы хотите победить все препятствия и добиться результатов, побеждайте любя и радуясь. Каждая ваша улыбка ускорит вашу победу и развернет в вас силы. Каждая ваша слеза и слова уныния скомкают то, чего вы уже достигли в своих способностях, и отодвинут вашу победу далеко от вас[3].

* * *

Путь – это непрестанное движение, где не может быть ни момента остановки. Как только в путь, то есть в действия самого человека, ворвались гнев или раздражение, так весь путь остановился. Перестала звучать его гармония, и снова надо искать, как включится в симфонию Вселенной, ушедшей в своем творчестве вперед, пока человек стоял на месте. Нет ни для кого возможности двигаться по ступеням Вселенной, если он тяжел своим встречным, если его раздраженный окрик или нравоучительная, недовольная речь не помогают человеку встречному упокоится, но вызывают в нем протест.

* * *

Первое звено всей жизни всюду – мир сердца. Чем в большем мире идет по земле человек, тем дальше и выше он видит. А чем дальше видит, тем все больше понимает, как он мал, как мало может и знает, как много еще ему надо достигать.

* * *

Переключите свои мысли, забудьте о себе и думайте только о том, чтобы не нарушить общей гармонии своими колючими токами. Проходя день, человек больше всего должен думать, как пронести наибольшее количество мира в дела и встречи. Мир, который проливает одна душа другой, – это тот клей, который стягивает раны раздражения, прикладывает согревающий компресс к синякам бушующих страстей и льет бальзам в огорченное сердце собеседника.

Никогда не забывайте, что вся ваша деятельность, как бы высока она ни была, будет в большинстве случаев трудна вашим встречным, если вы сами в бунте и разладе. Наиценнейший труд не будет доступен массам, если сам труженик был одержим постоянной ломкой в своем самообладании. Его труд, даже гениальный, останется достоянием немногих, так как продвинуть великую или малую идею в массы народа может только тот, чьи силы живут в устойчивом равновесии.

* * *

Не имея мира в собственной душе, нельзя подать его другим. Дать можно только то, чем владеешь сам. Иначе все попытки принести мир и утешение человеку будут только пустоцветом, спиралью умствования, без смысла и цели посланными в эфир словами, где и без того немало мусора. Если проповедь новых идей малоэффективна, то это лишь потому, что она чисто формальна. Призывая к жертвам и лишениям ради высоких целей людей, проповедники чаще всего делают исключения для самих себя. Те же из них, кто несет проповедь не словом, а живым примером, всегда достигает успеха.

* * *

Иллюзии любви и красоты, создаваемые нашим воображением, до тех пор терзают нас, пока мы не завоюем себе сами полной свободы от них. И только тогда рушатся наши иллюзорные желания всякой красивости вовне, когда в нас оживет все то прекрасное, что мы в себе носим. Все толчки скорби, потерь, разочарований учат нас понимать, что нет счастья в условных иллюзиях. Оно живет только в свободном добровольном труде, не зависящем от наград и похвал, которые

нам за него расточат.

Если же вы цените только жизненные блага вроде денег, драгоценностей, богатства и внешнего положения, связанного с ними, а вопросы духа для вас излишнее бесплатное приложение, ваши усилия приобрести истинное знание, которое присуще только высокой жизни, будут всегда кончатся разочарованиями.

* * *

Ищите знания, чтобы понять, что несчастья нет как такового. Всё, все чудеса и несчастья носит в себе сам человек. Когда человеку открывается знание, он становится спокойным, ибо мудрость оживает в нем. Не ищите чудес, их нет. Ищите знание – оно есть. И все, что люди зовут чудесами, все только та или иная степень знания.

* * *

Перспектива, открываемая знанием, открывается каждому, как художнику, чувство перспективы, не сразу. Книга духовного знания не лежит вовне, она в сердце человека. И читать ее может только тот, кто учится жить свой каждый новый день, в который он вступил, все повышая уровень своего творчества.

* * *

Не давай слишком много обещаний и не разочаровывайся в своих силах. Не глупость твоя заставляет тебя сомневаться во всем, а привычка скептически принимать все обстоятельства жизни. Привычка думать об одной жизни земли в отрыве от всей жизни Вселенной. Усвой основное правило каждого живого человека: научись диалектически мыслить. Не разрывай связи со всеми радостными силами природы. И когда настанет твой час постичь знание всех элементов стихий природы, принеси к этому моменту в самом себе полный самообладания и гармонии сосуд.

* * *

Остерегайтесь умствовать там, где нужна простота мудрости. Научитесь хотя бы только одному: не имея о чем-либо

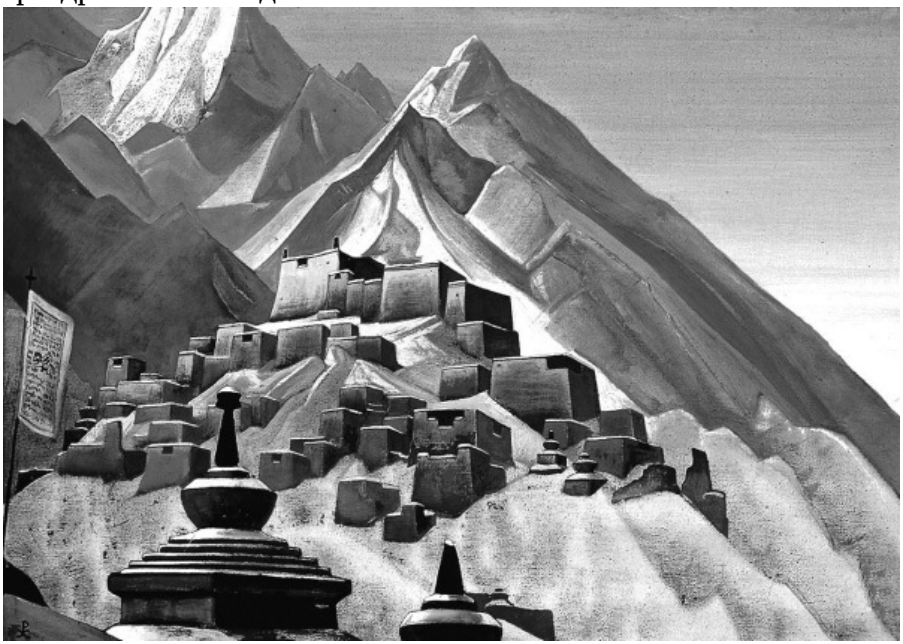
достаточных знаний, не отрицать того, что тебе говорят.

* * *

Мудрость не оказывает влияния извне. Она не проникает откуда-то в глубины духа. Она там живет. И пробудить ее в себе может только сам человек. И только сам человек – ограничитель собственного Света.

* * *

Если ты полон сияющей радостью, ты сразу увидишь в человеке чудо: он слит с гармонией, он идет в ней, несет ее в себе, хотя сам этого не видит. И каждый не видит по разным причинам. Один – потому, что карма держит его цепко и никак он не может освободиться от страха, жадности и ревности, которым служил долгие годы. Другой не может вырваться из ряда предрассудков долга и личной любви. Третий топчется в лабиринте узкого ума и не может вырваться из него и попасть в творчество интуиции. Четвертый завалил себе выход к освобождению, бегая весь день по добрым делам, а дома сея муть и раздражение и т. д.



Н.К. Рерих. Тибет. Гималаи. 1933 г.

* * *

Не забудь вовек: все – в человеке. И только он один творец своего пути. Вернее, каждый человек есть путь, и этот путь настолько близок к творчеству Единой Жизни, насколько смог освободить ее в себе человек.

* * *

Перед новыми поворотами в пути страдают только те, кто носит в себе еще не растворенным в любви свое «я». Кто ищет, отягченный страстями, тот еще больше заблуждается.

* * *

Если человек говорит, что любит науку, а не любит людей, для которых он ищет знаний, не видит в людях высших целей – он только гробокопатель науки. Если человек идет по жизни, не замечая жертв и самоотвержения тех, кто сопровождает его в этой жизни, он не дойдет до тех высших путей, по которым идут истинно великие люди. Если в человеке атрофируется нежность, доброта по мере того, как он восходит в высокие степени учености и славы, он сам лишает себя всех возможностей достичь радости общения с людьми, пленяющими его полнотой и размахом своей деятельности.

Точно так же обстоит дело и с любовью к природе. Чтобы заметить ее усилия помочь каждому любить ее в себе и себя в ней, надо научится замечать подвиг жизни своей родной матери. Научится любить ее, чтобы во всю дальнейшую жизнь навсегда знать, что такое любовь.

Всякая форма любви, где есть страх, непременно будет безобразной.

* * *

Ты должен думать, и думать очень крепко, чтоб в сердце твоем не шевелился червь ревности. Большего ужаса, чем пронизать свою жизнь припадками ревности, нельзя себе и представить. Всю жизнь себе и окружающим можно отравить и даже потерять весь смысл долгой жизни только потому, что дни были разъедены ревностью. Можно иметь великий талант, можно

увлечь человечество в новые сферы литературы, музыки, живописи – и все же создать себе такую железную клетку страстей в личной семейной жизни, что придется годы и годы изживать ту плесень на своем духе, что нарастил в ревнивой семейной жизни.

* * *

В девяноста девяти случаях из ста то, что люди называют любовью, на самом деле или их предрассудки и суеверия или их себялюбие. Истинной любовью будет лишь та, которая раскрывает все способности и таланты к творческой деятельности, которая освобождает дух человека.

Всякая разлука только до тех пор мучительна, пока у человека не созреет сила духа настолько, чтобы посылать творческий ток любви своему любимому с такой энергией, которая сплетала бы в любую минуту в одну общую сеть преданность обоих. Эта мощь духа также развивается, как и всякая иная способность человека. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельсов для молниеносного моста, на котором можно научится встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Не забывайте, что самые важные встречи человека – это его встречи с детьми. Обращайте больше внимания на них – мы никогда не можем знать, кого мы встречаем в ребенке.

Ребенок – это не тиран, который завладевает всею твоею жизнью. Не идол, для которого ты отрежешь себя от всего мира и весь мир от себя, чтобы создать замкнутую, тесную ячейку семьи, связанной одними личными интересами: любовью к «своим». Ребенок – это новая связь любви со всем миром, со всей Вселенной. Это раскрепощенная любовь матери и отца, у которых будет расти не «наш», «свой» ребенок, но душа, данная на хранение.

Не забывайте, что дети, родившиеся у вас, – не только плоды плоти и крови, принадлежащие вам. Но это те драгоценные чаши, которые Жизнь дала вам на хранение, улучшение и развитие в них их творческого огня. Не прилепляйтесь к ним, как улитка к раковине. Всегда думайте, что в вашем доме им пожить и погостить суждено какое-то время, чтобы созреть к собственной жизни.

Дети не только цветы земли. Они еще и дары ваши всей Вселенной. Через них вы или помогаете возвышаться человечеству, или остаетесь инертной массой, тем месивом, из которого, как из перегнившего леса, лишь через тысячи лет родятся уголь и алмаз.

Это неважно, каков будет первоначальный, тайный источник вашей накопившейся любви. Любя одного человека до конца, вы – именем его – будете служить миллионам.

Если сегодня любовь в сердце однобока и может понимать счастье только в любви к «своим», то завтра – по тем или иным причинам – сознание человека может расширится, и он охватит своею любовью «чужих». Двигаясь дальше по пути совершенствования и знания, человек осознает, что нет вообще чужих и своих. Что есть везде и всюду такие же люди, как он сам. Этот человек мог продвинутся дальше и выше. Другой мог сильно отстать и остаться еще в стадии двуногого животного. А третий мог так далеко шагнуть вперед, что приходится зажмурится, чтобы иметь возможность на него посмотреть.

Важнее для праведника указать другому путь в рай, хотя бы самому и споткнуться. Не тот день считай счастливым, который тебе что-то принес приятное, а тот, когда ты отдал людям свет сердца. Вглядывайся во всех встречаемых. Если ты встретил человека и не сумел подать ему утешающего слова – ты потерял момент счастья в жизни.

Верьте не в чудеса вне вас, а в чудо живущей в вас самом любви, притягивающей к себе весь огонь сердца встречного.

В любви не стоят на месте. Любовь – живая сила, и ее надо все время лить по новым и светлым руслам. Любовь признает один закон: закон творческой отдачи. И все, что ты отдаешь людям, любя их, снисходя к ним, все это, как ручьи с гор, посылает тебе Жизнь.

Знайте твердо: до последнего момента надо верить и надеяться пробудить в человеке его святая святых. До последних сил сердца надо молить Жизнь о помощи заблуждающемуся, заблудившемуся или оступившемуся, ибо в каждом человеке живет Она, а для Ее пробуждения нет ни законов логики человеческой, ни законов времени человеческого.

* * *

Держи сердце широко открытым. Следи, чтобы ни один его лепесток не закрылся. Лей молча любовь и не приходи в отчаянье, если человек не подбирает твоей любви, остается беспокойным и непросветленным. Не думай о последствиях, но всегда действуй сейчас.

Действовать не значит всегда и молниеносно побеждать. Это значит только всегда вносить пробуждение в дух человека, хотя бы вовне это имело вид, что ты не принес человеку мгновенного успокоения.

* * *

Сострадать – значит прежде всего мужаться. Так мужаться, чтобы бесстрашное, чистое сердце могло свободно лить свою любовь. А любовь, пощада и защита – это далеко не всегда ласковое, потакающее слово. Это и укор, это и удар любящей руки, если она видит, как падает дух человека, чтобы трамплином своей силы подкинуть огня в снижающийся дух и энергию человека. Это и награда за текущий день, прожитый в чистоте и творчестве.

* * *

Не отчаивайся, не считай себя бессильным в иные моменты жизни, когда стоишь перед скорбью и смятением человека и думаешь, что не можешь ему помочь. Нет таких моментов, где бы чистая любовь и истинное сострадание были бессильны, не услышаны теми, к кому ты их направляешь, и оставлены без ответа. Правда, не всегда твои чистые силы проявляются мгновенно внешней помощью встречному. Факты внешнего благополучия, единственное, что ценят люди как помощь, далеко не всегда составляют истинную помощь. Но каждое мгновение, когда ты вылил помощь любви, как самую простую доброту, ты ввел своего встречного в единственный путь чистой жизни на земле: в путь единения в мужестве, красоте и бесстрашии.

Разбив в сердце и уме страдальца предвзятое представление, что жизнь вооружилась против него, что его грехам нет прощения, что, будучи грешным, он не может уже выйти на путь света и нести этот Свет другим, ты разбиваешь перегородки авторитетов и предрассудков и создаешь ему новые борозды, куда потечет его мысль с этого мгновения.

Никогда не отчаивайся и силу понимай во внутренней работе

твоего собственного духа. И чем выше будут твои бескорыстие и радость, когда будешь принимать в сердце скорбь встречного, тем увереннее повернутся факты серого дня для встреченного тобою страдальца. И тем скорее, проще, легче сойдет с него очарование скорби.

* * *

Разве любовь умаляется в человеке оттого, что она пролилась и кто-то ее не подобрал? То место, где он пролил любовь, будет местом мира, хотя бы другой человек при тебе не утешился и остался беспокойным. Твоя любовь, если она была действенна, если Жизнь в тебе неслась вихрем радости к сердцу несчастного, что тебя не понимал, всегда создаст вокруг него освежающую струю. И, оставшись один, он успокоится, приведет себя в порядок и скажет другим: «Я нашел решение своим вопросам».

Поэтому неси только Свет и Мир, неси всю любовь сердца, стой перед Вечностью на дежурстве и не думай о последствиях встречи.

* * *

Расширяйте действенную любовь в ваших сердцах в труде простого дня. Не думайте так много о себе, о подвиге своего спасения. Думайте чаще и больше о мире, о живущих в нем людях, ищущих любви, зовущих и молящих о помощи и спасении. Посылайте каждому сердцу вашего сердца привет. Это ничего не значит, что в момент сосредоточения и тишины вы не видите людей и мир. Вы – люди, вы – мир, вы можете так широко любить и благословлять людей, печальных, неустойчивых и несчастных в своей жизни, что волны вашего доброжелательства долетят до них и принесут им успокоение.

Никакая энергия, посланная человеком в доброте, не может пропасть в мире. Энергия зла окутывает только тех, в ком встречает раздражение. Тогда она может угнездиться в человеке. А энергия доброты не минует ни одно существо в мире и если не освободит, то облегчит каждого страдальца, мимо которого мчится.

* * *

Чем выше и дальше каждый из нас идет, тем яснее видит, что предела достижения совершенства не существует. Но дело не в том, какой высоты ты достигнешь сегодня. А только в том, чтобы двигаться вперед вместе с вечным движением Жизни. А вот войти в него, в это движение, можно только любовью. Если сегодня ты не украсил никому дня твоей простой добротой – твой день пропал. Ты не включился в вечное движение, в котором жила сегодня вся Вселенная; ты отъединился от людей, а значит, не смог подняться ни к какому совершенству. Туда путь один: через любовь к человеку.

* * *

Никто не может быть отделен от человечества ни в чем: ни в дурном, ни в хорошем. В каждом из нас воплощено все человечество. Это не риторический оборот, не художественный образ, а реальная действительность. Все низменное и дурное, вызывающее у тебя естественное чувство отталкивания, протест, брезгливость, живет в тебе же самом, но оно живет в связанном состоянии, запрятанное так глубоко от тебя, что ты об этом и не подозреваешь. Иногда необходимо чрезвычайное обстоятельство, чтоб оно выявило себя.

Из этого вытекает призыв к неосуждению, которое имеет практический результат для самого тебя: отрицая и обличая других, ты не подозреваешь, что отрицаешь и обличаешь самого себя. Неосуждение важно еще как этап, предшествующий состраданию. Целительная сила сострадания, как некий бумеранг, возвращаясь к тебе же, помогает изжить в себе то, что глубинно и подчас скрыто от тебя.

Но если в тебе живет все дурное и низменное, то, с другой стороны, в тебе живет все высокое и героическое. Но оно тоже находится в тебе в связанном состоянии, неосознанное тобою. Понимание этой стороны дела уничтожает питательную почву зависти: все высочайшее, что доступно избранным человечества, доступно и тебе. Просто нужно быть внимательным к себе и не бояться себя и силы своей.

* * *

Все действия человека куют его связь со всем миром. Как бы ты ни жил, отъединится от связи с людьми ты не можешь. Ты можешь только своим поведением ковать ту или иную связь,

ткать ту или иную сеть, в которую ловишь людей и ловишься сам. Тобой создается та или иная атмосфера добра или зла.

* * *

Постигни, что служение ближнему – это не порыв доброты, когда ты готов все раздать, а потом думать, где бы самому промыслить что-нибудь из отданного для собственных первейших нужд. Это вся линия поведения, весь труд дня, соединенный и пропитанный радостью жить. Ценность ряда прожитых дней измеряется единственной валютой: где и сколько ты выткал за день нитей любви, где и как ты сумел их закрепить и чем ты связал закрепляющие узлы. Оцени радость жить не для созерцания мудрости, не для знания и восторгов любви, но как простое понимание: все связано, нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности обстоятельств.

* * *

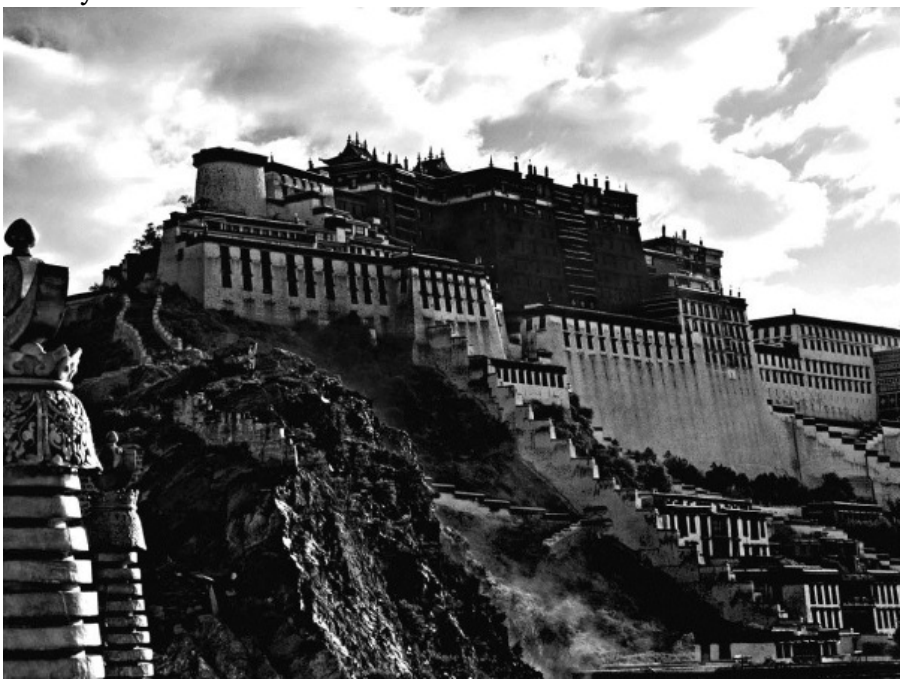
Никто не идет в одиночестве, а менее всего тот, кто несет людям завет новый.

Но людей таких, чтобы приняли безоговорочно в цельной верности новый завет своей современности, – мало. Большинство старается примирить слово новое со старыми предрассудками. И выходит у них халат из старой затасканной мешковины с новыми яркими заплатами. Они не чувствуют этого уродства, не страдают от дисгармонии, потому что их понятия о гармонии – детские. Устойчивости в них нет, и Вечностью, в ней полагая весь смысл своего текущего сейчас, они не живут. Страдает от бурь и отрицания толпы больше всего тот, кто принес завет новый.

Многие миллионы сознаний, где еще закрыт выход духу, живут, запертые в крепости ограниченно-заземленных идей ума не менее надежно, чем те миллионы, что постоянно ищут духовных путей, а живут в узких рамках личного. Первые, отрицающие духовную жизнь, часто бывают цельнее и находят путь к истине скорее и легче. Вторые – «искатели» – чаще всего так и умирают в двойственности, ища в идеях и фантазиях, а в земном, сером дне живя в лапах личных желаний.

Можно стоять у источника Жизни и не видеть его. Поэтому в предстоящих встречах никогда не удивляйся, если люди будут слушать твои слова и не слышать, то есть не понимать их смысла. Будут знакомиться с твоими произведениями, выбирать то, что

им будет нравиться, и пожимать плечами на все остальное, что они будут связывать с твоею им не нравящейся или им непонятною личностью, и говорить: «Мало ли кто и что выдумывает?» В этих случаях ты помочь людям ничем не сможешь, так как их глаза еще не пробудились и потому видеть не могут.



Дворец Потала, Лхаса.

Старайся раскрыть сознанию человека, что ни один из идеалов, носимых в уме как теория, не может иметь активного воздействия на сердце и дух человека. Шаг за шагом показывай мощь духовного развития в простых, обычных людях, что строят новые формы быта только потому, что их собственная, в них живущая любовь не знает разъединения, а знает твердо и непоколебимо вечную смену форм Единой Жизни.

Проповедуй в произведениях: только тот человек может войти в полное понимание своей роли на земле и понять смысл жизни, кто в своем куске хлеба не ощущает горечи, то есть в ком исчезло окончательно чувство зависти. Тому, кому еще свойственны сравнения своей судьбы с судьбами других, нет места в предстоящей деятельности людей будущего. Полная радостная самостоятельность и независимость каждого есть остов будущего человечества.

Неси не проповедь, ибо проповедь есть знание, не подкрепленное собственным примером. Гонец Света должен

найти силу жить так, как звучат передаваемые им слова. Он должен утверждать в действии то, что дерзнул сказать. Только тогда слова ваши взойдут как семена, а не как плевелы. По жатве понимайте силу и чистоту собственного посева.

Слово мира и любви неси не как возобновленный догмат: учи людей жить без догмата. Пытайся разъяснить тягчайшее заблуждение: жить духовно по указке другого.

Человек будущего должен жить в полной свободе, то есть в полном раскрепощении. Как самостоятельный труд, так и самостоятельное духовное развитие необходимо будущему человеку, психические чувства и силы которого будут легко развиваться. Но условием для их ценного и истинного развития должна быть полная устойчивость в своей самостоятельности, что равносильно непоколебимой верности.

Идите, легко выполняя свои задачи, и не ждите восходящих сейчас же плодов вашей работы. Вы – новые пахари; колосья созреют. Не о плодах труда заботьтесь, но о том, чтобы в вас никогда не мелькнуло желание наград или похвалы за ваш труд.

Не ждите, что вас встретят приветом, оценят и признают. Вы будете унижены и огорчаемы; будете осмеяны и оклеветаны не раз; но для этих обстоятельств идите глухими и слепыми. Им нет отклика в ваших сердцах. Там живет только Радость – Действие. Она встречает каждого и Она же его провожает.

* * *

Помни: зло никогда тебя не коснется, пока страх, неверность и ложь не коснутся тебя. Злу несносна атмосфера чистоты, и оно бежит ее. И только тогда, когда мелькнет тончайшая трещинка сомнений в твоем сердце, только тогда зло сможет приблизиться к тебе.

* * *

Надо носить в себе много зла, чтобы чужая воля могла им воспользоваться. Зло тащит за собой человека не потому, что окружает его извне, а только потому, что внутри сердца человека уже готов бурлящий кратер, куда зло только выливает свое масло, прибавляя силы его низменным страстям.

Сердце доброго – кратер любви, и маслом ему служит радость. Оно свободно от зависти, и потому день доброго легок. Тяжело раздраженному. Потому что кипение страстей в его

сердце не дает ему отдыха. Он всегда в раздражении, всегда открыт к его сердцу путь всему злому. Такой человек не знает легкости. Не знает своей независимости от внешних обстоятельств. Они его давят везде и во всем и постепенно становятся его господином.

* * *

Человек, не умеющий быть господином самого себя и все время переживающий пароксизмы раздражения, приступы бешенства и мук зависти, это не человек. Это еще только преддверие человеческой стадии, двуногое животное.

* * *

Не всегда можно помочь человеку, потому что в нем самом лежит первое препятствие к помощи. Человек бывает так закрепощен в своих предрассудках, что считает свою, на свой манер понимаемую верность какой-либо дружбе, любви или вере незыблемой истиной, величайшим светом и целью своей жизни. И такому лично воспринимающему жизнь человеку вся остальная Вселенная с ее законом Жизни, Кармой и следующими за нею по пятам закономерностью и целесообразностью представляется мертвым хаосом, где на его долю выпадают незаслуженные им горести и муки.

* * *

Чтобы иметь возможность сделать что-либо для человека, надо не только самому иметь для этого силы. Надо, чтобы и тот человек желал принять подаваемую ему помощь и умел владеть собой, своим сердцем и мыслями, умел хранить их в чистоте и проводить весь свой день так, чтобы приводить весь организм в гармонию. Нельзя и думать принести помощь тем людям, которые не знают радости, не понимают ценности всей своей жизни как смысла духовного творчества, а принимают за жизнь бытовые удобства и величие среди себе подобных, деньги.

Нет людей абсолютно плохих. Никто не рождается разбойником, предателем, убийцей. Но те, в ком язвы зависти и ревности разъедают их светлые мысли и чистые сердца, катятся в яму зла сами, туда, куда их привлекают их собственные страсти.

Разложение духа совершается медленно и малозаметно. Вначале ревность и зависть, как ржавчина, покрывают отношения с людьми. Потом где-то в одном месте сердца эта ржавчина проедает дыру. Начинается над ней скопление зловонных отбросов разлагающегося духа, а там начинается капель гноя, дальше потечет его струя. И все, что прикоснется к человеку, так живо разлагающемуся в своих мыслях, все понижается в своей ценности, если не сумеет сохранить себя от заразы. Если же сердце само по себе уже носит зловоние зависти, страха и ревности, оно, встречаясь с более сильной ступенью зла, попадает всецело под его власть.

* * *

Злоба – не невинное занятие. Каждый раз, когда вы сердитесь, вы привлекаете к себе со всех сторон токи зла из эфира, которые присасываются к вам, как пиявки, уродливые красные и черные пиявки с самыми безобразными головками и рыльцами, какие только возможно вообразить. И все они – порождение ваших страстей, вашей зависти, раздражения и злобы. После того как вам будет казаться, что вы уже успокоились и овладели собой, буря в атмосфере вблизи вас все еще будет продолжаться по крайней мере двое суток.

Эти невидимые вами пиявки сосут и питаются вами совершенно так же, как обычные пиявки, сосущие кровь человека. Всякое чистое существо очень чувствительно к смраду этих маленьких животных. И оно бежит тех, кто окружен их кольцом, кто лишен самообладания. Чистое существо встречаясь с человеком, привыкшим жить в распущенных нервах, в раздражительных выкриках и постоянной вспыльчивости, страдает не меньше, чем встречая прокаженного. Злой же человек, обладающий одним упорством воли, мчится навстречу такому существу, с восторгом видя в нем орудие для своих целей.

* * *

Если из жизни земли исключить понимание самой текущей жизни как связи вековых причин и следствий, то она сводится к нулю. Без перспективы света, который можно внести в труд дня, без знания, что свет горит в каждом человеке, жить творчески нельзя. Кто живет, не осознавая в себе этого света, тот примыкает к злой воле, думающей, что она может покорить мир, заставить

его служить своим страстям, своим наслаждениям.

* * *

Все так называемые темные силы не что иное, как невежественность. Люди, стремящиеся подсмотреть силы природы, при одном напоре одной воли отыскивают их. Обычно это люди, одаренные развитыми более, чем у других людей, психическими способностями. Но так как их цель – знание, служащее только их собственному эгоизму, их страстям и обогащению в ущерб общему благу, они отгораживаются в отдельные группы, называя себя разными умными именами. Они подбирают себе компаньонов, непременно с большой и упорной волей, обладающих силой гипноза.

Это очень длинная история, о ней в двух словах не расскажешь. Тянется она к нам из древних времен, и очагов ее лжи и лицемерия очень много: тут и колдуны, и алхимики, и провидцы, и т. д.

* * *

Темная сила несет всему дисгармонию и раздражение.

Ее девиз: «Властвуя, побеждай», тогда как девиз детей света: «Любя, побеждай».

Упорство воли темных – то зло, в путаные сети которого они затягивают каждого, в ком встречают возможность пробудить жажду славы и богатства. На эти два жалких крючка условных и временных благ попадаются те бедные люди, из которых они делают себе слуг и рабов. Сначала их балуют, предлагают им мнимую свободу, а затем закрепощают, соблазнив собственностью, ценностями, и так окружают разнузданностью страстей, что несчастные и хотели бы иной раз вырваться, но не имеют уже сил уйти из тех цепких лап.

* * *

Как распознать, что перед вами темный? Имеют ли все темные отвратительную внешность, которая сразу дала бы вам знать, что отталкивающая вас от человека сила, вызывающая ваше отвращение, выявлена вся вовне? Среди темных много красивых людей, имеющих даже чарующую внешность. Вспомните легенды

о падшем ангеле: ведь они его отнюдь не рисуют уродом.

Во внешности этих людей такое же разнообразие форм, как и среди остального человечества. Но что неизменно обще всем людям, так или иначе попавшим в лагерь темных? У каждого из них на первом месте – эгоистическое стремление овладеть волей встречного. Раньше, чем вникнуть в смысл встречи, темный выпускает свою силу гипноза, в какой бы мере она у него ни была развита; он стремится поставить своего встречного в подчиненное положение.

Он отлично знает, что вцепиться в человека он может только через те или иные страсти, прочесть которые не составляет труда ни для одного наблюдательного человека. А темные обучаются с самых первых шагов читать признаки человеческих страстей и разбираться в степени раздражительности человека.

Раздражительность – первый и главный козырь темных в системе овладевания людьми. Всякими способами они пытаются нарушить равновесие человека, затем будят в нем страх и жадность, вцепляются бульдожьей хваткой в человека и постепенно – с железным самообладанием и выдержкой – втягивают его волю в орбиту собственного сознания. Это первое, общее всем темным правило их темного дня.

Второе неизменное правило их поведения – вносить в каждую встречу ложь, лицемерие и путать так сознание и внимание встречного, чтобы человек думал, что встретил великую, доброжелательную силу, которая окажет ему поддержку и помощь.

Насколько светлая сила учит каждого человека понимать, что все в нем, что он – независимый и абсолютно свободный творец своей жизни, настолько темные стараются внушить каждому, что он бессилен и немощен без помощи и опеки, которые только и могут раскрыть двери к удачам, богатству, славе и почестям.

Светлая сила говорит каждому человеку, что он никогда не одинок, что мощь его не имеет границ, поскольку он частица Беспредельного. В речах же темного всегда звучит призыв к отъединению. Обещая за полное послушание все материальные блага, какие только существуют на земле, темный говорит встречному: «Не ищи разделить свои блага с кем бы то ни было. Все, что я дам тебе, – все сложи в склады и держи про себя.

Если это материальные сокровища, копи их, ибо они сила и ими завоевывается мир. Если это знания, помни, что ими приобретается умение овладевать волей людей. Ни с кем не делись, старайся всегда становиться в позицию силы и борьбы. Друзья тебе не нужны, а врагов победить надо, ссоря их между собой. Никаких других возможностей побеждать нет. И чем

жестче ты обращаешься с людьми, тем больше твоя сила, тем выше ты поднимаешься как владыка жизни».

Эти наставления составляют третье правило учения темных. Действуя по этим трем правилам, темные овладевают огромным количеством людей инертных и слабовольных, завистливых и жадных, раздраженных и отрицающих, жаждущих внешних благ, карьеры и славы.

Отрицание человека, его самость, его стремление всегда в жизни танцевать от своего «я» и всюду выдвигать это «я» почти всегда приводят к встрече с темными. Человек может быть очень добрым и честным по существу. Его сердце может быть полно любви и благородства. И все же в его уме может бурлить протест против своей современности, против узких рамок, которые ему предоставлены в каком-то деле, или он может протестовать против участия в его работе тех людей, от которых он получает вести Света… И темной силе готов новый раб, даже не заметивший, когда и как он попал в железные лапы темных.

Темные могут быть обворожительны по внешности, их манеры могут пленять мягкостью и их уговоры могут походить на журчание горных ручейков для людей мало распознающих, не собранных в своем внимании. И только несколько раз попив этой «горной» водички, неосторожный человек сможет разобрать вкус ее горький, запах ее, пьянящий его страсти, сможет понять, куда он забрел, какое сам своей неосторожностью соткал зло.

* * *

Но не думайте, что высшее благородство человека заключается в отгораживании себя от тех, кого мы считаем злыми или своими врагами.

Врага надо победить, но побеждают не пассивным отодвиганием от него, а активной борьбой, героическим напряжением чувств и мыслей. Нельзя прожить жизнь одаренному человеку – человеку, назначенному жизнью внести каплю своего творческого труда в труд всего человечества – в счастливом бездействии, без бурь, страданий и борьбы.

* * *

Пойми, как глубоки корни несчастья людей, как нельзя их судить, как нельзя расстраиваться недостатками людей. Надо нести им бодрость и стараться пресечь зло, поставив им твердые

рогатки там, где люди слабы, чтобы сберечь прежде всего их самих. Пока сам не созрел, не стремись помогать. Увеличишь только зло и внесешь еще большее раздражение в жизнь тех, кому захочешь помочь, если сам не готов, если сам не можешь действовать в полном самообладании.

* * *

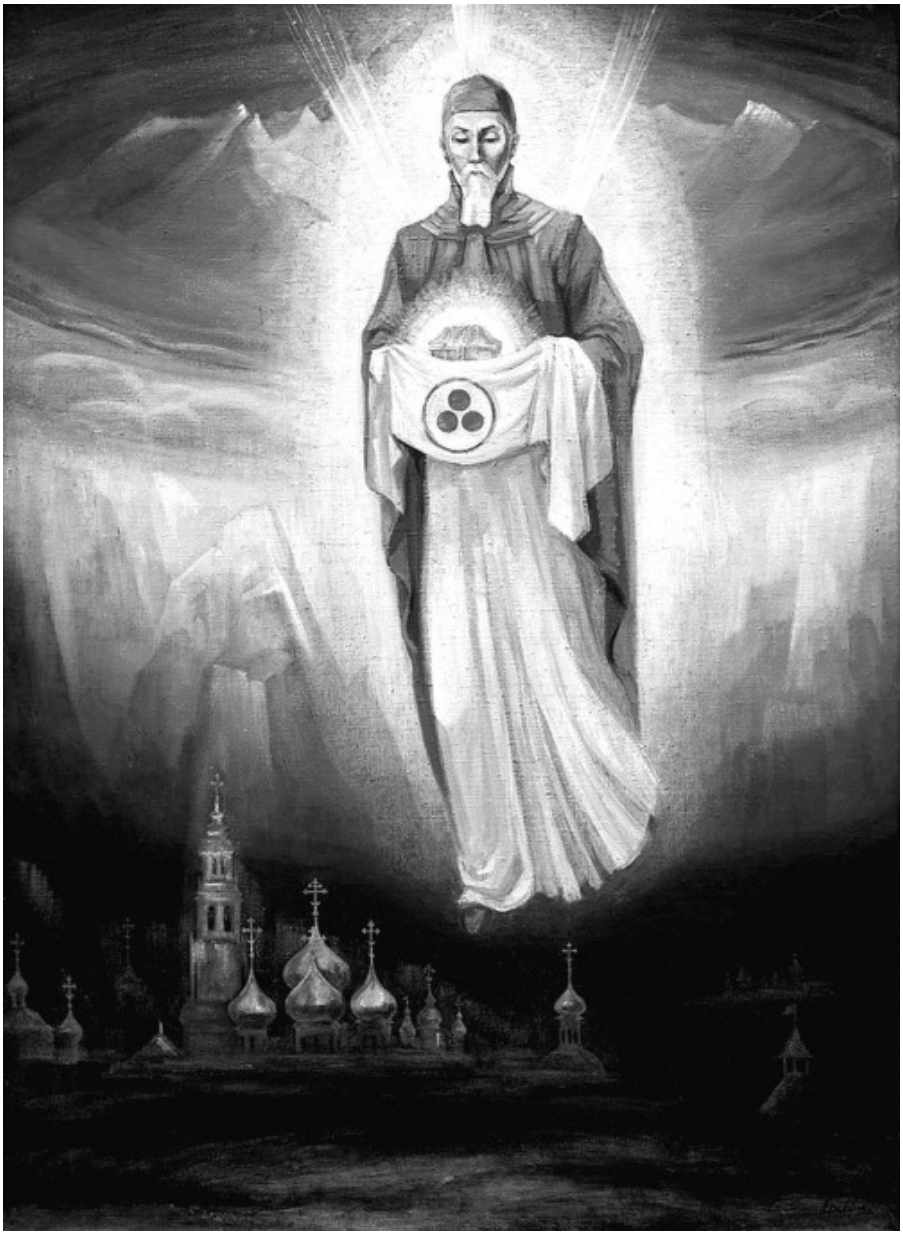
Думай, как тебе понять, что такое Радость. В первый же раз, как ты ее испытаешь, ты прорежешь непроходимую для злых пропасть. Радость ведет к победе любви, а злое уныние – к упорству воли. Упорство же воли – меч зла. Этот меч не может разить там, где живет Радость.

* * *

Все люди делятся на знающих, освобожденных от предрассудков и давящих их страстей, а потому добрых и радостных, и на незнающих, закованных в предрассудки и страсти, а потому – унылых и злых. Учись. В жизни есть только один путь: знание. Знание раскрепощает человека. И чем свободнее он становится, тем больше его значение в труде Вселенной, тем глубже его труд на общее благо и шире круг той атмосферы мира, которую он несет с собой.

* * *

При встрече с истинным знанием все злые тайны, не представляющие из себя ничего, кроме той или иной силы гипноза, разлетаются в прах.



Н.К. Рерих, который несёт свет людям. Картина создана талантом ГрЕв КаФи – супружеской парой художников эзотерического направления.

* * *

Еще и еще раз уложите во все складки вашего сознания не раз сказанные слова: «Если сердце ваше чисто – никакое зло не может

коснуться вас. Перед вашей чистотой оно бессильно».

* * *

Первое, о чем помните больше всего: внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу, которое делаете. Вся жизнь человека – только внимание. Это первая необходимость в жизни. Тот, кто не разовьет своего внимания в жизни каждого дня, не сможет ни в одной области достичь чего-либо большого.

* * *

Каждый из нас пропускает без внимания сотни встреч, потому что не выработал привычки гибко и всецело переключаться полным вниманием от одного предмета к другому. Все упирается в рассеивающееся внимание или, вернее, в однобоко концентрирующееся внимание, упускающее из поля зрения все, кроме привлекающих дух мыслей.

* * *

Обо всем надо помнить, все держать в памяти, хотя бы небо сияло в душе.

В твоей комнате стоит зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая от условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, оправляя перед зеркалом складки своего платья, а о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смешон в своей одежде. Запомни, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высоко развитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в их пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высокоразвитому и чистому человеку.

Вторая условность: «Здравствуй», которой говорят люди друг другу. Ты еще глубже должен понять это слово как привет любви, как поклон Огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но остов твоего собственного доброжелательства в момент встречи с человеком.

Начинай через все привычные людям щели их условного

общения друг с другом вносить благородство сердца. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют им восприятие твоего собственного образа, а привлекают их.

* * *

Следите за собой, но следите легко. Не изображайте из себя злющего и строжайшего наставника самому себе, как вы не желаете быть им для других. Душа каждого из нас – тот же нежный цветок, который нуждается в ласке и заботливости. Но надо понять, что собственная душа растет и очищается только силой той доброты, что источает сердцу встречного, а не приказом воли, повиноваться которой без легкости и доброты – и есть путь злых.

* * *

Ничего нет во Вселенной, что мог бы сделать человек, стоя в одиночестве. Все в мире связано нитями любви. И внимание, если человек выработал его в себе до конца, открывает каждому непрерывное свершение человеческих судеб. Будь внимателен к окружающим тебя людям, и ты будешь расширять свое внимание все дальше и дальше. И ты будешь видеть на много верст кругом, как и где нужна твоя помощь.

Внимание человека утомляется и суживается потому, что оно много и долго обращено на самого себя. Когда оно перестает сосредотачиваться на себе, оно не знает усталости. Это для многих долгая и трудная работа.

Человеку начинает казаться, что он только и делает, что думает о других. А на самом деле он имеет только более талантливую природу и ищет более широкого применения собственным талантам. И тут есть два пути: путь ума и путь сердца.

Идущие путем сердца не спрашивают себя, хорошо или плохо будет то, что они делают. Они идут и делают. Их ведет простая доброта.

* * *

Не ищи понять, как, куда и откуда идет человек, если он

встретился тебе. Ищи подать ему помощь в эту минуту встречи. Ибо нет ничего важнее на земле, чем проистекающая сейчас эта встреча. Если сумеешь внести в свою встречу мир, твоя задача выполнена. Бдителен будь в своем внимании, и вся жизнь ни на одну минуту не пройдет мимо тебя.

* * *

Тот, кто пришел к тебе, – самое главное твое дело.

Оно первое по важности, отдавай ему всю полноту сил и чувств и не оставляй каких-то частей духа и разума для дальнейшего.

* * *

Вглядывайся пристально во встречи с людьми, думай только о них. Не примешивай к каждой встрече мыслей о себе и не примеривай на себя пути каждого другого человека, как платья. Нельзя носить все фасоны платьев и нельзя изжить все виды труда.

Можно только в данной тебе вековой форме труда пронести свое «сейчас» в таком величии знания тончайших струн человеческого сердца, в такой любви и сострадании к путям человеческим, что во всем, что выбросит в мир твой труд, для людей найдутся новые и более легкие возможности любя побеждать.

* * *

Ты должен по новому смотреть на каждого человека, ища в нем не то, что сразу и всем видно, не броских качеств ума, красоты, остроумия или злых свойств, а ту внутреннюю силу и доброту сердца, которые только и могут стать светом во тьме для всех окружающих среди их предрассудков и страстей. И если хочешь нести свет и свободу людям, начинай всматриваться в людей по-новому. Начинай бдительно распознавать разницу между мелким, случайным в человеке и его великими качествами, родившимися в результате его трудов, борьбы и целого ряда побед над самим собой. Начинай сейчас, а не завтра. Отойди от предрассудков, что человек – тот, чем он кажется, и суди о нем только по его поступкам, стараясь всегда встать в его

положение и найти ему оправдание.

* * *

Как бы любвеобильны вы ни были, найти путь к единению в красоте человеку бестактному невозможно. Есть старики, которым как будто специально дается долголетие, чтобы они поняли это свойство любви, чтобы научились распознавать во встречном его момент духовной зрелости, а не лезли к людям со своими пониманиями, спорами, жалобами и нравоучениями, считая, что раз им что-то кажется таким, значит, оно такое и есть на самом деле и надо лететь и выкладывать из своей кастрюли все, что там кипит.

Обдумывайте каждое слово. Всегда распознавайте все то, что окружает вас, и помните крепко, что есть положения, когда лучше всего молчать. Кажущаяся внешняя инертность человека, всем видимая, часто бывает самой активной помощью тому, кто на вашу же инертность жалуется.

Те же люди, что бегают по дню в сумбуре своих страстей, и торопливо, суетно несут всем кажущуюся помощь, те стоят на месте в смысле истинной помощи и приносят даже вред вместо пользы. Ибо истинная помощь – это мужество, быть может, иногда и суровое слово, которое не понравится встречному, а вовсе не поглаживание по головке слезливого человека. И чтобы иметь силу высказать это мужество и помочь своему встречному, надо вырасти в своем духе, в своем бесстрашии и такте.

* * *

Никогда в своих бытовых отношениях с людьми не ищи объяснений с ними. Ищи порадовать человека, старайся начать и кончить встречу с каждым в радости. Но избегай того, кто, хмурясь сам, старается искать в тебе причин своей хмурости. Беги тех семей, где живут, ссорясь. Те, кто рассказывают о своей любви к семье, а на самом деле являются тиранами и ворчунами, не меньшие преступники, чем любые воры, уносящие ценности людей.

* * *

Каждый, вступающий на путь знания, должен стараться

говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не жалило. Если будешь нести доброту в сердце, не сделаешь бестактности. Возьми новое правило поведения: не говори никогда и ничего о братьях и сестрах твоих, когда их нет с тобой. И говори только то, в чем не участвует твое раздражение. Каждый раз, когда слово осуждения готово сорваться с твоих уст, вспоминай, как мало тебе остается еще жить в этом теле и как каждое упущенное в пустоте мгновение разлагает не один только твой дух, но и дух каждого, с кем ты в это мгновение встретился.

* * *

Унесите с собой как завет: мужество и такт. Никогда не произносите слова, пока полное самообладание не приведет вас к мысли: человек, что жалуется или сетует мне, стоит на той точке эволюции, где ему еще не открылось, что все в себе, что он сам сотворил всю свою жизнь прежде, творит ее и сейчас. И только тогда ищите мужества в себе дать самый благородный ответ на самый низкий вопрос, самую недостойную жалобу.

* * *

Всегда, встречая людей, оказывая им помощь или передавая им знания, умейте приготовить в их душах почву, на которой может быть понято передаваемое вами.

Первая забота о человеке, если он поручен вам, – суметь стать в его положение и не превысить его возможностей в передаваемом ему деле.

Твердо помните не как теорию, а как практику ежедневного труда: «Может – не значит будет».

Каждый раз, когда вы подумали сначала о себе, то есть сказали себе: «Как трудно продвинуть в массы эти понимания», вы уже раскрыли щель в своей защитной сети и наполовину уменьшили успех предпринятого дела.

* * *

Нельзя врываться в чужую жизнь, предлагая свою помощь, если сам не обладаешь достаточными знаниями, помимо отваги и храбрости. Редко встречается в людях бесстрашие правды. Оно очень ценно не только потому, что охраняет самого человека от

множества горестей, но и других защищает, помогая им сбрасывать с себя налет лжи. Но для того, чтобы это качество могло творчески помогать людям, сам человек должен точно, бдительно распознавать, насколько отвечают истине его собственные представления о делах и людях.

* * *

Нельзя иметь в сердце божественную доброту и при ней не развить до такого же масштаба в себе приспособления такта. Нельзя владеть огненной силой духа и не развить в себе полного понимания сил и характера встречного, чтобы всегда знать точно, в какой мере вы можете и должны вовлечь его в свой огонь.

Нельзя прикасаться к жерновам Единой жизни иначе, как пронося в перемолотом виде все дары Истины людям. Если подать непонимающему самое заветное сокровище, он может умереть от неумелого обращения с ним, не принеся пользы ни своему окружению, ни себе.

* * *

Ничьи глаза нельзя раскрыть насильно. На земле очи каждого раскрываются тогда, когда он долго и много трудится.

Доброта личная в духовных отношениях, ложно понятое сострадание, то есть желание ввести неготового человека в мир новых идей и духовного творчества, в те высоты, где требуется уже вся мощь и вся гармония организма, приводят всегда к катастрофе. Как бутон цветка, насильственно пересаженный на чересчур яркое солнце, засыхает, вместо того чтобы распуститься, так и дух человеческий, введенный в более высокий план ранее, чем гармонично развитые силы всего его организма сами вызовут и притянут вибрации и частоту волн высшего плана, не дает не только плодов огненного творчества, но идет в искривление.

* * *

Вступая в новую орбиту движения творческих сил, сохраняйте в памяти начало своего пути, начало своих исканий. Вспоминайте, что не всегда вы были сильны. Не всегда побеждала в вас любовь без раздражения и горечи. И вам будет легче покрывать своей любовью, своим милосердием и миром ту

духовную пропасть, что лежит между вами и теми людьми, кому несете свои новые знания.

Сердце Азии

I

Бьется ли сердце Азии? Не заглушено ли оно песками? От Брамапутры до Иртыша и от Желтой реки до Каспия, от Мукдена до Аравии – всюду грозные беспощадные волны песков. Как апофеоз безжизненности, застыл жестокий Такламакан, омертвив серединную часть Азии. В сыпучих песках теряется старая императорская китайская дорога. Из барханов торчат остовы бывшего когда-то леса. Оглоданными скелетами распростерлись изгрызанные временем стены древних городов. Где проходили великие путники, народы переселений? Кое-где одиноко возвышаются керексуры, менгиры, кромлехи и ряды камней, молчаливо хранящих ушедшие культы. Конечности Азии бьются вместе с океанскими волнами в гигантской борьбе. Но живо ли сердце? Когда индусские йоги останавливают пульс, то сердце их все же продолжает внутреннюю работу; также и с сердцем Азии. В оазисах, в кочевьях и в караванах живет своеобразная мысль. Конечно, трудно говорить о всей Центральной Азии подробно. Но в отрывочных характеристиках все-таки мы можем отметить и современное состояние этих огромных областей, и оглянуться на памятники славного прошлого. Как и всюду, с одной стороны вы можете найти и замечательные памятники, и изысканный способ мышления, выраженный на основах древней мудрости, и дружественность человеческого отношения. Вы можете радоваться красоте и можете быть легко поняты. Но в тех же самых местах не будьте удивлены, если ужаснетесь и извращенным формам религии, и невежественности, и знакам падения и вырождения. Мы должны брать вещи так, как они есть. Без условной сентиментальности мы должны приветствовать свет и справедливо разоблачать вредную тьму. Мы должны внимательно различать предрассудок и суеверие от скрытых символов древнего знания. Будем приветствовать все стремления к творчеству и созиданию и оплакивать варварское разрушение ценностей природы и духа. Конечно, мое главное устремление, как художника, было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне – воплотить все художественные заметки и впечатления – так щедры эти дары Азии.

Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных

впечатлений действительности. Горы везде горы, вода всюду вода, небо везде небо, люди везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать. Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду ознакомиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне. Мы видим в последних находках экспедиции Козлова, в трудах профессора Ростовцева, Боровки, Макаренко, Толя и многих других огромный интерес к скифским, монгольским и готским памятникам. Сибирские древности, следы великого переселения в Минусинске, Алтае, Урале дают необычайно богатый художественно-исторический материал для всего общеевропейского романеска и ранней готики. И как близки эти мотивы для современного художественного творчества. Многие звериные и растительные стилизации могли выйти из новейшей лучшей мастерской.

Основной маршрут экспедиции выразился в следующем обширном круге по серединной части Азии.

Дарджилинг, монастыри Сиккима, Бенарес, Сарнат, Северный Пенджаб, Равалпинди, Кашмир, Ладак, Каракорум, Хотан, Яркенд, Кашгар, Аксу, Кучар, Карашар, Токсун, Турфанские области, Урумчи, Тянь-Шань, Козеунь, Зайсан, Иртыш, Новониколаевск, Бийск, Алтай, Ойротия, Верхнеудинск, Бурятия, Троицкосавск, Алтын-Булак, Урга, Юм-Бейсе, Анси-Джау, Шибочен, Нанынань, Шарагольчи, Цайдам, Нейджи, хребет Марко Поло, Кокушили, Дунгбуре, Нагчу, Шендза-Дзонг, Сага-Дзонг, Тингри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-Дзонг, Сепола, Ган-ток, Дарджилинг.

Следуя по горным перевалам перейденным, мы получаем следующий лист 35 перевалов, от 14 000 до 21 000 футов.

Соджи-Ла, Кардонг-Ла, Караул-Даван, Сассер, Дабзанг, Каракорум, Сугет, Санджу, Урту-Кашкариин-Дабап, Улан-Дабан, Чахариин-Дабан, Хенту, Нейджи-Ла, Кукушили, Дунгбуре, Тангла, Кам-Ронг-Ла, Тазанг-Ла, Ламси, Наптра-Ла, Тамакер, Шенца, Ланце-Нагри, Цаг-Ла, Лам-Линг, Понг-Чен-Ла, Доичен-Ла, Санг-Мо-Ла, Киегонг-Ла, Цуг-Чунг-Ла, Чжя-Ла, Уранг-Ла, Шару-Ла, Гулунг-Ла, Сепо-Ла.

Чтобы не возвращаться более к условиям перехода перевалов, нужно сказать, что, кроме перевала Тангла, за все эти многочисленные переходы никто из нашего каравана серьезно не пострадал. Но и в случае Тангла были особые условия. Была нервность, происшедшая от неясных переговоров с тибетцами, хотя и сам перевал имеет, несомненно, какие-то климатические

особенности.

Юрий имел такую сильную атаку сердечной слабости, что почти упал с лошади, и доктор наш, применяя очень сильные дозы дигиталиса и аммония и восстанавливая кровообращение массажем, очень опасался за его жизнь. Лама Малонов упал с лошади и без чувств лежал на дороге. Кроме того, еще трое из спутников имели, как они выражались, сильные припадки «сура», выражавшиеся головной болью, ослаблением кровообращения, тошнотою и общей слабостью. Впрочем, подобная слабость в большей и меньшей степени часто сопровождает переход горных вершин. На перевалах нередко замечается также кровотечение, сперва из носа, а затем и из других менее защищенных мест. Тот же симптом часто выражается на животных после 15 000 футов высоты. Караванный путь через Кардонг, Сассер, Каракорум особенно обильно усыпан скелетами всех родов животных: лошадей, ишаков, яков, верблюдов, собак. Мы встречали на пути несколько брошенных ослабевших животных, из носу которых обильно текла струя крови. Неподвижные и дрожащие, они ожидали неизбежный конец свой. И действительно, конец их был неизбежен: спасти их могло бы лишь одно, а именно спустить их с 17–18 тысяч высоты, на которых они находились, на высоту 7–8 тысяч, но это было невозможно. В нашем караване были случаи кровотечения у животных и у людей, но без серьезных последствий. Вероятно, этому помогали меры, принятые нами перед каждым перевалом.

Неопытные люди могут думать, что перед трудною высотою следует подкрепиться обильной и мясной пищей, выпить вина и покурить. Но все эти три обстоятельства и являются главными врагами. Испытанные проводники ладакцы определенно сказали нам, что перед каждым перевалом как людям, так и животным благодетельным будет именно голод и ничто раздражающее не должно быть допускаемо. На каждый перевал мы шли с утра, задолго до солнечного восхода, и выпивали лишь небольшую кружку горячего чая. Коням же перед перевалами не давали ни овса, ни сена. Бывший с нами лама неоднократно страдал кровотечением, но семидесятилетний китаец-переводчик ни разу не чувствовал затруднений при переходах. Конечно, всякое лишнее движение или несоразмерная работа вызывали слабость, головокружение и у некоторых тошноту. Но несколько минут спокойствия восстанавливало нарушенное кровообращение. Среди особенностей снежных перевалов мы подверглись так называемой снежной слепоте. Трое испытало ее в разных степенях. Калмык Кедуб, тибетец Кончок и я. Вся неприятность

длилась от пяти до шести дней с разными следствиями. У меня был поражен правый глаз, и после двух дней в нем появились все изображения удвоенными совершенно ясно и четко. У Кедуба и Кончока появилось четыре изображения. Мы проверяли это показание и упорно получали тот же ответ. Не меньшую неприятность доставлял нам и особенно Е.И. так называемый горячий снег, когда снег от отраженного солнца дает нестерпимый жар, от которого некуда скрыться.

Мы имели еще три неприятности в караване, а именно: явления сердечные, от которых погибло трое, и явление простудное, унесшее двоих. Кроме того, несколько людей в караване страдало от цинги и в том числе заведующий транспортом П. Надо отметить, что в северном Тибете среди местного населения мы видели много случаев сильной цинги. Кроме основного состава экспедиции из Е.И., Юрия и меня, в течение нашего долгого пути, кроме караванных слуг, мы имели ряд временных сотрудников. По Сиккиму с нами был Святослав и Лама Лобзанг Мингюр Дордже, известный знаток тибетской литературы, учитель большинства европейских тибетологов современности. Каждый, шествующий по Сиккиму, встречается с любезным отношением генерала тибетской службы, ныне на британской службе, Ладен-Ла, который оказывает всяческое содействие путешественникам. В дальнейшем пути с нами шел в качестве китайского переводчика семидесятилетний офицер китайской армии Сайкен-Хо и калмыцкий лама Лобзанг. На Алтае с нами были З.Г. и М.М. Лихтман. После Урги в экспедицию вошел доктор Рябинин, заведующий транспортом Портнягип и две необычные помощницы Б.И., местные казачки сестры Людмила и Рая Богдановы, яз которых младшей Рае при отправлении экспедиции было 13 лет. Думаю, что она была самой молодой из прошедших суровое нагорье Тибета. Присутствие трех женщин в экспедиции, разделивших все опасности жестоких морозов и трудности пути, должно быть определенно отмечено. В Шарагольчах перед Улан-Даваном к экспедиции из Китая подошел полковник К. и заведующий хозяйством Г.

Начнем с Сиккима.

Необыкновенно благостное впечатление производит эта благословенная страна, связанная с воспоминаниями о великих подвижниках религии. Здесь жил Падма Самбхава, основатель красношапочной секты; здесь проходил на Тибет Аттиша, возглашавший учение Калачакры; здесь по пещерам пребывали многие аскеты, наполняя пространство своими благими мыслями. За Киченджунгой в подземельях и до сих пор пребывают

затворники, и только дрожащая рука, протянутая по условному знаку за пищей, показывает, что физическое тело еще не отошло. Все 17 вершин Гималаев сияют над Сиккимом. С запада к востоку: Канг, Джану, Малый Кабру, Кабру, Доумпик, Талунг, Киченджунга, Пандим, Джубони, Симву, Нарсинг, Синиолчу, Пакичу, Чомомо, Лама Андем, Канченджау. Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине неисчерпаемая впечатлениями и неустанно зовущая. Нигде на земле настолько не выражены два совершенно отдельных мира, мир земной с богатой растительностью, с блестящими бабочками, фазанами, леопардами, енотами, обезьянами, змеями и всей неисчислимой животностью, которая населяет вечнозеленые джунгли Сиккима. А за облаками в неожиданной вышине сияет снежная страна, не имеющая ничего общего с кишащим муравейником джунглей. И этот вечно волнующийся океан облаков и непередаваемых разнообразий туманов!

Киченджунга одинаково обращала внимание как тибетцев, так и индусов. Здесь складывались вдохновляющие мифы творчества Шивы, выпившего яд мира для спасения человечества. Здесь из облачного бурления воздымалась блистающая Лакшми для счастья мира. Общее благостное впечатление поддерживается и монастырями Сиккима. На каждом бугре, на каждой вершине, сколько хватает глаз, вы замечаете белые точки – это все прилепились твердыни учения Падмы Самбхавы, официальной религии Сиккима. Махараджа Сиккима, живущий в Гантоке, глубоко привержен религии. Супруга его махарани, тибетского рода, является для Тибета совершенным исключением по своей просвещенности. Большинство монастырей Сиккима связано с теми или иными реликвиями и древними традициями. Здесь пребывал сам Падма Самбхава. Там учитель медитировал на скале, и если скала дает новые трещины, это значит, что окрестная жизнь уклоняется от праведного пути. Монастырь Пемаяндзе является официальным средоточием религии Сиккима. Подле монастыря еще сохранились развалины древнего дворца махараджи. Но гораздо большим духовным значением пользуется лежащий в одном переходе от Пемаяндзе старый монастырь Ташидинг. Туда каждому путешественнику следует заглянуть, хотя путь через бамбуковый мост над гремящим потоком труден. Мы были в Ташидинге в феврале, на тибетский Новый год, когда тысячная толпа из местных селений придает месту необычайную живописность. К этому же времени в Ташидинге совершается и ежегодное чудо с чашею.

Древняя каменная чаша ежегодно до половины наполняется

водою и в присутствии лам и представителей махараджи запечатывается. Через год в день Нового года в присутствий тех же свидетелей ларец, в котором заперта чаша, распечатывается. Снимаются с чаши старинные ткани, в которые она обернута, и по состоянию воды произносится предсказание о будущем. Вода или убывает или, как говорят, иногда прибывает. Так, указывают, что в 1914 году, перед великой войной, вода сильно прибыла, что означало войну и бедствие. Во всех монастырях Сиккима замечается приветливое отношение к иностранцам, и дружелюбная атмосфера ничем не нарушается. Настоятели монастырей охотно показывают свои сокровища, среди которых немало предметов старинной прекрасной работы. Мы были в Сиккиме во время третьей неудачной эверестской экспедиции, и ламы говорили нам: «Удивляемся, зачем пелингам-иностранцам принимать на себя такие трудности по восхождению. Им не достичь успеха. Многие из наших лам бывали на вершине Эвереста, только они были там в тонком теле».

В этих местах многое, кажущееся странным для европейца, звучит совершенно естественно.

Недавно в Дарджилинге произошел характерный эпизод со стариком ламой. Во время какого-то уличного столкновения вместе с участниками беспорядков был захвачен полицией и старик лама, случайный зритель. Лама не протестовал и вместе с прочими был осужден на известное время ареста. Когда же истек срок ареста и лама должен был быть освобожден, он заявил, что просит его оставить в тюрьме, так как это самое спокойное место и наиболее пригодное для концентрации. Сикким сопровождает нас чудесными благостными преданиями. В храме гремят гигантские трубы. Лама спрашивает: «Знаете ли, отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах?» И поясняет: «Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука. И знаете ли, отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать звание и ясновидение ламы, император сделал для него сиденье из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, как же вы сели на священные книги?» – «Здесь нет священных книг», – ответил лама. И

изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки». И о талисманах поясняет лама: «Священны талисманы. Мать много раз просила сына принести ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру перед тобою, если не принесешь теперь мне». Но побывал сынок в Лхассе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей зуб собачий и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб на божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы».

Несмотря на краткость изложения, не могу не упомянуть еще о случаях волевых приказов, которые происходят в этих местах. Во время пребывания таши-ламы в Индии его спросили, правда ли, что он обладает какими-то особыми силами? Духовный вождь Тибета улыбнулся и не ответил. Но через несколько минут таши-лама исчез из вида. Дело происходило в саду, присутствовавшие бросились искать таши-ламу, но безуспешно. В это время в сад вошел один новый человек и был поражен необычайной картиной. Таши-лама спокойно сидел под деревом, а вокруг него суетились тщетно искавшие его люди. Или другой случай волевого воздействия. В поезде бенгальской железной

дороги был обнаружен безбилетный садху, которого и высадили на следующей станции. Садху уселся на перроне недалеко от локомотива и остался недвижимым. Дали звонок к отходу поезда, но поезд не тронулся. Публика, недовольная высадкой «святого» человека, обратила на это внимание. Второй раз должен был тронуться поезд и опять не двинулся. Тогда пассажиры потребовали пригласить садху занять свое прежнее место, и святой человек торжественно был введен обратно в вагон, после чего поезд благополучно тронулся. Не буду останавливаться на Бенаресе, но удивимся, что большая часть Сарната, памятного места, где Будда начал свою проповедь, еще лежит под буграми, нераскопанная. И те развалины, которые

обнаружены сейчас, тоже вскрыты сравнительно лишь в последнее время. Странная судьба окружает большинство мест, связанных с личными трудами основателя буддизма. Капилавасту в развалинах, Кушииагара тоже, Сарнат еще не вскрыт окончательно. В этом есть какое-то особое значение.

До недавнего времени некоторые ученые даже пытались доказать, что Готама Будда никогда не существовал. Несмотря на неоспоримые факты огромной буддийской литературы, несмотря на надписи на древних колоннах царя Ашоки, французский ученый Сенар в своем исследовании утверждал, что Будда никогда не существовал и есть не что иное, как солнечный миф. Но и тут точное знание восстановило человеческую личность Учителя Готамы Будды. Урна, датированная надписью, с частью золы и костей Будды вскоре была найдена в Пшграве, в непальском Терае. Такая же историческая урна с частью реликвий Учителя, положенная царем Канишкой и найденная около Пешавара, также определенно свидетельствует о смерти великого первоучителя буддизма. Любопытно отметить, что последняя находка была сделана па основании записей старых китайских путешественников. Вообще нужно отдать справедливость старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз.

Северный Пенджаб дает массу исторического материала как по древнейшей эпохе Индии, в Харапа, на севере Лахора, также и по индийскому средневековью от восьмого века нашей эры. Не забыт здесь и буддизм, хотя официально и непроявляемый. Готама-Риши, как местные пенджабцы и пахари называют Будду, находится в большом почете. Развалины древних буддийских храмов с явно буддийскими изображениями показывают, что и здесь, на древних путях из Тибета, религия буддизма давно процветала. В одной долине Кулу считается триста местных почитаемых риши. Эти места связаны с самыми большими именами. Говорится, что сам Арджуна из Кулу проложил подземный ход в Маникарн. Здесь же в махараджестве Манди находится знаменитое озеро Равалсар, соединенное в предании с именем Падма-Самбхавы. Да сих пор множество лам со стороны Шипки перевала и Ротанга спускаются в долину для почитания памяти Учителя. Места, насыщенные воспоминаниями! Ведь Манди и Кулу являются тою замечательною страною Захор, которой отведено такое внимание в тибетской литературе, знаток местности доктор А.Х.Франке в своей книге «Древности индусского Тибета», стр. 123, приводит следующие указания д-ра Фогеля:

«Позвольте мне добавить несколько замечаний о Манди, собранных из тибетских исторических трудов. Не может быть

сомнения в тождестве тибетского Захора с Манди. Во время нашего посещения Равалсара мы встретили многих тибетских паломников, которые сказали, что они идут в Захор, подразумевая махараджество Манди. В жизнеописании Падмы Самбхавы и в других книгах этого времени Захор часто поминается как место, где учитель жил – 750 после р.х. Знаменитый буддийский учитель Ракшита, ушедший в Тибет, родился в Захоре. Опять во время Ралпакана, 800 после р.х., мы находим утверждение, что во время царствования его предшественников множество религиозных книг было перенесено в Тибет из Индии, Захора и Кашмира. Захор был средоточием буддийского просвещения.

Паломники в Тибете.
Работа фотографа-путешественника Дмитрия Шатрова.

Указывается, что под тем же царем Захор был завоеван тибетцами. Но во время его преемника апостата, царя Лангдармы, было принесено множество религиозных книг в Захор, чтобы спасти их от уничтожения. Между тибетцами существует предание о нахождении скрытых книг в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, относится к упомянутым книгам. Мр. Ховель, британский правитель Кулу, передавал мне, что Такур Колонг в Лахуле был однажды извещен высоким ламой из Непала, где именно скрыты эти книги».

Видите, какие замечательные традиции связаны с Кулу и Манди. Ведь ученый мир до сих пор тщетно мечтает, найти древнейшие экземпляры буддийских книг. Не только буддийские памятники, не только имя Арджуны связано с долиною Кулу, но

сам первый законоположенник Ману дал имя месту Манали. Здесь в долине Кулу жил Виаса, слагатель Махабхараты. Здесь Виасакунд – священное место исполнения всех желаний. На границе Лахула имеются на скале изображения мужчины и женщины до 9 футов роста. О них рассказывают то же самое, как и об изображениях Бамиана в Афганистане, а именно, что рост их соответствует величине роста древних жителей этой местности.

Также насыщены древностью и области Кашмира. Здесь и Мартанд, и Авантипур, связанные с расцветом деятельности царя Авантисвамина. Здесь множество развалин храмов шестого, седьмого, восьмого веков, в которых части архитектуры поражают своим сходством с деталями романеска. Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракхшита в многие другие, впоследствии пострадавшие при замене буддизма индуизмом. Здесь и трон Соломона и на той же вершине храм, основание которого было заложено сыном царя Ашоки. Не говорю о самом Шринагаре. Правда, в примитивных кладках набережных каналов и фундаментах строений можно видеть отдельные камни отличной резьбы, принадлежащие времени расцвета. Но это частичные обломки, не имеющие ничего общего с современным, чисто переходным состоянием города. В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа, во время его долговременного отсутствия, указанного в писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытье. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя.

Древний караванный путь от Шринагара до Леха делается в семнадцать переходов, но обычно предлагается задержаться на день или на два. Только случаи крайней поспешности могут заставить сделать этот путь без перерывов. Такие незабываемые места, как Маулбек, Ламаюра, Базгу, Саспул, Спитуг, заставляют остановиться и запомнить их как с художественной, так и с исторической стороны. Маулбек, теперь одряхлевший монастырь, судя по развалинам, когда-то был настоящей крепостью, отважно

утвердившись на вершине скалы. Около Маулбека, на самой дороге, вы будете поражены древним гигантским изображением Майтрейи. Вы чувствуете, что не тибетская рука, но, вероятно, рука индуса во время расцвета буддизма трудилась над ним. Фахиэн, китайский путешественник, в своих записках упоминает в этих местах огромное изображение Майтрейи. Думаем, не относится ли его указание именно к этому изваянию. Когда мы уже подходили к Хотану, случайно узнали, что на обратной стороне скалы, носящей изображение, находится древняя китайская надпись. По месту мы могли ожидать и санскритскую, и тибетскую, даже монгольскую надпись, но китайская надпись совершенно неожиданна. Пусть следующий исследователь осмотрит скалу Майтрейи с обратной стороны. Двигаясь дальше, вы привыкаете к этим романтическим памятникам и постройкам, взлетевшим, как орлы, на безводные вершины. Но первое впечатление, как всегда, бывает самое поражающее.

Нужно было иметь и чувство красоты, и мужественную самоотверженность, чтобы укрепляться на таких высотах. Во многих подобных безводных жильях в скалах были пробиты подземные ходы к реке, чтобы мог пройти груженый ослик. Эта сказка подземных ходов, как увидим, сложила многие, самые лучшие предания. Так же как и в Сиккиме, ладакские ламы оказались приветливы, терпимы к прочим верам и внимательны к путешественникам, как и подобает буддистам. Все три учения ламаизма выражены в Ладаке. Гелукпа – желтая вера, преподанная Дзонг-Капой; красношапочники, последователи Падмы Самбхавы, и даже Бонпо, так называемая черная вера, древнейшего добуддийского происхождения. Эти почитатели богов свастики представляют для нас еще не разрешенную загадку. С одной стороны, они являются колдунами-шаманами, извращающими буддизм, но с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы. Литература Бонпо еще не переведена и не истолкована и во всяком случае заслуживает вдумчивого внимания. С особенным интересом мы подходили к Ламаюре. Этот монастырь считается твердыней Бонпо. Конечно, Бонпо Ламаюры не настоящее. Оно уже значительно слилось с буддизмом. В монастыре имеется и изображение Будды, а также изображение Майтрейи, что, как увидим, совершенно несовместимо с основами черной веры. Но сам монастырь и его местоположение совершенно исключительны по своей сказочности. Мы думали, если в Ладаке – в малом Тибете – находятся такие чудесные вещи, то что же должно быть в самом великом Тибете? Такое же величественно романтическое

впечатление оставляет Базгу, где существующие храмы переплелись с развалинами. Эти развалины лежат на совести Зоравара и прочих кашмирских завоевателей, которые на пути своем, завоевывая Ладак, нещадно истребляли буддийские монастыри. Все эти полуразрушенные остовы башен и каких-то длиннейших стен по зубцам скал – все это говорит о бывшем процветании Ладака и о мужественном духе его бывших созидателей. Имя великого героя Азии, Гессар-хана, овеивает эти места.

В Каладзе около старого форта на зыбучем мосту через желтый гремящий Инд вы слушаете повесть о том, как рука кашмирца Сукамира, разбитого ладакцами, в знак назидания была прибита на этом мосту. «Но, – добавляет рассказчик, – кошка съела эту враждебную руку, и для сохранения назидания ее пришлось заменить рукою одного умершего ламы». Таковы неожиданности судьбы. В Саспуле опять прекрасный храм с древнейшими изображениями Майтрейи. Хотя много написано о Ладаке, но чувствуется, что еще множайшее может быть открыто в этих местах и может дать потерянные вехи многих путей. Так, уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения. Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике. В них можно рассмотреть намеки на буддийские предметы, стилизованные субурганы и так называемые счастливые знаки буддизма. Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видели на скалах около оазиса Санджу в Сензиаие, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнавать их же, вспоминая Халристнингары Скандинавии. Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать.

В Ниму, маленьком месте па высоте около 11 000 футов перед Лехом, с нами произошло одно явление, на котором нельзя не остановиться, и было бы чрезвычайно желательно слышать об аналогиях. Был спокойный ясный день. Мы остановились в палатках. Около десяти часов вечера я уже спал, а Е.И. подошла к своей постели и хотела открыть шерстяное одеяло. Но едва она дотронулась до него, как вспыхнуло большое розово-лиловое

пламя цвета напряженного электричества, образовавшее как бы целый костер около фута высотою. Е.И. с криком «огонь, огонь!» разбудила меня. Вскочив, я увидел следующее. Темный силуэт Е.И., а за нею движущееся, определенно осветившее палатку пламя. Е.И. пыталась руками гасить этот огонь, но он костром вырывался из-под рук, рассыпаясь на части. Эффект от прикосновения был лишь теплота, но ни малейшего ожога, ни звука, ни запаха. Постепенно пламя уменьшалось и исчезло, не оставив на одеяле никаких следов. Нам случалось видеть различные электрические явления, но должен сказать, что явление подобной силы нам никогда не приходилось наблюдать. В Дарджилинге шаровидная молния была в двух футах от моей головы. В Гульмарге в Кашмире в течение трехдневной беспрестанной грозы с градом в голубиное яйцо мы наблюдали всевозможные виды молнии. В Трансгималаях неоднократно мы испытывали на себе различные электрические явления. Помню, как в Чунаргене на высоте около 15000 футов, ночью проснувшись в палатке, я дотронулся до одеяла и был поражен синим светом, блеснувшим и как бы окружившим мою руку. Предполагая, что это явление могло произойти только в соприкосновении с шерстью одеяла, я тронул мою подушку. Эффект получился тот же. Затем я начал прикасаться к различного рода поверхностям – к дереву, бумаге, брезенту – и всюду получался тот же синий свет, неощутимый, без треска и без запаха. Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований. Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15 000 – 16 000 футах; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность – все это служит залогом новых научных нахождений чрезвычайной важности. Если иметь возможность сопоставить научно условия Гималаев с нагорьями других частей света, то какие поучительные аналогии и антитезы могут возникнуть! Гималаи – это место для искреннего ученого. Когда мы вспоминали книгу профессора Милликана «Космический луч», мы думали, вот бы этому замечательному ученому произвести исследования у Гималайских высот. Пусть это будут не мечты, во пусть эти пожелания во имя науки обратятся в действительность.

Сам Лех – резиденция бывшего ладакского махараджи, теперь завоеванный Кашмиром, является типично тибетским городом с множеством глинобитных стен, с храмами и целыми рядами ступ субурганов, которые придают месту торжественную молчаливость. На высокой скале завершает город восьмиэтажный

дворец махараджи. По приглашению махараджи мы остановились там, занимая верхний этаж этой колеблющейся под порывами ветра твердыни. При нас рухнула одна дверь и часть стены, но виды с верхней плоской крыши заставляли забыть о непрочности древнего строения. Под дворцом расстилался весь город. Базар, наполненный шумливыми караванами, фруктовые сады. За городом тянулись поля ячменя. Гирлянды звонких песен кончали дневную работу. Живописно ходили ладакские женщины в высоких меховых шапках с поднятыми ушами и длинной повязкой по спине, украшенной множеством бирюзы и металла. На плечи обычно накинута, как древнее византийское корзно, шкура яка, скрепленная пряжкой на правом плече. Более богатые носят это корзно из цветной ткани, еще более в этом наряде напоминая некоторые византийские иконы. И фибулы пряжки на правом плече мы могли бы найти в северных и даже скандинавских погребениях. Недалеко от Леха на каменистом бугре находятся древние могилы, называемые доисторическими и напоминающие друидические древности. Также невдалеке место стоянки монголов, пробовавших, завоевывать Ладак. В этой же долине находятся несторианские кресты, еще раз напоминающие, как широко по Азии было распространено несторианство и манихейство.

В Лехе мы опять встретились с легендой о пребывании Христа. Индус почтмейстер Леха и некоторые ладакцы буддисты говорили нам, что в Лехе находится недалеко от базара пруд – и теперь существующий, – около которого росло старое дерево, под которым Христос говорил проповеди перед своим уходом в Палестину. С другой стороны, мы слышали легенду, рассказывающую о том, как Христос в юных годах прибыл с купеческим караваном в Индию и продолжал изучать мудрость в Гималаях. К этой легенде, так широко обошедшей Ладак, Сензиян и Монголию, мы слышали несколько вариантов, но все они утверждали, что в течение лет отсутствия Христос находился в Индии и в Азии. Безразлично, откуда и как пришла эта легенда. Может быть, она несторианского происхождения. Ценно видеть, что она произносится с полным доброжелательством. Вообще вся атмосфера Ладака для нас осталась под необычайно благожелательным знаком. Без особых трудностей был собран караван для перехода через Каракорум на Хотан. Предлагались две дороги, одна через семь перевалов и другая по реке Шайоку с меньшим числом перевалов, но зато с долгим путем по воде. Люди каравана предпочитали горные перевалы, нежели в

сентябре простудиться в довольно глубоком Шайоке.

сентября 1925 года мы вышли из Леха; и было время, ибо монсун Кашмира, обращаясь в снеговые тучи, уже подгонял нас на север. Не успели мы выйти за город, как навстречу нам вышли местные женщины с освященным ячьим молоком и помазали им лбы людей и животных, желая удачного пути. И они были правы, ибо путь через перевалы может быть очень суров. Впоследствии в Хотане мы видели людей, привезенных с перевалов с почерневшими отмороженными ногами, и слышали рассказ, как за год до нас около Кардонга был найден замерзшим целый караван около ста лошадей. Люди были найдены стоящими в жизненных позах, некоторые, приложив руки ко рту, видимо, кричали последний призыв. И действительно, на высотах в морозное утро необычайно быстро наступает охлаждение конечностей. Заботливые ладакцы то и дело подбегали с предложением растереть ноги или руки. Из семи перевалов этого пути – Кардонг, Караулдаван, Сассер, Денсанг, Каракорум, Сугет и Санджу – самый опасный оказался Сассер, а именно подъем по гладкой сферической поверхности ледника, где лошадь Юрия почти соскользнула. Также неприятен последний перевал Санджу, где на скалистом кряже як должен был перескочить довольно широкую расселину. Не трогайте поводья, дайте опытному горному яку сделать свое дело. Перевал Сугет готовил нам неожиданное затруднение. Подъем на него с южной стороны очень легок. Но грянула сильная метель, и, подойдя к крутому спуску, мы убедились, что тропинка, идущая зигзагами вниз, совершено занесена. У обрыва столпилось четыре каравана, около 400 коней и мулов. Сперва пустили партию опытных старых мулов без проводников, и осторожные животные, пробиваясь в глубоком снегу, нащупали узкую тропинку. За ними, оступаясь и скользя, сошли остальные караваны. Из всех семи перевалов самый легкий оказался самый высокий Каракорум, что значит «черный трон», названный по темной скале, венчающей перевал.

Рассказать красоту этого многодневного снежного царства невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки и такие памятные пурпуровые и лунные скалы. При этом поражающее звонкое молчание пустыни. И люди перестают ссориться между собою, и стираются все различия, и все без исключения впитывают красоту горного безлюдья. По пути встречаются трогательные караванные традиции. Много раз мы видели оставленные тюки товаров, неизвестно кому принадлежащие, никем не охраняемые. Может быть, пали животные или обессилели, и товары оставлены до следующего случая. Но никто не тронет эту чужую собственность. Никто не

дерзнет нарушить вековую традицию караванов. Мы улыбались, а что если бы в городе на улице оставить тюки неохраненной собственности? Все-таки в пустыне вы в большей безопасности. <…> Даже животных мы видели мало. Встречных караванов тоже немного. Среди них нам попалось несколько вереницмусульманских паломников в Мекку, идущих с товарами заработать себе зеленую чалму и почетное прозвище хаджи. Дружественно встречаются караваны на ночевках. Помогают друг другу мелкими услугами, и над красным огнем костров подымаются все десять пальцев в оживленных рассказах о каких-то необыкновенных событиях. Сходятся самые неожиданные и разнообразные люди, ладакцы, кашмирцы, афганистанцы, тибетцы, асторцы, балтистаицы, дардистанцы, монголы, сарты, китайцы, и у каждого есть свой рассказ, выношенный в молчании пустыни.

От Курула мы могли идти или обходным путем через Кокеяр, или через последний перевал Санджу на Санджу-оазис и Хотан. Выбираем более трудный, но краткий путь. Перед самым перевалом Санджу находим еще не описанные буддийские пещеры, или, как их называют местные жители, «киргизские жилища». Подходы к пещерам осыпались, и мы с завистью смотрим на высокие темные

отверстия, отрезанные от земли. Там могут быть и фрески, и другие памятники. Около Санджу-оазиса горы понизились, переходя в песчаную пустыню. Кто видел Египет, тот поймет характер этой местности с ее розовыми отсветами. На последней скале мы увидели неолитический рисунок тех же горных козлов и отважных лучников, которые видели я в Ладаке. А впереди розовая мгла Такламакана и приветливый достархан от местных старшин сартов. На другой день, уже за Санджу-оазисом, в полной пустыне мы увидели приближающегося навстречу одинокого всадника. Он остановился, зорко вгляделся и соскочил с коня, расстилая что-то на земле. Подъехав, увидели белую кошму и на ней дыню и два граната. Настоящая скатерть-самобранка, приветствие от незнакомого друга. Двигаясь по барханам сыпучих песков иногда без всяких признаков пути, трудно представить себе, что мы идем по великой китайской императорской дороге, так называемой шелковой дороге, главной артерии старого Китая на запад. Кончились живописные мазары, места погребения горных киргизов, начались сартские мечети, незамысловатые, так же как и сартские глинобитные домики, скучившиеся на маленьких оазисах среди угрозы песков. Среди открытых песков три голубя подлетели к каравану и продолжали лететь перед нами, точно призывая куда-то. Местный житель

улыбнулся и сказал: «Видите, святая птица зовет вас. Вам нужно посетить старый мазар, охраняемый голубями». Свернули с пути к старому мазару и мечети и были окружены тысячами голубей, охраненных преданием, что убивший голубя этого мазара немедленно погибнет. По традиции купили зерна для голубей и двинулись дальше. Десятое октября, но солнце еще так жарко, что сквозь сапог раскаленное стремя обжигает ногу.

За переход от Хотана на барханах показался ковыль и участились глинобитные домики. Мы вступаем в Хотанский оазис, в область, которую Фа-Сиен в 400 году нашей эры характеризует так: «Эта страна богата и счастлива. Народ ее благоденствует. Они все принадлежат к буддизму. Их высшее удовольствие – религиозная музыка. Священнослужители в числе многих десятков тысяч принадлежат к Махаяне. Они все получают пищу от общественного хранилища». Конечно, современный Хотан совершенно не отвечает характеристике Фа-Сиена. Длинные грязные базары и множество беспорядочных глинобиток мало говорят о богатстве и благоденствии. Конечно, буддизма не существует. Несколько китайских храмов открываются очень редко, и конфуцианские гонги не звонили за все наше четырехмесячное невольное присутствие там.

<…> Как известно, старый Хотан находился в девяти километрах от места теперешнего селения Ядкан. Старые буддийские места заняты мечетями, мазарами и мусульманскими жилищами, так что дальнейшие раскопки этих мест совершенно невозможны. Сам Хотан находится сейчас в переходном состоянии. Он уже оторвался от старины. Высокое качество и топкость старинной работы ушла, а современная цивилизация еще не дошла. Все сделалось бесформенным, хрупким, каким-то эфемерным. Поделки из нефрита огрубели. Буддийские древности, еще недавно обильно доставляемые в Хотан из окрестностей, почти иссякли. Но, к нашему изумлению, появилось много подделок, сделанных иногда довольно точно и не без знания дела. Древности из Хотана должны быть очень точно исследуемы. Также мы видели в Хотане очень хорошо сделанные имитации ковров, по изданиям Британского музея. Если эти ковры будут называться имитацией, то это очень хорошо, но если они, после общеизвестных манипуляций, перейдут к антикварам, тогда это не хорошо. В основе своей Хотан все же остается богатым оазисом. Почвенный лес очень плодороден, и урожаи посевов и фруктов прекрасны. Дайте этому месту хотя бы примитивные условия культуры, и процветание восстановится необычайно быстро. Народ очень понятлив, но в

этом большом оазисе, насчитывающем более 200 000 жителей, нет ни госпиталя, ни доктора, ни зубного врача. Мы видели людей, погибавших от самых ужасных заболеваний без всякой помощи. Ближайшая помощь, но и то любительская, в шведской миссии в Яркенде, находится за неделю пути от Хотана. Нужно сказать, что современные китайские правители этой области совершенно не заботятся о привлечении туда полезных культурных элементов. Еще приближаясь к Хотапу, мы слышали рассказы о том, как в прошлом году хотанский дао-тай Ма, действуя по приказу сенизянского генерал-губернатора Янь-Дуту, распял, а затем умертвил старого кашгарского титая. Нам говорили по пути: «Лучше не ездите в Хотан, там дао-тай худой человек». Эти предупреждения оказались пророческими.

После первой официальной любезной встречи дао-тай и амбань Хотана заявили лам, что они не признают вашего выданного по приказу пекинского правительства паспорта, не могут нам разрешить двинуться из Хотана, арестовывают оружие, запрещают научные работы, а также писание картин. Оказалось, что дао-тай и амбань не различают план от картин. Не буду останавливаться на этих неприятных перепитиях, доказавших все сумасбродство дао-тая. Скажу лишь, что вместо краткой стоянки нам пришлось пробыть в Хотане четыре месяца, и лишь благодаря содействию британского консула в Кашгаре, майора Гиллапа, мы в самом конце января могли двинуться по пути Яркенд – Кашгар – Кучары – Карашар – Урумчи. Путь этот взял 74 дня.

Первая часть пути была еще по снежной пустыне, но к Яркенду в начале февраля последние снежные пятна исчезли, снова поднялись удушающие клубы песчаной пыли, но зато радовали первые листы плодовых деревьев. Амбань Яркенда оказался несравненно более просвещенным человеком, нежели хотанские власти. Он выражал глубокое негодование по поводу нелепых действий Хотана и указывал, что паспорт наш обычный, по которому он должен оказывать нам всяческое содействие. В Яркенде, в Янгихиссаре и в Кашгаре мы встречали дружескую помощь шведских миссионеров, которые, снабдили нас многими сведениями о необыкновенном плодородии края и о богатстве минеральных залежей, совершенно неразработанных. Кашгар со своими тройными стенами и песчаными утесами высокого берега производит впечатление настоящего азиатского города. И китайский дао-тай и британский консул встретили нас радушно. И опять все не признанное в Хотане оказалось совершенно подлинным. Даже оружие наше было полувозвращено нам, то есть предложено в закрытом ящике отвезти его в Урумчи генерал-губернатору. Впрочем, за все время пути до Урумчей нам ни разу

не пришлось пожалеть о том, что оружие наше заперто. В Кашгаре поучительно было осмотреть за рекою, видимо, древнейшую часть города, где сохранилась значительная часть буддийской ступы, размерами похожей на большую ступу Сарната. Под Кашгаром находится несколько древнебуддийских пещер, уже исследованных и сопровожденных поэтическими сказаниями. В десяти километрах от Кашгара находится Мириам Мазар, так называемая гробница Марии, матери Христа. Легенда говорит, что после преследования Иисуса в Иерусалиме Мария бежала в Кашгар, где место ее упокоения отмечено доныне почитаемым мазаром.

От Кашгара до Аксу путь чрезвычайно томителен, как своею всепроникающей пылью, так и глубокими засасывающими песками и безжизненными лесами корявых карагачей, наполовину сожженных, ибо путники вместо костров часто поджигают дерево. В Аксу мы встретили первого китайского амбаня, говорившего по-английски. Молодой человек мечтал поскорее вырваться из этих песчаных мест. Он же показал нам английскую шанхайскую газету, полученную им от почтмейстера в Урумчах, итальянца Кавальери. Я удивился, почему амбань не выписывает сам газеты, но впоследствии узнал, что всесильный Янь-Дуту запретил своим подчиненным читать газеты. Дальше мы увидим оригинальные способы правления этого владыки всего Сензияна.

Н.К. Рерих на пути экспедиции в Урумчи. 1926 г.

Окрестности Кучары уже изобилуют старыми буддийскими пещерными храмами, которые дали столько прекрасных памятников среднеазиатского искусства. Это искусство справедливо заняло такое высокое место среди памятников бывших культур. Несмотря на все внимание к этому искусству, мне кажется, что оно все-таки еще не вполне оценено, именно со стороны композиционно-художественной. Место бывшего пещерного монастыря подле самых Кучар производит незабываемое впечатление. В ущелье как бы по амфитеатру расположены ряды разнообразных пещер, украшенных стенописью и носящих следы многих статуй, уже или уничтоженных или увезенных. Можно представить себе торжественность этого места во время расцвета царства Тохаров. Стенопись частично еще сохранилась. Невольно иногда сетуете на европейских исследователей, увезших в музеи целые части архитектурных ансамблей. Думается, что не будет нареканий перевозить отдельные предметы, уже потерявшие свою прикрепленность к определенному памятнику. Но не будет ли несправедливо с местной точки зрения насильственно расчленять

еще существующую композицию? Разве не было бы жаль разбить по частям Туаиханг – самый сохранный из памятников Центральной Азии? Ведь мы не разрезаем по частям итальянские фрески. Но этому соображению есть и оправдание. Большинство буддийских памятников в мусульманских землях подвергались и посейчас подвергаются иконоборческому изуверству. Для уничтожения изображения разводятся в пещерах костры, и лица, где может достать рука, тщательно выцарапываются ножами. Мы видели следы подобных уничтожений. Труды таких замечательных ученых, как сэр Орел Стейн, Пельо, Леккок, Ольденбург, сохранили много тех памятников, которые по небрежности бывшей китайской администрации подвергались величайшей опасности быть уничтоженными. Старые среднеазиатские художники помимо ценных иконографических подробностей проявили такое высокое декоративное чутье, такое богатство детали в гармонии со щедрой композицией решения больших плоскостей. Можете себе представить, сколько впечатлений накопляется, когда каждый день происходят те или иные наблюдения и щедрая старина и природа посылает неисчерпаемые художественные материалы.

Кучары – большой город, чисто мусульманский, и ничто не напоминает о бывшем Тохарском царстве, о высокой бывшей письменности и просвещении этого края. Говорится, что последний тохарский царь, теснимый врагами, вылетел из Кучар, унеся с собою все свои сокровища. Глядя на бесконечные извилистые горные кряжи, можно думать, что там есть достаточно места для сокрытия сокровищ. Так или иначе, старое сокровище этих мест ушло, но, глядя на богатые плодовые сады, можно думать, что и новое сокровище может быть при малейшем усилии легко накоплено. От Кучар к Карашару мы уже не расстаемся с буддийскими древностями. По левую сторону пути в дымке появляются отроги великолепного Тянь-Шаня – небесных гор. Кто-то оценил их воздушно-голубые тона и назвал их правильно. В этих горах уже находятся и постоянные и кочевые монастыри калмыков. Карашарские, олётские, хошутские наездники сменяют сартские мусульманские города.

Временно удаляемся от Тянь-Шаня и ныряем в духоту Токсуна, турфанские области. Скорпионы, тарантулы, подземные водяные арыки и нестерпимый жар, при котором даже местные люди не могут пройти и двух миль. Помимо замечательных памятников, помимо Матери Мира, эти места послали нам целый ряд сказаний и одну традицию о странствиях. В обычае Турфана было посылать молодежь в странствие под руководством опытных

людей, ибо, как говорят турфанцы, «путешествие есть победа над жизнью». В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы. Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают ее. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещение с дикими куланами? Урумчи является столицей Сенцзяна и местопребыванием грозного Янь-Дуту… <…> Меры правления Янь-Дуту не должны быть забыты в курьезах истории. Сам он считается образованным человеком и носит титул магистра. При нас «магистр философии» наказывал местного бога за бездождие. Водяного бога били розгами, но он все же упорствовал и не давал дождя. Тогда ему отрубили руки и ноги и утопили в реке. А на место его возвели в божеское достоинство «местного черта». Разнообразные способы казни, видимо, хорошо известны «магистру философии». Он щедро применяет их к личным врагам и непокорным чиновникам. В «саду пыток» Октава Мирбо упущены два тонких изобретения. А именно: осужденному через глазницы продевают конский волос и начинают с внутренней стороны перепиливать переносицу. Или непокорного чиновника посылают в командировку, а в пути доверенные лица заклеивают его лицо китайской бумагой, покуда он не придет в вечно-покойное состояние. Также рассказываются опытные постановки убийства ненужных сановников. Почему-то это действо всегда происходит после сытного обеда, когда сзади появляется палач и неожиданно отсекает голову. В императорское время иногда предварительно объявлялся вновь дарованный титул.

По улицам Урумчей с громкими барабанами и с бесчисленными яркими знаменами проходят какие-то оборванные толпы, на ваших глазах разбегающиеся по переулкам; это войска Янь-Дуту. Счет войска происходит по шапкам, потому можно видеть арбу, на которой на колышках одето множество фуражек и шапок. Это все едут невидимые воины, а Янь-Дуту через иностранных представителей хитрыми манипуляциями пересылает в далекие банки огромные суммы серебра. Впрочем, этим богатством правителю не пришлось пользоваться. В двадцать восьмом году он был убит Фанем, комиссаром по иностранным делам. Странно было видеть это средневековье в наше время с ужасами пыток и глубокого суеверия. Новый Китай должен посылать на свои окраины особенно просвещенных людей. И еще одно обстоятельство поразило нас во всем Сенцзяне. Это открытая купля-продажа людей: детей и взрослых.

Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместо найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, то есть менее 20 долларов. Конюха можно было купить за 30 сар, а дети – те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девочку киргизку, купленную ею за три сары. Это еще хорошо, что бездетная казачка купила ее, что называется, в дочери. А то сплошь и рядом вы можете слышать о настоящих ужасах. Кажется, на это явление в китайских областях не обращено достаточного внимания. Так же точно, как и на губительное курение опиума. Казалось бы, распространители и потребители этого бича человечества должны подлежать самой строгой каре, если сознание их до того умерло, что они не понимают, какое преступление и для себя и для будущих поколений они творят. После Урумчей идет полоса, также любопытная не только в художественном отношении, но и в научном и бытовом. Здесь мы касаемся области, в которой уже находятся непосредственные памятники великого переселения народов в виде курганов и многообразных погребений с каменными фигурами. В бытовом отношении отроги Тарбаготайских гор, особенно со времен революции, изобилуют разбойничьими бандами. Киргизы, земли которых тут начинаются, хотя и совершенно похожи внешне на скифов, точно силуэты с кулобской вазы, но для современности мало пригодны. Их обычаи грабежа «барантачества» затрудняют окультурение. Кроме того, в местности Черного Иртыша изобилие золота порождает бродячие скопища золотоискателей, с которыми лучше не сидеть у одного костра.

Опять вы поражаетесь, насколько богат этот край и насколько мало он исследован и совершенно не использован.

Не менее глух и заброшен Алтай, так называемая теперь Ойротия. Ойроты – вымирающее финно-тюркское племя – находятся на очень низкой ступени развития. Такие изношенные овчинные кафтаны и нечесаные волосы можно еще встретить в некоторых областях Тибета. Староверы, издавно поселившиеся в этом малодостигаемом краю, конечно, являются единственными крепкими хозяевами. Приятно было видеть, что староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков и мыслят о правильном хозяйстве, об американских машинах и приветливы к иностранцам, чего раньше не было.

Конечно, старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчовыми сарафанами и древними иконами, уже

отошел. Мы пожелали, чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием. Ведь в Сибири, где такие минеральные сокровища и прочие естественные богатства, народ имеет наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей. Когда мы проезжали место по Иртышу, где утонул герой Сибири Ермак, алтаец говорил нам: «Никогда бы наш Ермак не утонул, но тяжелый доспех потянул его на дно».

На Алтае, соприкасаясь со староверами, было поразительно слышать о многочисленных религиозных сектах, и посейчас на Алтае существующих.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы, которые вообще ничего не признают, – сколько непонятных разделений. В Трансбайкалии живут «семейские», т. е. староверы, сосланные в Сибирь со своими целыми семьями, а также темноверцы и калашники. Каждый темноверец имеет свою закрытую в ковчеге икону, которую считает истинной. Если кто-нибудь другой помолится на ту же икону, она делается недостойной. Еще более странны калашники, они молятся через отверстие в калаче. Мы много слышали о темных верах, но о такой еще не слыхали. И это в 1926-м году. Здесь же находятся и хлысты, пашковцы, и штундисты, и молокане – нескончаемое разнообразие верований, исключающих друг друга. Но и в этих заброшенных углах уже шевелится новая мысль и длиннобородый старовер с увлечением говорит о хозяйственных машинах и сравнивает качество производства разных стран. Если условия верований еще не стерлись, то во всяком случае предрассудок против всяких нововведений значительно испарился, а крепкая хозяйственность не умалилась и дала свежие ростки. Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, – все это придает Алтаю незабываемое значение!

В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах. Среди этих непонятных племен упоминается одно под именем курумчинские кузнецы. Само название показывает, что это племя было искусно в обработке металлов, но откуда и куда направилось оно? Не имеет ли в виду народная память авторов металлических поделок, которыми известны древности Минусинска и Урала? Когда вы слышите об этих кузнецах, вы невольно вспоминаете о сказочных Нибелунгах, занесенных далеко на запад. Среди всей этой смеси племен

крайне поучительно наблюдать, как иногда на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьезные сочетания слов, составившиеся из нескольких языков за самое последнее время. Китайский, монгольский, бурятский, русский и некоторые парафразы технических иностранных слов уже дают какой-то новый конгломерат. Трудная задача возникает для филологов при этом образовании новых выражений, а может быть, и целых новых родовых наречий. Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, уставленное большими камнями, так называемые чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет невскрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища. Если важно было ознакомиться с ойротами и староверами, то еще значительнее было увидеть монголов, на которых сейчас справедливо обращен глаз мира. Ведь это та самая Монголия, при имени которой жители древних туркестанских городов, покидая дома в страхе оставляли записки: «Спаси нас бог от монголов!» А рыболовы в далекой Дании боялись выходить в море, настолько мир был наполнен именем страшных завоевателей. Если прислушаетесь к рассказам о монголах, вас поразит какое-то несоединимое противоречие. С одной стороны, вам рассказывают, что монгольские военачальники о сих пор, беря врага в плен, вырезают у него сердце и съедают его. Причем один военачальник утверждал, что когда у китайца вырезают сердце, он только скрипит зубами, а русский очень кричит. Рассказывают о шаманских заклинаниях, о том, как в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно пролетают стаи орлов и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идет снег. Эти проявления воли действительно существуют. Между прочим, «шаман» не является ли испорченною формою санскритского «шраман»? Так же точно как «Бухара» не что иное, как измененное буддийское «Вихара».

В Урге рассказывают следующий эпизод, рисующий волевое воздействие некоторых лам. Некий человек получил указание от уважаемого ламы, что через два года он непременно должен покинуть Ургу. Два года прошло в полном благоденстве, и, как часто бывает, удачливый человек забыл об исполнении указания. Но наступили события революции, и время безопасно выехать из

Урги было упущено. В нужде, испуганный, побежал опять к ламе. Тот, пожурив, сказал, что еще раз спасет его, и велел завтра же утром со всей семьей и скарбом выехать в определенном направлении. При этом лама указал, что когда беглецы встретятся с солдатами, то чтобы не пытались бежать, а остановились на месте недвижимо. Сделалось, как указано. Беглецы выехали в повозке и после недолгого пути встретили солдат. Остановились в молчании, как указано. Когда же солдаты проходили мимо, не тронув их, то беглецы слышали, как один солдат говорил другому: «Видишь, никак люди там?»

А другой ответил: «Ослеп ты, что ли? Разве не видишь, это камни!»

В то же время, когда вы посещаете монгольскую печатню в Урге, когда говорите с министром народного просвещения Батуханом и известным бурято-монгольским ученым, почетным секретарем ученого комитета Джамсарано, когда вы знакомитесь с ламами, переводящими на монгольский язык алгебру и геометрию, вы видите, что казавшееся противоречие сливается в потенциал народа, который справедливо оборачивается в свое славное прошлое. Для случайного прохожего Монголия явит внешний лик, поражающий богатством красок, костюмов, в которых сказывается многовековая традиция с широко обставленною обрядностью. Подойдя ближе, вы узнаете их вдумчивую ученую работу и внимательное исследование своей страны, и желание послать молодежь за границу; чтобы воспринять приемы техники и современной науки, монголы едут в Германию. Хотели бы они побывать и в Америке, но стоимость проезда и жизни и, главное, незнание языка препятствуют. Должен сказать, что за все время пребывания в Монголии со стороны собственно монголов мы видели много хорошего. Кроме многого другого, меня приятно поразило серьезное отношение к памятникам монгольской старины, желание сохранить эти памятники у себя и исследовать их строго научно. Замечательное открытие экспедиции Козлова на монгольской территории дало новую страницу сибирских древностей. Те же животно-образные сюжеты, которые мы знали лишь в металлических изделиях, были найдены в тканях и других материалах. Территория Монголии хранит огромное количество курганов, керексуров, оленьих камней и каменных баб. Все это ждет дальнейшего исследования.

В Урге нам предстояло решить вопрос о дальнейшем движении экспедиции. Мы могли идти через Китай. В дополнение к нашему паспорту пекинского правительства Янь-Дуту выдал нам еще один паспорт, длиною ровно в мой рост. Но тут пришло новое обстоятельство. В Урге мы встретили представителя далай-

ламского правительства Лобзанг Чолдена, который предложил нам идти через Тибет. Не желая вторгаться самовольно, мы просили его подтвердить предложение согласием от лхасского правительства. Он послал в Лхассу далай-ламе два письма с тибетскими караванами и также запросил тибетского представителя в Пекине снестись с Лхассою. Прошло три месяца, и однажды тибетский представитель, исполняющий обязанности консула, сообщил нам, что им получен через Пекин утвердительный ответ и он может выдать нам установленный паспорт и дать письмо к далай-ламе. Мы знали, что подобные паспорта действительны. При таком обороте дела, конечно, мы предпочли идти через Центральную Гоби и Тибет, нежели подвергаться случайностям нападения хунхузов в Китае.

Из приготовлений к отъезду вспоминается любопытный эпизод. Мой сын Юрий, обучая наших монголов ружейным приемам, вывел их на окраину Урги, и они полезли вверх по скату. Оказывается, в то же время с противоположной стороны монгольский спешенный эскадрон производил тоже учение. И было необыкновенно эффектно, когда неожиданные противники одновременно поднялись на гребень бугра друг против друга. Как увидим, эти ружейные приемы оказались не лишними при столкновении с панагами. 13 апреля 1927 года наша экспедиция, сопровождаемая содействием и благожелательством монгольских властей, вышла в юго-западном направлении на пограничный монгольский пункт, монастырь Юм-Бейсе. Часть пути от Урги, или, как она теперь называется, Улан-Батор-Хото, до Юм-Бейсе мы сделали на моторах. Тяжело груженные машины выглядели, как боевые танки, а наверху в желтых, синих и красных халатах и остроконечных шапках сидели наши спутники, бурятские и монгольские ламы. Первоначально предполагалось продолжить пользование моторами и дальше Юм-Бейсе. Люди говорили, что по Гоби можно вполне проехать. Но это было неверно. И до Юм-Бейсе около 600 миль мы сделали на машинах с трудом в двенадцать дней, причем некоторые дни делали не более 10–15 миль из-за всяких поломок и трудных переправ через реки и каменистые кряжи. И в этом случае собственно дороги не было. Кое-где была верблюжья тропа, а то приходилось идти целиком, производя тут же разведку. Два обстоятельства пришлось запомнить. Первое, что существующие карты очень относительны. А второе, что местным проводникам не следует очень доверять. Проводник-старик лама вел нас не в существующий Юм-Бейсе, а в давно разрушенный, 50 миль западнее. Старик перепутал»

В Юм-Бейсе окончательно выяснилось, что далее пользоваться моторами невозможно. Пришлось от местного монастыря взять верблюжий караван, который обязался в 21 день доставить нас в урочище Шибочен, между Ансиджау и Нанынанем. Путь от Юм-Бейсе до Анси был тем интересен, что раньше именно этим путем никто из» путешественников не пользовался. Было поучительно выяснить, насколько он пригоден для передвижения в отношении воды, корма для животных и безопасности. Старый лама из Юм-Бейсе только один знал этот путь и ручался нам, что это направление гораздо благополучнее, нежели два обычных – один в обход, на запад, а другой по собственно китайской дороге на восток. Хваля избранный путь, лама утверждал, что единственная опасность этого пути, а именно могущественный разбойник Джелама, два года тому назад убит монголами. И действительно, в Урге мы видели его заспиртованную голову и слышали много рассказов о жизни этого необычного человека.

Монгольские пустыни надолго сохранят легенды о Джеламе, но никто никогда не узнает, что именно руководило его необъяснимыми действиями. Джелама окончил курс русского университета по юридическому факультету, выказав особенные способности. Затем Джелама отправляется в Монголию, проводит несколько лет в Тибете, изучая ламаизм, а также волевые воздействия, к которым он имел природные дарования. Затем Джелама опять в Монголии, получает титул хошунного князя Гуна, но, повздорив с казачьим офицером, оказывается в русской тюрьме, из которой его освобождает революция 1917 года. После каких-то неясных набегов и действий в пределах Монголии Джелама с многочисленными сотрудниками укрепляется в Центральной Гоби и строит свой город, употребляя в качестве рабочей силы пленников из многочисленных разбитых им караванов. В 1923 году монгольский офицер является к Джеламе якобы с дружественным подношением хатыка, но под белым хатыком оказывается браунинг, и владыка пустыни падает под несколькими пулями. Голову Джеламы на копье возили по монгольским базарам. Шайки его постепенно распались. С некоторым волнением подходил наш караван к месту города Джеламы. На каменистом скате издалека виднеется белый чортен, священный памятник, выложенный из кусков кварца – это Джелама заставлял работать сотни своих пленников. Ламы советуют нам одеть монгольские кафтаны, чтобы не привлекать внимания нежелательных встречных. Тайней Джалсен должен быть где-то близко. Темною ночью разбиваем стан. Наутро до восхода слышится какое-то необычайное движение. Нам кричат:

«Мы стоим под самым городом».

Выходим и видим ясно за ближайшим песчаным холмом башни и стены. Ни буряты, ни монголы не соглашаются идти исследовать город. Юрий с П. с карабинами на руке идут исследовать. Остальные в боевой готовности с биноклями ожидают. Через некоторое время наши показываются на башне; это значит, что город пуст. В течение дня в несколько приемов вся экспедиция побывала в городе, изумляясь широкой фантазии Джеламы, создавшего в пустыне целый укрепленный город. Не простой разбойник был Джелама. О нем поют много песен. Конечно, шайки Джеламы не вполне рассеялись. На другой день к нашему каравану подъезжало несколько подозрительных всадников, спрашивавших о количестве нашего оружия. Но, очевидно, полученные данные не воодушевили их, и они скрылись за холмами. Район Монголии и Центральной Гоби ожидает исследователей и археологов. Конечно, открытия экспедиции Андрюса и последние, судя по газетам, экспедиции Свен Гедина дали прекрасные результаты, но область так обширна, что не одна и не две, а множество экспедиций с трудом покроют ее. По пути мы встретили прекрасные образцы оленьих камней, высоких менгирообразных гранитных и песчанниковых глыб, иногда орнаментированных. Также мы встретили ряд нераскопанных курганов большой величины и очень заботливого устройства. Курганы были по основанию окружены систематичным рядом камней; на вершине также были камни. Около кургана, образуя как бы второй ряд, виднелись небольшие каменные возвышения. Особенно интересны были каменные бабы, совершенно того же характера, как каменные бабы южнорусских степей. В одном случае от каменной бабы в восточном направлении шла длинная аллея продолговатых камней на расстоянии около километра. Мы заметили, что изваяние до сих пор мажется жиром, и услышали легенду, что это могущественный разбойник, после смерти обратившийся в покровителя области. Наш тибетец Канчок, данный нам тибетским представителем в Урге для сопровождения, обратился к покровителю области с длинным молением, требуя для нас счастливого пути. В заключение он бросил горсть зерен изваянию. Проведите линию от южнорусских степей и от Северного Кавказа через степные области на Семипалатинск, Алтай, Монголию и оттуда поверните ее к югу, чтобы не ошибиться в главной артерии движения народов.

Двадцать один день пути от Юм-Бейсе до Шибочена прошли в

полном одиночестве. Кроме двух-трех заброшенных юрт, кроме разрушенного Темпе Джалсена и полдюжины подозрительных всадников, мы встретили лишь один китайский караван, пересекавший наш путь от Кокохото на Хами. Встреча с этим караваном чуть было не окончилась трагически, ибо хозяин-китаец, увидав в темноте наши огни, принял нас за становище Джеламы, перепугался и не нашел ничего лучшего, как выстрелить из своей единственной винтовки по нашему лагерю. Но одно обстоятельство стало несомненным, что этот прямой путь от Юм-Бейсе до Ансиджау вполне обеспечен водою, кустарником, кормом для верблюдов и безопасен в настоящее время, хотя рассказы о еще недавних ограблениях караванов многочисленны. Гоби порадовала нас целым рядом интересных художественных мотивов. Нет беспощадной подавленности Такламакана – разноцветная гальковая поверхность дает твердость и звонкость тонов. Все источники и колодцы оказались в исправности, кроме одного случая, где колодец оказался забитым разложившеюся тушею хайныка (помесь яка). По всему пути, начиная от Ладака, вопрос воды оставался очень существенным. Самые, казалось бы, хрустальные ручьи были перегораживаемы павшими животными, в прудах городов Сенцзяна были свалены такие предметы, что иногда даже жажда не могла заставить пить навар этих отбросов. Кроме Монголии, всюду нас поражало количество и чудовищные размеры зобов, происходящих от воды. Мы не могли установить, насколько кипячение воды уничтожает ее вредность, но так или иначе этот повальный зоб должен сильно подрывать работоспособность населения.

Мелькнули глиняные стены Ансиджау, пробежала узкая полоса фруктовых садов, стеснившихся около большой китайской дороги, идущей от Ансиджау на Суджау, и мы вступили в отроги Нанынаня. Появились юрты монголов, уже относящихся к Кукунорской области. Появились стада, появился смышленый старшина Мачен, который под всякими предлогами выудил у нас немало денег» Особенно он обманул нас на курсе китайских долларов к тибетскому нарсангу. Нам нужно было закупить животных для нового каравана, так как ламы из Юм-Бейсе от Шибочена шли обратно. Кроме животных, нам нужно было запастись а провиантом. Мачен уверил нас, что он может продавать лишь на тибетские нарсанги, которые будто бы стоят гораздо выше китайских долларов. Впоследствии же оказалось, что дело обстоит как раз наоборот и курс нарсанга гораздо ниже. Не буду задерживаться, рассказывая, как пятеро наших бурят, придя в ничем не вызванное безумие, отправились с доносом на

нас проезжавшему вблизи доверенному сининского амбаня; они уверяли его, что мы проходим китайскую территорию, не имея китайского паспорта и что мы с какими-то особыми целями не зашли в Ансиджау. Кончилась вся эта клевета тем, что седой дунганин в красной чалме с пятнадцатью солдатами приехал в наш стан и после долгих разговоров пожелал осмотреть наши китайские паспорта; мы его удовлетворили, объяснив, что Ансиджау просто не лежал на нашем пути. Старик сделался очень дружественен и предложил нам, что он может бить этих бурят-доносчиков. Клеветники были тут же изгнаны, а места их без затруднения были восполнены местными монголами.

Про монголов Кукунорской области из наших стоянок при Шибочене, а затем в Шарагольчах, у подножья хребта Гумбольта, я могу сказать только хорошее. Подходя к Шибочену, мы встретили первого кукунорского монгола Ринчино, который, вознося обе руки кверху, незабываемо задушевным жестом приветствовал нас. Под этим же добрым знаком мы и жили с монголами и расстались с ними. Никаких затруднений, никаких ссор они не вносили в караван. Правда, после столкновения с панагами старик Сангелама с перепугу хотел оставить нас, но он был так испуган и так дружелюбно лепетал что-то, что немедленно дал уговорить себя. Упоминая о монголах, необходимо указать на знаки бывшего физического единения Америки с Азией. В 1921 году, когда я знакомился с индейскими пуэбло Новой Мексики и Аризоны, у меня неоднократно вырывались восклицания: «Но ведь это же настоящие монголы». По строению лиц, по некоторым подробностям одеяния, наконец, по посадке на коне и по характеру некоторых песен, все относило мое воображение за берега океана. Теперь же, когда мы изучали монголов внешней и внутренней Монголии, я невольно вспоминал об индейских пуэбло. Что-то несказуемое, основное, помимо всяких внешних теорий, связывает эти народы. Как-то очень давно или от директора музея Академии наук В.В.Радлова, или от сибирского путешественника Потанина я слышал сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии. В поэтической форме рассказывалось, как в соседних урочищах жили два брата, горячо любившие друг друга. Но повернулся огненный подземный змей, и раскололась земля, и разлучились два брата. И тянется душа их друг к другу, и призывают они птиц отнести их вести к любимому родичу. И ждут они небесную огненную птицу, которая перенесет их через расселину и соединит разъединенных.

Н.К. Рерих. Грядущее (Великий Всадник). 1927 г. Художественный музей, Улан-Батор, Монголия.

В этом поэтическом образе не сказывается ли сущность земного переворота, о котором в символах помнит народная память? Со мною были многие фотографии индейцев Новой Мексики и Аризоны, и я показывал их в дальних монгольских становищах. И монголы восклицали: «Это ведь монголы!» Так признают друг друга разъединенные братья. В одиноких юртах кукунорских монгол особенно поражает бедность обиходной

утвари. Костюмы их очень эффектны. Их кафтаны напоминают своими живописными складками итальянские фрески Гоццоли. Женщины с многими косичками, с бирюзою и серебром ожерелий, в их красных конических шапочках необыкновенно декоративны. Из дальних становищ съезжались на маленьких лошадках кукунорцы к нашему стану, дивовались на снимки нью-йоркских небоскребов, восклицали: «Страна Шамбалы!» – и радовались каждой булавке, пуговице или жестянке из-под консервов. Каждый маленький обиходный предмет для них настоящий предмет гордости. И сердце этих людей пустыни открыто к будущему.

В Шарогольчах вместе с окрестными монголами мы испытали бедствие от горных ливней. Наш стан находился на берегу маленького и, казалось бы, самого мирного горного ручья. В конце июля в направлении Улан-Давана Гумбольтовой цепи три ночи подряд раздавался какой-то непонятный продолжительный глухой шум. Мы приписывали его ветру. Двадцать восьмого июля в пять часов дня мы готовились к обеду, и вдруг по ущелью хлынула масса воды, превратившая в несколько минут мирный ручей в желтый грохочущий поток и заливая всю окрестность волнами выше одного метра, Сила течения была необыкновенна. Наша кухня, столовая палатка, палатка бурят были немедленно унесены со всем содержимым. Наши ягтаны поплыли, палатка Юрия была залита по колено, в всевозможные предметы уносились безвозвратно по течению.

Также были разрушены и жестоко пострадали юрты местных монголов. Часа через два поток начал уменьшаться, а наутро мы увидели измокшую, совершенно измененную местность. На месте барханов были глубокие вымоины, а вместо низин возвышались из песку и щебня новые бугры. Это происшествие еще раз подтвердило наше наблюдение о наносных слоях Центральной Азии. Исследуя многие профили возвышенности, вы изумляетесь сравнительно недавнему происхождению многих верхних слоев, а также их странному смешанному составу. Но такие характерные пертурбации, как мы сами убедились, легко меняют профили поверхности. При раскопках это обстоятельство может давать неожиданности.

К 19 августа 1927 года сборы нового каравана были закончены, верблюды подкрепились травою и кустарником и начали обрастать новой шерстью.

Мы выступили через Улан-Даван, решив пересечь опасный Цайдам в кратчайшем прямом направлении и тем установить новый маршрут через Ихе-Цайдам и Баха-Цайдам на перевал

Нейджи. Установление этого маршрута избавляет от западной дороги на Махай, где безводная часть пути бывает гибельна, а также избавляет от дальнего восточного обхода, обычно предпринимаемого паломниками на Лхассу. Мы были предупреждены о том, что три перехода будут неприятны и опасны, а последние двадцать четыре часа придется идти безостановочно, ибо останавливаться на тонкой поверхности соляных отложений и опасно, и бесцельно для животных ввиду полной бесплодности. Пересекая Цайдам, мы прежде всего убедились, что сплошная зеленая условная окраска на картах совершенно не отвечает действительности. Такая же неточность всюду обнаруживалась и в названиях местности. Одно и то же место имело и китайское, и, монгольское, и тибетское имя, звучавшее совершенно особенно. Конечно, и на карты попадало одно из этих названий в зависимости от национальностей переводчиков бывших экспедиций. Но особенно странно было с европейскими названиями, насильственно приклеенными к древним местам, давно имевшим свои местные имена. Все эти хребты Марко Поло, Гумбольта, Риттера, Александра III, Пржевальского, конечно, не имели никакого значения для всех местных народностей, ибо для них они были известны и в незапамятные времена.

Еще одно оригинальное условие мешает точности названий. По поверию монголов и тибетцев, нельзя произносить название места в пустыне, иначе боги пустыни будут привлечены этим именем и рассержены. Когда сгущается дневной жар, проводник каравана начинает тихо свистеть какую-то странную мелодию. Он вызывает ветер. Какой замечательный сюжет для театра: «продавцы ветров». С тем же обычаем можно встретиться, знакомясь с обычаями Древней Греции. Пришлось отметить и забытые горные кряжи, и песчаные плоскости, и сухие поверхности, усеянные острыми солеными глыбами, зияющими черными отверстиями тонкой воды. Зеленые болотистые поверхности лишь характерны для озер Ихе– и Баха Цай-дам. Тучные табуны цайдамского князя пасутся в этих густых травах. Не могу не упомянуть, что цайдамский князь, за которым числились какие-то столкновения с путешественниками, выказал нам полное дружелюбие и даже прислал письмо, предлагая своих верблюдов до Лхассы, но к тому времени наш караван был уже составлен. Большое впечатление оставил на всех нас переход по соляной поверхности Цайдама. Проводники наши, видимо, очень готовились к этим местам, хотя осеннее время по маловодью и по отсутствию мух и комаров благоприятствовало. Странно было

идти сперва безводной песчаной пустыней и чувствовать, что на запад от нас начинается самое малоисследованное нагорье Куен-Луня. Постепенно пески сменились затвердевшими соляными отложениями, дарами бывшего озера, и караван вошел как бы в бесконечное кладбище, состоящее из нагроможденных острых соляных плит.

Самое опасное место пришлось идти в сумерках, а затем при луне. Монголы кричали: «Только не сворачивайте с тропинки!» Действительно, по бокам среди острых краев плит чернели ямы и сама тропинка была усеяна дырками, попав в которые животное легко могло сломать ногу. Кони шли особенно осторожно. Из верблюдов провалился на самой тропинке лишь один и с большими трудами был вытащен. Солончаковая пыль овеивала все место каким-то странным туманом, глубоко проникая в легкие. Ночью как бы вспыхивали какие-то красные огоньки. И ламы отказывались идти вперед, обращая наше внимание на какие-то случайные силуэты, которые оказывались не чем иным, как соляными столбами. Наутро соляные плиты постепенно перешли в белое порошковое отложение и сменились песками. Скоро показались кусты и высокая трава, которую жадно хватали наши изголодавшиеся животные. Вдали перед нами синели горы. Это было Нейджи, географическая граница Тибета, хотя пограничные посты встретились много позже.

Несколько переходов до синевших гор шли по сравнительно плодородной местности Тейджинера, что значит местность, управляемая советом старшин. Казалось бы, и растительность была хороша, и поля обрабатывались, но мы видели брошенные становища, а в редких жилых юртах мы замечали смятение. Оказывается, между монголами и голоками, живущими за Нейджи, шла война. Нам говорили, что еще на дороге мы увидим убитых, и жители с тревогой ожидали нападения разбойников Тибета. Были какие-то неясные намеки о чем-то готовящемся против нашего каравана. Мы припомнили необыкновенное происшествие, бывшее с нами в Шарагольчах. Под вечер со стороны гор во весь мах прискакал необычайно богато одетый монгол. Его золототканое одеяние, новая желтая шапка с красными кистями были необыкновенны. Он быстро вошел в первую попавшуюся палатку, оказавшуюся

палаткой доктора, и начал спешно говорить нам, что он друг, что на перевале Нейджи нас ждут 50 враждебных всадников. Он советует идти осторожно и высылать передовые дозоры. Так же быстро, как вошел, он вышел и ускакал, не называя своего имени. Это нежданное дружественное предупреждение вспомнилось

теперь нам при рассказах о панагах и голоках. На следующий день мы видели при дороге трех убитых монголов и одну лошадь. На песчаной поверхности ясно были видны следы каких-то бешеных скачек. Приняв военные меры, мы подвигались сперва по течению реки Нейджи, затем к перевалу Нейджи. В одной заросшей кустарником долине трое из нас видели силуэт всадника и нашли на том месте свежесложенный костер и трубку. Решили не идти на обычный перевал, очень песчаный и затрудняющий движение, а переменить маршрут на несколько миль дальше, пользуясь следующим перевалом того же наименования. Это неожиданное решение было для нас спасительным. На следующее утро мы вышли задолго до восхода, Е.И., имеющая необычайно острый слух, уверяла, что она слышит отдаленный лай собак. Ко все было тихо, и мы должны были, спускаясь, вступать в ущелье между двумя холмами. Зорко осматриваясь, мы заметили в утреннем тумане, как через ущелье проскакивают силуэты всадников. Мы различили длинное копье, длинные винтовки с рогатками. Нас ждали при выходе из ущелья. Вместо того чтобы продолжать двигаться, мы отступили на вершину холма и таким образом заняли господствующее положение, чего противник не ожидал.

Сзади нас подтягивались наши торгоуты, лучшие стрелки. С вершины холма мы видели группы неприятеля и, заняв выгодное положение, послали монголов предупредить их, что в случае продолжения враждебных действий мы не будем щадить ни их, ни их юрты. Переговоры уладились. Панаш опять твердили о каких-то 50 всадниках, за которыми они послали, а через несколько часов мы видели их стада, возвращавшиеся с гор к юртам; значит, были приняты заблаговременные меры. На другой день в боевом порядке, сопровождаемые подозрительными всадниками, мы перешли перевал Нейджи. Здесь разразилась необычайная для сентября гроза и повалил сильный снег. Монголы сказали нам: «Горный бог Ло гневается за то, что панаги хотели тронуть великих людей, по снегу они более не нападут на нас, ибо останутся следы».

Перед нами стоял хребет Марко Поло, грозный Ангар-Дакчин, за ним живописное Кокушили и мощное Думбуре. Можно писать целую книгу об одних этих местах, о многосотенных стадах диких яков, о доверчивых медведях с белыми ошейниками, о волках, преследующих серн и антилоп. Можно наблюдать минеральные источники, горячие гейзеры и удивляться неожиданностям этой особенной природы. От Цайдама, где мы находились на высоте от 8 до 9000 футов, мы поднялись на Тибетское северное нагорье от 14 до 15 000 футов.

Остановимся на характерных эпизодах сношений с тибетцами.

Двадцатого сентября караван наш с волнением заметил первую палатку тибетского поста. Пришли к нам какие-то лохматые люди, в грязных овчинных кафтанах и потребовали наш паспорт. При достаточном числе свидетелей мы вручили им наш тибетский паспорт, после чего налр разрешено было идти дальше. Паспорт был послан по начальству. Шестого октября тибетцы предложили нам остановиться в местечке Шенди и ожидать дальнейшего разрешения от тибетского генерала Капшипа-Хорчичаба, то есть главного начальника Хоров и командующего северным тибетским фронтом. Через два дня мы были передвинуты к ставке этого генерала на реке Чунаргепе. Это место останется памятным для нас. Унылое кочковатое нагорье арктического характера, окаймленное пологими линиями осыпающихся гор. Первый прием генерала заключал в себе верх любезности и дружелюбия. Он сказал нам, что ввиду паспорта и письма он пропустит нас следовать дальше на Лхассу через Нагчу. Нагчу – это северная крепость Тибета, стоящая в трех днях от Чунаргена. Генерал попросил нас постоять всего три дня и перенести наш лагерь к его ставке, так как он хочет лично осмотреть наши вещи, ибо, как он сказал: «Руки малых людей не должны касаться вещей великих людей». При этом генерал добавил, что до разрешения он останется с нами и в честь меня велит каждый день играть какую-то особо торжественную вечернюю зорю. По-видимому, у генерала было больше музыкантов с барабанами, кларнетами и шотландскими волынками, нежели солдат. При нашем посещении стреляли из пушки, развертывали знамя и ряд странных солдат в грязных куртках с оборванными пуговицами держал винтовки в разных направлениях. Так или иначе свидания с генералом были очень дружелюбны, и, вероятно, в последующем генерал не был виноват. Через неделю ответ о нашем дальнейшем продвижении все еще будто бы не пришел. Генерал сообщил нам, что по обязанностям службы он должен уехать, но что он оставит при нас майора с пятью солдатами и даст распоряжение местным старшинам Хоров.

Генерал уехал, и вместо трех дней мы остались в этой унылой местности пять месяцев. Положение сделалось гибельным. Началась суровая зима, на пятнадцати тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами далай-ламе, и губернатору в Нагчу,

возвращались обратно, часто в изорванном виде. Мы неоднократно писали американскому консулу в Калькутту, британскому резиденту полковнику Бейли в Ганток и нашим учреждениям в Нью-Йорк, прося губернатора Нагчу все это отправить по телеграфу из Лхас-сы на Индию. Нам было отвечено, что телеграфа из Лхассы на Индию больше не существует, – явная ложь! Мы просили через майора отпустить нас тронуться обратно или разрешить идти в ставку генерала, но нам было запрещено двигаться как вперед, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. Конечно, бывшие при нас американские доллары были совершенно бесполезны. Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стаи диких собак, кондоров и стервятников уже издали добычу. Из ста двух животных мы потеряли девяносто два. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников: три ламы, один бурятский и два монгола, затем тибетец Чампа и, наконец, жена оставленного с нами майора, умершая от воспаления легких. Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках, неприготовленный для зимовки на Чантанге, который считается наиболее суровою частью Азии.

У Е.И. пульс доходил до 145, и наш доктор прибавлял: «Ведь это пульс птицы». У меня вместо обычных 64 пульс был 130. У Юрия, у Богдановых пульс держался около 120. Доктор пророчил самые мрачные перспективы и писал докторские свидетельства о том, что задержание в таких условиях равняется организованному покушению на убийство. Об этом стоянии можно было бы написать тоже целую книгу, полную грустных бытовых страниц. Чтобы дать тип губернаторов в Нагчу, из которых один считался очень доверенным лицом далай-ламы и сам был ламой, хотя и имел семью, достаточно вспомнить два эпизода, рассказанные ими нам.

Один эпизод о Ладен-Ла, генерале тибетской армии, человеке несомненно талантливом, которому одно время было поручено реформирование этого разношерстного войска. Лама-губернатор сообщил, что Ладен-Ла отставлен от реформирования армии за введение красных обычаев, ибо он ввел европейскую форму и отдание чести офицерам. Тот же губернатор излагал русскую революцию в следующем виде: «Жил человек Ненин, который не любил белого царя. Ненин взял пистолет и застрелил царя, а затем влез на высокое дерево и заявил всем, что обычаи будут

красными и церкви должны быть закрыты. Но была женщина, сестра царя, знавшая и красные и белые обычаи. Она взяла пистолет и застрелила Ненина». Долго рассказывать обо всех наших переговорах с нетрезвым майором, а затем с губернатором Нагчу. Так или иначе шестого марта мы двинулись в Индию, посланные также нелегким обходным путем, унося в себе неразрешимый вопрос, как могло лхасское правительство не признавать выданный их чиновником паспорт и можно ли держать мирную экспедицию, имевшую в составе своем трех женщин, всю зиму в летних палатках на наиболее губительных высотах? И к чему тибетцам нужно было вредить нашему здоровью, уморить весь наш караван а вследствие резких смен температуры погубить все наши кинофильмы?

Поистине Чантанг – северное нагорье Тибета – справедливо заслужил славу самого холодного места Азии. Свирепые вихри необычайно усиливают действие мороза, а разряженная атмосфера 15–16 000 футов создает особые, необычайно тяжелые условия. Можно представить себе состояние температуры, когда в палатке у доктора в закрытой фляжке замерз коньяк. Сколько же требовалось градусов, чтобы крепкое вино могло замерзнуть? Конечно, в одиннадцатом часу утра солнце начинает значительно пригревать, но после заката, ночью, а главное, предрассветный час бывает свиреп. Наш доктор имел необыкновенную возможность наблюдать с медицинской точки условия этих исключительных нагорий. После Нагчу-Дзонга наш путь лежал минуя Тенгра-Нор на Шендза-Дзонг, откуда через несколько перевалов на Сага-Дзонг. Затем по берегу Брамапутры к границам Непала на Тенгри-Дзонг. Шекар-Дзонг и Кампа-Дзопг были последними пунктами этого двух с половиной месячного пути перед Гималайским перевалом Сепола. После Сепола мы спустились через Тангу в Ганток, столицу Сиккима, и были радушно встречены британским резидентом полковником Бейли, его супругою и махараджею Сиккима. 26 мая 1928 года прибыли в Даржиллинг, поместившись опять в нашем Талай-По-Бранге для обработки художественных и научных материалов.

Теперь оглянемся в кратких характеристиках на современную жизнь Тибета и на искусство его.

Тибет являет самое поразительное стечение противоречий.

С одной стороны, мы видим глубокие знания и замечательное развитие психической энергии. С другой же стороны, полное невежество и бесконечный мрак.

С одной стороны, мы видим преданность к религии, хотя бы и в условной форме, с другой же стороны, мы видим, как

утаивались деньги, пожертвованные на монастыри, и произносилась ложная клятва тремя жемчужинами Учения.

С одной стороны, видим уважение к женщине и избавление ее от тяжелых работ, с другой стороны, нелепый для современности институт полиандрии. Странно подумать, что это многомужество как-то уживается с заветами буддизма, хотя бы и в ламаистической форме.

С одной стороны, мы встречаем вместо замков бедные глинобитки. С другой стороны, тибетские губернаторы называют их прекрасными снежными дворцами и не стыдятся этих гипербол.

С одной стороны, правительство Лхассы называет себя «правительство, победное во всех направлениях», с другой стороны, эту надпись мы видели только на несчастных медных монетках – шо. Ни золотых, ни серебряных монет ни в дзонгах, ни у народа мы не встречали. Удивительно и то, что полушо и четверть шо, тоже медные, по размерам своим более самого шо. Все население вместо своих тибетских шо предпочитает или серебряные рупии, или серебряные мекдоллары. При продажах даже называют две цены: или высокая цена на тибетское шо, или со значительной уступкой в случае уплаты рупиями или китайским серебром. С китайским серебром тоже не всегда легко. В одних местах требуют императорские монеты, в других республиканские с шестью буквами, в других с семью. Так что требуется целый ассортимент денежных знаков.

Но мы не удивлялись, ибо к странностям денежного обращения мы были уже приучены в Сенцзяне, где в некоторых местностях деревянные знаки, выпускаемые игорными домами, ценятся больше, чем местные бумажные деньги, в которых иногда большую часть ассигнации, составляло подклеенное объявление о мыле и других продуктах. Даже из правительственного казначейства выдавали нам бумажные знаки, которые следующим амбанем объявлялись недействительными.

Вся жизнь как бы состоит из противоречий. После живописных городов и монастырей Ладака мы тщетно ждали увидеть в «великом» Тибете нечто еще более грандиозное. Мы прошли ряд старинных дзонгов, монастырей и селений. Если еще издали иногда силуэты были хороши, то, приближаясь, мы огорчались бедностью и хрупкостью тибетских сооружений. Правда, на горах и по берегам Брамапутры стоят старые башни времени прежних тибетских царей. В этих сооружениях чувствуется мощь созидательной мысли. Часты эти развалины. Около них видны остатки когда-то возделанных полей. Но ведь

это все прошлое. Все это говорит об ушедшей, несуществующей жизни. Сага-Дзонг – бедное селение с хрупкими глиняными стенками. Черные палатки, как пауки, протянулись на длинных черных веревках. Как паутина, нависли над селением вереницы оборванных грязных флажков. Грязь такая же, как в Нагчу-Дзонге. Помню, как в Нагчу, когда мы указывали на непозволительную грязь города, доньер – чиновник, вроде консула-губернатора нам сказал: «Если здесь вам кажется грязно, то что же вы скажете о Лхассе?» Тенгри-Дзонг, считающийся самой большой крепостью к Непальской границе, поражает не только убогостью, но и неприспособленностью к обороне. Тинко, Шекар и Кампа-Дзонг внушительны лишь в тех частях, где еще сохранилась старина. Но старина ветшает, и ее заменяют хрупкие глинобитные стены. Дзонгпены, начальники замков, уже не живут на вершинах, а ютятся под горою.

В отношении изучения жизни наше пятимесячное пребывание в области Хоров и долгий путь по северному, западному, центральному и южному Тибету дало огромное количество материала. Первый раз экспедиции не требовался переводчик, ибо сами тибетцы находили, что Юрий знает тибетский язык лучше сэра Чарльза Белла, который считается знатоком языка. Без личного знания языка, конечно, опрометчиво судить о состоянии страны. Один путь от Чунаргена до Сиккимской границы должен представить целую книгу. Мы шли на уртонных яках от местного населения. Перед нами прошла вся картина противоречий между народом и лхасскими чиновниками. Создалось впечатление, что часть лам и народ с одной стороны, а группа лхасских чиновников с другой; про них сами тибетцы говорят, что «сердца их чернее угля и тверже камня». Мы стоим лагерем недалеко от стана голоков. Оба стана не доверяют друг другу. Всю ночь из стана голоков несется клич «ки-хохо». – «Хойхе», – отвечают наши хоры.

Так всю ночь предупреждают друг друга о недреманной бдительности стана.

В Тенгри-Дзонге, который считается второю после Шигатзе крепостью, заведующий транспортом усмотрел на одном из наших яков странный предмет, обернутый в красный шелк. Мы исследовали эту находку – оказалось, что с нашим караваном идет стрела с навернутым на нее приказом о мобилизации местных войск для подавления восстания в Поюле, на востоке Тибета. Вместо того, чтобы послать спешный приказ особым гонцом, население прикрепляет его к яку частного каравана, который, может быть, будет идти по десяти миль в день. Около Сага-Дзон-га старшины отказываются признать паспорт далай-

ламы, высланный нам из Лхассы. Они заявляют, что ничего общего с лхасским правительством не имеют. Без конца можно припоминать подобные бытовые картины, происходящие у караванных костров, около которых тибетцы едят сырое мясо.

Далай-лама считается воплощением Аволокитешвары и хранителем истинного учения Будды. В то же время по всему Тибету передается пророчество, вышедшее из монастыря Танджиллинг, о том, что нынешний тринадцатый далай-лама будет последним. Относительно всезнания далай-ламы в народе и среди лам ходит целый ряд забавных историй. Например, один высокий лама, имевший доступ к далай-ламе без особого доклада, подойдя к двери, выставил из-за двери свою ногу, Далай-лама спросил: «Кто там?»

Тогда лама выставил свою руку и вызвал вторичный вопрос: «Кто там?»

И лама с поклоном вошел, говоря: «Ваше святейшество напрасно беспокоились спрашивать, ведь по всезнанию вашему вы должны были знать, кто стоит за дверью».

Во время переговоров наших с губернаторами Нагчу при вопросах их мы несколько раз им говорили: «Ведь у вас имеется в Лхассе государственный оракул, отчего вы не спросите его касательно нас».

При этом оба губернатора переглядывались и хохотали. Совсем другое отношение повсеместно замечается к таши-ламе, имя которого произносится с глубоким почтением.

«Обычаи Панчен Ринпоче совершенно другие» – так говорят тибетцы.

Тибетцы ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он восстановит Тибет и драгоценное учение при нем процветет снова.

Деяния Будды. Лишь наше невежество не позволяет до конца понять символику буддизма…

О бегстве таши-ламы из Тибета в 1923 году во веек местностях говорится с особою значительностью и почтением. Рассказывается об удивительных случаях, сопровождавших этот героический экзодус. Говорится: когда таши-лама бежал около

озер северо-западной области, вооруженная погоня из Лхассы одно время почти настигла его. Предстоял длительный обход еще не замерзшего озера, и смутились сопровождавшие таши-ламу. Но духовный вождь Тибета хранил спокойствие и указал, чтобы караван на ночь остался по-прежнему на берегу озера. За ночь ударил сильный мороз, и озеро покрылось льдом, а затем запорошил нежданный снег. Перед зарею беглецы перешли озеро по льду, чем и сократили путь свой. Между тем взошло солнце, лед ослабел, и погоня, скоро подоспевшая, была задержана на несколько дней. Некоторое время, следуя по указанному нам пути, мы шли как раз по линии следования таши-ламы, и поучительно было слышать говор народа и общее ожидание возвращения духовного владыки Тибета. Ведь имение таши-ламы связываются с понятием Шамбалы. Сами тибетцы говорят все это и указывают, что лхасские чиновники не ведут к расцвету ни народ, ни религию.

Посмотрим несколько религиозно-бытовых картинок, чтобы понять, насколько современное состояние религии в Тибете должно быть очищено. Вот высокие ламы на священных четках ведут коммерческие расчеты. Допустимо ли это? Или водяные и ветряные мельницы и даже часовые механизмы крутят молитвенные колеса, освобождая богомольцев от затраты энергии. Относится ли это к заветам Будды? Недалеко от правительственного дзонга стоит новейшее языческое мольбище – высокий камень, обмазанный жиром. Оказывается, само лхасское правительство утвердило мольбище в честь правительственного оракула. Запрещается убивать животных – это очень хорошо. Но кладовые монастырей набиты тушами баранов и яков. Рассказывают об особенном способе безгрешного убийства, когда животных загоняют на скалу, и они, падая, убиваются сами. В углу лавочки сидит хозяин лама и крутит молитвенное колесо. На стене висят изображения Шамбалы и Дзон-Капа. Но тут же стоят корчаги с огромным количеством местного вина, выделенного хозяином для спаивания народа.

Лицо, состоящее при высокой особе, приносит вам па продажу амулет-ладанку с полной гарантией неуязвимости от огнестрельного оружия за цену в триста рупий. Ввиду полной гарантии неуязвимости вы предлагаете счастливому обладателю амулета произвести испытание на нем самом. Но верующий лхассец предлагает ограничиться козлом, продолжая уверять о чудесной силе амулета. Когда же вы на «козла отпущения» не соглашаетесь, то лхассец уходит возмущенный. Высшим

наказанием считается лишение перевоплощения. Для этого у наиболее важных преступников отрезают голову и сушат ее в особом помещении, где хранится целая коллекция подобных останков. Около священных мендангов и храмов валяются дохлые собаки, и священные надписи покрыты человеческими испражнениями. На дороге и на полях валяются священные надписи, и распалось много ступ, и многие храмы заброшены. Около Лхассы существует место, где рассекаются трупы и бросаются на съедение хищным птицам, собакам и свиньям. На этих трупных остатках принято кататься в голом виде «для сохранения здоровья». Бурят Цибиков в своей книге о Тибете уверяет, что его святейшество далай-лама выполнил этот ритуал.

Очень замечательны показания тибетцев о так называемом «Ролланг» – воскресении трупов. Всюду говорят о «воскресших трупах, которые вскакивают и, полные необычайной силы, убивают людей». Тибетцы рассказывают, что отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущество отравленного.

Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать рассказы, как люди были отравляемы чаем или пищей, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и кольцах.

Кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть.

Таких картинок из действительности можно приводить множество. И все они показывают, как многое около вопроса религии должно быть очищено и исправлено. Но мы знаем целый ряд очень достойных лам и будем надеяться, что они смогут просвещенно внести оздоровление Тибета.

«Зачем наши так часто лгут?» – сокрушается тибетец на берегах Брамапутры. И этот норок должен быть исправлен.

Слышно, что таши-лама, находясь сейчас в Монголии, занят утверждением мандалы буддийского учения. От этого нужно ждать благодетельных последствий, ибо Тибет так нуждается в духовном очищении. Говоря о состоянии религии в Тибете, нужно упомянуть о черной вере противников Будды. Как нам пришлось убедиться, помимо Гелугпа, помимо красношапочной секты Падма-Самбхавы и многих других ответвлений, в Тибете очень развита черная вера Бонпо. Распространена она гораздо шире, нежели можно предполагать. Даже говорят, что Бонпо

усиливается; целый ряд монастырей мы видели в различных областях Тибета. Все они имеют очень зажиточный вид. В Шаругене нас приняли в монастыре Бонпо очень дружелюбно и даже допустили в свой храм и показали свои священные книги, предлагая Юрию читать их. Но затем вдруг отношение изменилось; оказывается, Бонпо прослышали о нашем отношении к буддизму и сочли нас за врагов. Бонпо говорят, что буддисты их враги. Будда не признается.

Далай-лама считается лишь светским правителем. Обряды совершаются противоположно буддизму. Свастика изображается в обратном направлении. Хождение в храме совершается против солнца. Вместо Будды изобретен свой особый покровитель, биография которого странно совпадает во многих частях с жизнеописанием Будды. Имеются свои священные книги. Жаль, что литература черной веры очень мало изучена и их священные книги не переведены еще. Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние солнечные и огненные культы несомненно находились в основе Бонпо, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно. И в отношении Бонпо, и в отношении археологических древностей Тибет слишком мало изучен. Особенную радость доставило нам открытие в Тибете, в области Трансгималаев, типичных менгиров и кромлехов. Вы можете представить себе, как замечательно увидеть эти длинные ряды камней, эти каменные круги, которые живо переносят вас в Карнак, в Бретань, на берег океана. После долгого пути доисторические друиды вспоминали свою далекую родину. Древнее Бонпо, может быть, как-то связано с этими менгирами. Во всяком случае, это открытие завершило наши искания следов движения народов.

Подробности одежды и вооружения тибетцев тоже дают поводы для значительных сопоставлений. Возьмем старинные мечи тибетцев и припомним, нет ли в них сходства с некоторыми типами мечей из готских могил. Посмотрим фибулы, наплечные пряжки, и сравним их с такими же из аланских и готских погребений южной России и Европы. Вот передо мною фибула с изображением двуглавого орла – ведь та же стилизация была найдена на Кубани. Вот другая тибетская пряжка старинной работы из Дерге. Лев, под ним горы, по сторонам растительное окружение. Возьмите пряжку скифской работы из находок

Козлова, совпадающую даже по величине, и вы будете изумлены тем же характером изображения. Кроме менгиров и кромлехов в области Шенза-Дзонга, тоже в Трансгималаях, нам

удалось найти древние могилы, напомнившие алтайские погребения и могилы южных степей. Жаль, что в Тибете невозможна раскопка, ибо говорится, что будто бы Будда запретил трогать недра земли.

В той местности Трансгималаев, называемой Доринг – Длинный Камень, очевидно, от древних менгиров, мы встретили совершенно необычайный для Тибета женский головной убор. Убор представлял собою ярко выраженный славянский кокошник, обычно красного цвета, украшенный бирюзою, серебряными монетами или унизанный бусами. Ни к северу, ни к югу подобный убор уже не был встречен. Очевидно, в этом месте находились остатки какого-то бывшего особого племени. Язык их ничем не отличается от прочих северных испорченных наречий. Вообще с наречиями в Тибете трудно, ибо кроме основного лхасского наречия каждая местность имеет свой говор, иногда настолько отличный, что сами тибетцы лхасского наречия не понимают своих соплеменников. Еще две аналогии вспомним. Когда я показал тибетцу геральдического единорога, он не удивился, но начал утверждать, что в Тибете была и даже где-то в К'аме до сих пор встречается единорогая антилопа. Другие тибетцы даже брались достать нам этот вид антилопы, если мы будем в Тибете.

Изображение единорога встречается на китайских и тибетских танках. Британский исследователь Брайан Ходсон вывез один экземпляр особой единорогой антилопы. Таким образом, геральдический миф около Гималаев делается действительностью. Другое обстоятельство, встреченное нами в разных областях Тибета, – это священные бусы дзи или зи. Можно различать два вида этих бус. Один новый – китайские подделки, но другой, старинный, ценится в Тибете очень высоко. Некоторые виды бус до 1500 рупий за каждую. Бусам приписывают чудесную силу. Говорят, что зи при обработке полей выскакивает из земли. Говорят, что это отвердевшая стрела молнии или помет небесной птицы. Ценность бус различается по знакам на них. Сами бусы представляют вид роговика со знаками, нанесенными на них каким-то особым способом. Интересно, что подобная же буса была найдена при раскопках Таксилы среди древностей не позднее первого века нашей эры. Так что древность зи правильно оценивается тибетцами. Может быть, это были древние талисманы или терафимы. Также не следует забывать, что католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в четырнадцатом веке, сообщает, что Лхасса или местность

ее называлась Гота. Вспомним и о легендарном царстве Готл. Чтобы покончить с аналогиями, вспомним, не делая никаких выводов, что племена северного Тибета хоры странным образом напоминают некоторые европейские типы. Ничего в них нет ни китайского, ни монгольского, ни индусского. Перед вами в искаженном виде проходят лики с портретов старофранцузских, нидерландских, испанских художников. Жители Лиона, баски, итальянцы кажутся вам в этих орлиных носах, больших прямых глазах, в характерных морщинах, в сжатых губах и черных длинных прядях волос. Эта область еще даст интереснейшее сопоставление. Теперь оглянемся на искусство Тибета. Старое искусство Тибета справедливо в последнее время начинает цениться и входить в число признанных ценностей. Это будет совершенно справедливо. Больше того – предскажем, что оценка старого искусства Тибета еще повысится. Возьмем ли мы живописные изображения, танки и стенопись. Если они будут принадлежать ко времени ранее девятнадцатого века, они доставят нам величайшее наслаждение. Не будем настаивать на том, что существует какой-то особый тибетский стиль. Конечно, в искусстве Тибета мы всегда узнаем сочетание старого Китая, Индии или Непала. Ведь первое изображение Будды Тибет получил в шестом веке из Китая и Непала. Но китайские и индусские первоисточники были так прекрасны, что каждое сочетание их давало высокое художественное целое. Но в девятнадцатом веке началась механизация искусства. Начался трафарет и дряблое пересказывание хороших образцов. Так что, устанавливая точку зрения на искусство в Тибете, скажем, что в настоящее время, во время переходное, собственно искусства и творчества в Тибете нет. И сами тибетцы отлично понимают, что старинная работа во всех отношениях далеко превосходит современную. Но и в этом заключении нет безвыходного приговора. На опытный глаз можно заметить, что хотя и в робкой манере, но какие-то новые попытки входят в жизнь. Будем думать, что переходное время Тибета найдет решение в разумном подходе к своим ценностям. <…> Народ найдет применение своим способностям, ибо по природе своей тибетский народ очень способен. Творчество Тибета выйдет из трафаретных повторений, и опять засияет открывшийся лотос знания и красоты.

Строительство тибетское тоже заключает в себе необыкновенные возможности. Возьмите старые тибетские твердыни, начиная от главного и единственного здания Тибета – семнадцатиэтажной Поталы. Разве подобные сооружения не пригодны для новейших усовершенствований и разве не подают

они руку нашим небоскребам? Сейчас в Лхассе запрещено электричество на улицах города, запрещен кинематограф, запрещены швейные машины, запрещено носить европейскую обувь.

Опять в Тибете запрещено светским людям стричь волосы. Военным высшим чинам за обрезание шиньона угрожает разжалование. Опять приказано людям облечься в длинные халаты, мало удобные для работы, и в тибето-китайскую обувь. «Стэтсмен» от 17 февраля 1929 года сообщает к предположению о четвертой экспедиции на Эверест:

«Если было трудно получить разрешение для экспедиции ранее, то сейчас это совершенно невозможно. Даже жители долины Арун, которые сделали хорошие деньги от иностранцев, противятся разрешить им вступить в страну в четвертый раз. Рассказывается, что, когда экспедиция 1924 года вернулась в Индию, далай-лама заболел на один день. Было сделано изыскание по всему Тибету, чтобы найти, где монахи нарушили своей обет, и было найдено, что монах в долине Аруна съел рыбу. В объяснение своего действия, которое вовлекло в опасность жизнь далай-ламы, он мог только объяснить, что он пришел в возбуждение, видя так много иностранцев вблизи монастыря».

Вспоминаю историю о трех курицах. У нас в караване было три куры, которые, несмотря на ежедневные переходы в корзине на спине верблюда, продолжали исправно нестись. После задержания в Нагчу, не имея, чем кормить, мы отдали их тибетскому майору. Исчезновение кур из нашего лагеря было немедленно донесено губернаторам в Нагчу, причем возникла целая переписка о курицах, съеденных иностранцами. Майор должен был письменно свидетельствовать о пребывании куриц в живых. Странно, птиц и рыбу есть нельзя, убить бешеную собаку или опасного кондора нельзя, но зарезать яка и барана можно, не только на потребу светских людей, но даже и лам. Думаем, что не рыба, съеденная монахом, причинила болезнь далай-ламе, но, может быть, это было последствие той невероятной грязи, которою «украшены» некоторые монастыри. Кто сказал, что ламы должны иметь черно-блестящие лица и руки до плеч? Мы были потрясены, увидав этих черно-угольных людей, имеющих явное отвращение к воде. Воображаю, насколько трудно таши-ламо и просвещенной части лам воздействовать на черную и самодовольную массу. Ведь именно невежество порождает самоудовлетворение и самодовольство. Все эти признаки и грязи, и лжи, и лицемерия не завещаны Буддою. Учение Будды прежде

всего предусматривает самоусовершенствование и движение вперед. Указанные же запрещения показывают тупое поклонение старине. Но в ретроградстве как бы не дойти до нечленораздельных звуков праотцов? Хороша старина, пока она не мешает будущему, Но что же должно произойти, если допущена смерть прекрасного прошлого и запрещено будущее?

Тибет присваивал себе духовное преимущество над своими соседями. Тибетцы смотрят свысока на сиккимцев, ладакцев, калмыков и называют монголов как бы своими обязанными подданными. Между тем все эти народы уже растут сознанием. Лишь Тибет старается насильственно задержать шаги эволюции. А ведь посмотрите, насколько тибетский народ сам по себе тянется к удобным вещам и инструментам, облегчающим работу. Говорю эти наблюдения не с желанием унизить тибетцев. Много раз мне приходилось отмечать сметливость, поворотливость и работоспособность этого народа. Мы имели в доме нескольких тибетцев, были довольны ими и расстались друзьями. Е.И. вспоминает о своей тибетской ани, которая так хорошо и с таким достоинством сотрудничала в нашем доме. Зная эти хорошие черты тибетской природы, можно только жалеть, что народ этот не получает достаточного руководительства, а те, кто мог бы руководить им, лишены этой возможности. Сердце Тибета бьется, и временный паралич некоторых членов этого организма пройдет. Ведь в истории старого Тибета мы встречались хотя и с краткими, но блестящими эпохами. Вспомним, что тибетские завоевания доходили до Кашгара и за Кукунор. Вспомним, что далай-лама Пятый, справедливо названный Великим, дал стране значительный расцвет и увенчал ее Поталой, которая и до сих пор остается, так сказать, единственным зданием Тибета. Не забудем, что целый ряд тангалам оставил просветительные памятники и именно таши-ламы объединены понятием Шамбалы. Временный мрак пройдет, и те, кто когда-то умели строить орлиные гнезда на горных вершинах, те опять вспомнят о славных днях бывшего Тибета и найдут решение их в современности. Последний перевал Сепола. Легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко – месторождение реки Лачена. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непереходимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы давно невиданных рододендронов. Опять мы в Сиккиме. Опять вереницы бронзовых полуголых сиккимцев с венками на головах несут за плечами корзины танжеринов. В деревьях свистят и шуршат обезьяны. Огромные синие бабочки, как птицы, вспархивают перед

лошадью. Все напитано разнообразной зеленью. С высот, окруженные радужным облаком, шумят водопады. У реки Тишты на дорогу к нам вышло два леопарда. Они мирно оглядели нас и, мягко ступая, скрылись в зеленой листве.

Гималаи закрывают Тибет. Где же такое сверкание, такая духовная насыщенность, как не среди этих драгоценных снегов? Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины-герои, женщины-герои, скалы-герои, деревья-герои, водопады-герои, орлы-герои… Не только духовные возвышения сосредоточились в Гималаях, но и физические возможности в богатстве своем создали для этой снежной страны высочайшую славу. По всему миру пробежала легенда о Жар-цвете. И в Китае, и в Монголии, и в Сибири, и в Сербии, и в Норвегии, и в Бретани вы можете услышать о чудесном огненном цветке. В конце концов, куда же приведет вас происхождение этой легенды? К тем же Гималаям! В отрогах Гималаев растет особый вид черного аконита. Местные жители говорят, что они выходят собирать его ночью. В темноте растение светится, и они отличают его этим путем от других видов аконита. Истинно Жар-цвет растет в Гималаях!

Опять индус поет:

«Могу ли я говорить о величии Творца, если знаю несравненную красоту Гималаев».

Вы спросите меня:

«Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие особенно явилось для меня воодушевляющим?»

Без колебания скажу вам:

«Шамбала!»

II

Если будет произнесено здесь самое священное слово Азии – «Шамбала», вы останетесь безучастны. Если то же слово будет сказано по-санскритски – «Калапа», вы также будете молчаливы. Если даже произнести здесь имя великого владыки Шамбалы – Ригден-Джапо, даже это громоносное имя Азии не тронет вас. Но это не ваша вина. Все сведения о Шамбале так рассеяны в литературе. На Западе нет ни одной книги, посвященной этому краеугольному понятию Азии. Если же вы хотите быть поняты в Азии, как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их и можете ввести их в понятие эволюции. Бурятский ученый Барадин в своем недавнем труде о монастырях Монголии и Тибета сообщает, что в последнее время в Тибете, а главное, в Монголии основываются монастыри в честь Шамбалы. В уже существующих монастырях учреждаются особые отделы Шамбалы – Шамбалин Дацан. Для случайного читателя это сообщение будет звучать метафизически, отвлеченно или ненужно. Современному скептику эти новости не покажутся ли каким-то предрассудком? Не суеверие ли? Эти Дацаны Шамбалы потонут среди политических и коммерческих спекуляций нашего времени. Но для знатока положения, который потрудился пройти необъятные пространства Азии, Дацаны Шамбалы зазвучат, как рог призыва. Для знающего эта новость получит значение реальности, многозначительной для будущего. В этом кратком сообщении человек, прикоснувшийся к истокам Азии, почувствует, насколько живы и реальны в Азии так называемые пророчества и легенды, идущие из незапамятной древности.

Древнейшие Веды и последующие Пураны и прочая самая разнообразная литература выдвигают необычайное значение для Азии таинственного слова – Шамбала. И в крупных азиатских центрах, где священные понятия произносятся уже со стыдливой оглядкой, и в безбрежных пустынях Монгольской Гоби слово о великой Шамбале, или таинственной Калапа индусов, звучит, как символ великого будущего. В сказаниях о Шамбале, в легендах, преданиях и песнях заключается, быть может, наиболее значительная весть Востока. Кто ничего не знает о жизненном значении Шамбалы, не должен утверждать, что он изучал Восток и знает пульс современной Азии. Прежде чем говорить о Шамбале собственно, вспомним о мессианских понятиях, рассыпанных

среди разных народностей Азии, которые при своем разнообразии сливаются в одно великое ожидание будущего. Хорошо известны палестинские устремления к мессии. Известны ожидания великого пришествия у Моста Миров. Народ знает и белого коня, и огненный меч, как хвост кометы, и сияющий лик великого Всадника. Ученые раввины и знатоки каббалы, распространенные по Палестине, Сирии, Персии и по всему Ирану, скажут вам многое замечательное по этому вопросу. Мусульмане Персии, Аравии, Туркестана торжественно хранят легенду о Мунтазаре, который в ближайшем будущем положит основание новой эре. Правда, многие муллы, когда вы скажете о Мунтазаре, начнут резко отрицать это, но если вы будете утверждать и, главное, покажете знание вопроса, они переглянутся, улыбнутся и отложат свои отрицания. Даже скажут много значительных подробностей.

Они скажут, что в Исфагане стоит белый конь, уже оседланный для великого пришествия, а в Мекке уже приготовлен саркофаг для будущего пророка правды. Высокие ученые японцы открыто говорят о грядущем Аватаре. Образованные брамины, почерпая мудрость из Вишну Пурана и Деви Бхагавата Пурана, скажут прекрасные тексты о Калки Аватаре. И прибавят, что эта новая эра в отличие от прошлых должна наступить стремительно. Чтобы дать более реальное представление о фактах, скажем просто о том, как в жизни выявляется понятие новой эры и Шамбалы. Во всех этих понятиях, главное, Нужно хранить полную правдивость. Всякая цветистость и всякое личное представление может извращать и вредить. Мы уже знали о Шамбале из тибетского манускрипта, переведенного профессором Грюнведелем, под названием «Путь в Шамбалу». Книга написана таши-ламой Третьим, одним из наиболее уважаемых святителей Тибета. Конечно, каждый читавший этот манускрипт знает, насколько трудно разобраться в громаде символов и в сложных географических намеках.

Пойдем через путевые знаки о Шамбале, встреченные в пятилетнем странствии.

В Гумском монастыре, на границе Индии и Непала, вы узнаете вместо центрального изображения Будды гигантское изображение Майтрейи, грядущего Будды. Эта изображение сделано подобно изображению в Таши-Лунпо, святилище таши-ламы, духовного вождя Тибета, Владыка Майтрейя сидит на троне, ноги его не скрещены по восточному обычаю, но опущены на землю. Это знак скорого пришествия Владыки. Монастырь Гум построен около двадцати лет назад одним ученым монгольским ламою. Лама пришел из Монголии, оставался в Тибете и затем пересек Гималаи и Сикким, чтобы основать монастырь,

посвященный новой эре владыки Майтрейи.

В 1924 году ученый лама, достойный ученик основателя монастыря, говорил нам, стоя перед изображением владыки будущего:

«Истинно, приблизилось время великого пришествия. По нашим пророчествам, эпоха Шамбалы уже началась. Ригден-Джапо, владыка Шамбалы, уже готовит свое непобедимое войско для последнего боя. Все его сотрудники и вожди уже воплотились. Видели ли вы танку владыки Шамбалы и его победу над злыми силами? Когда наш таши-лама в прошлом году принужден был бежать из Тибета, он взял с собою лишь немногие изображения и среди них несколько картин Шамбалы. Многие ученые ламы покинули тогда Таши-Лунпо. Только что из Тибета пришел геше ларива – лама художник, гелонг из Таши-Лунпо. Он знает, как писать танку Шамбалы. Существует несколько вариаций на этот сюжет. Вы должны иметь в вашем доме хотя бы одну из них, где в нижней части картины изображен последний победоносный бой владыки». Скоро затем в белой галерее Талай-потанга на желтом коврике сидел ларива – лама художник. На особо приготовленном холсте он чертил сложную композицию, В середине изображался мощный владыка Шамбалы во всей славе своих владычных палат. Внизу шла жестокая битва. Беспощадно поражались темные враги праведного владыки. Картина была украшена следующим посвящением: «Славному Ригдену, владыке Северной Шамбалы». Трогательно было наблюдать, с каким глубоким уважением и почитанием писал изображение лама. Когда же он произносил имя владыки Шамбалы, он молитвенно складывал руки. Наш приезд в Сикким как раз совпал с бегством таши-ламы из Таши-Лунпо… Все были поражены этим беспримерным действием духовного главы Тибета. Правительство Лхассы в смятении всюду разыскивало высокого беглеца. Кто-то даже был арестован.

Рассказывая об этом событии, лама добавил: «Истинно, исполняются древние пророчества. Пришло время Шамбалы. В давних веках было предсказано, что перед временем Шамбалы произойдут многие поразительные события. Многие зверские войны опустошат страны. Разрушатся многие державы. Подземный огонь потрясет землю.

И Панчен Ринпоче покинет Тибет. Истинно, уже наступило время Шамбалы. Великая война опустошила страны. Погибли многие троны. Землетрясение в Японии разрушило храмы. И теперь наш почитаемый владыка покинул свою страну».

Следуя примеру духовного вождя, из Тибета прибыл один из наиболее уважаемых высоких лам – Геше Ринпоче из Чумби,

которого тибетцы считают воплощением Тзон-Ка-Па. Уважаемый лама, в сопровождении нескольких лам и художников, следовал по Сиккиму, Индии, Непалу, Ладаку, всюду воздвигая изображения благословенного Майтрейи и возглашая учение Шамбалы.

Геше Ринпоче со своей многочисленной свитой посетил Талай Пхо Бранг – наш дом в Дарджилинге, где жил далай-лама. Прежде всего Ринпоче обратил внимание на изображение Ригден-Джапо, владыки Шамбалы, и сказал:

«Вижу, что вы знаете о наступлении времени Шамбалы. Ближайший путь успеха через Ригден-Джапо. Если вы знаете учение Шамбалы – вы знаете будущее».

При следующих беседах высокий лама не раз говорил об учении Калачакры, давая этому учению не столько внешнее церковное значение, но применяя его к жизни, как истинную йогу. В 1027 году нашей эры впервые встречается учение Калачакры, возглашенное Аттишей. Оно заключает высокую йогу овладения высшими силами, скрытыми в человеке, и соединения этой мощи с космическими энергиями. С древних времен лишь в немногих, особо просвещенных монастырях, были учреждаемы школы Шамбалы. В Тибете главным местом почитания Шамбалы считается Тащи-Лунно, а таши-ламы являлись распространителями Калачакры и всегда ближайше соединялись с понятием Шамбалы. Таши-ламы выдают так называемые разрешения на посещения Шамбалы. В Лхассе особо связывается с учением Шамбалы монастырь Морулинг, известный своею ученостью. Число лам в Морулинге не превышает трехсот. Говорится, что время от времени некоторые ламы из

Морулинга уходят в какое-то горное убежище в Гималаях, из которого не все возвращаются обратно. В некоторых других монастырях желтой секты практикуется учение Калачакры. Также имеется особый Дацан Шамбалы в Кумбуме на родине самого Тцон-Ка-Иа и в китайском монастыре Утайшане, где настоятель монастыря написал замечательную книгу; «Красный путь в Шамбалу». Книга еще не переведена. В монастыре Чумби сохраняется большое изображение последней битвы Шамбалы. В этой картине можно видеть множество воинов, спешащих изо всех стран мира принять участие в великой битве духовной победы. Когда внимание устремлено в определенном направлении, тогда, как из темноты под лучом света, выясняются новые и новые подробности.

В «Шанхай Тайме», а затем во многих других газетах появилась длинная статья, подписанная Др. Лаодзин, о его

хождении в долину Шамбалы. Др. Лаодзин рассказывает многие подробности своего замечательного путешествия в сопровождении йога из Непала через пустыни Монголии, по суровым нагорьям, в долину, где он нашел поселение замечательных йогов, изучающих высшую мудрость. Он описывает библиотеки, лаборатории, хранилища, а также знаменитую башню. Эти описания поражающе совпадают с описаниями этого замечательного места из других, малодоступных источников. Др. Лаодзин описывал замечательные научные опыты волевых посылок, телепатии на дальних расстояниях, применения магнитных токов и различных лучей. Было поучительно, видеть, какой огромный интерес произвели эти сообщения в различных странах. Во время нашей поездки по Сиккиму мы встретили несколько лам, которые хотя принадлежали к красной, секте, но с увлечением говорили о Шамбале и о тех. новых возможностях, которые это время дает человечеству, Ученый лама, указывая на лесистые скаты Гималаев, говорил: «Там, внизу у потока, замечательная пещера, но спуск туда очень труден. В пещере Кандро Сампо, недалеко от Таши-динга, около горячих ключей, жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в священную страну. Тогда поднялся благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падма Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли».

Другой лама передавал:

«Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936».

Среди сумерек гелонг рассказывает о владыке Майтрейе:

«Человек двенадцать лет искал Майтрейю Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конским волосом пилит железную палку.

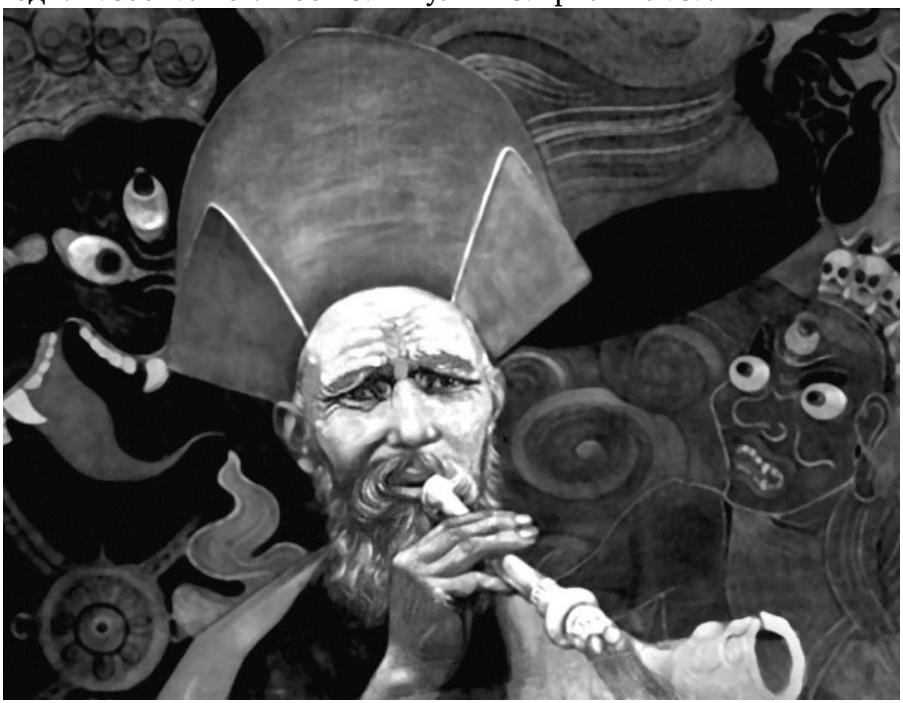
И твердит: «Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю».

Смутился человек: «Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям».

И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал:

«Давно уже я с. тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоем».

Пошел человек, зная, что несет бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза.



С.Н. Рерих. Тибетский лама, играющий на ганглинге. 1930-е г.

«Почему бежите вы, люди?» «Что за ужас у тебя на плече? Вся в язвах смердящая собака».

«И опять не увидели люди Майтрейю Будду. И увидели, чего каждый достоин».

Чуткие здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, чего хотите. Иначе вместо бога увидите собаку.

Старый настоятель Ташидинга рассказывал: «Наш храм очень стар. Уже много лет я оставался на ночь в храме, кончая и начиная день в молитве. Однажды я имел сонное видение. Две женщины, одетые по-тибетски, предупредили меня о необходимости спешно выйти из храма. Я последовал, и не успел я выйти из двери, как рухнула вся стена, около которой я спал. Так благословенные Тары спасли мою скромную жизнь. И приняли они в видении вид тибетских женщин, чтобы не испугать меня. Время Шамбалы приходит, и много замечательных знаков

будет явлено». Старый настоятель знал много других явлений. Он слышал беззвучные голоса, подобно великому отшельнику Миларепе. Он слышал полет невидимых птиц и пчел, В день нашей беседы перед зарею он имел видение: по вершинам гор зажглися гирлянды огней. Огненные знаки сопровождают эру Шамбалы. Говорю так, как слышал на месте видений. Нас не должно отталкивать необычность образов. Мы должны знать вещи так, как они происходят в наши дни в разных странах. Насколько надо понять местную чувствительность, вы увидите из следующего случая, бывшего с нами. Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

«Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря».

Так мы получили давно желанное изображение. Или другой незабываемый случай около Гума. Мы четверо после полудня ехали в моторе по горной дороге. Вдруг наш шофер замедлил ход. Мы увидали на узком месте портшез, несомый четырьмя людьми в серых одеждах. В носилках сидел лама с длинными черными волосами и необычной для лам черной бородкой. На голове была корона, и красное с желтым одеяние было необыкновенно чисто.

Портшез поравнялся с нами, и лама, улыбаясь, несколько раз кивнул нам головою. Мы проехали и долго вспоминали прекрасного ламу. Затем мы пытались встретить его. Но каково же было наше изумление, когда местные ламы сообщили нам, что во всем краю такого ламы не существует. Что в портшезе носят лишь далай-ламу, таши-ламу и высоких покойников. Что корона надевается лишь во храме. При этом мы шептали: «Верно мы видели ламу из Шамбалы». Другой тибетский лама во время посещения памятных мест Индии около станции Амбала встретил в вагоне индусского садху, не знавшего по-тибетски. Случайно лама заговорил с садху по-тибетски, а тот ответил ему на индустани, и оба поняли друг друга. Когда лама рассказывал нам про эту необычайную беседу, он добавил: «Только во время Шамбалы языки будут понимаемы без знания слов и знаков. Мы слышим и понимаем не внешним звуком и видим не телесным глазом, но третий глаз – глаз Брамы, это есть глаз всезнания. Во

время Шамбалы мы не будем нуждаться в телесном глазе. Мы будем в состоянии пользоваться великими скрытыми силами». На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата балю и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчинджунги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там». Другой лама красной секты сказал нам про чудесных азаров индусского вида, длинноволосых, в белых одеждах, иногда появляющихся в Гималаях. Эти мудрые люди знают, как управлять внутренними силами и как объединять их с космическими токами. Глава медицинской школы в Лхассе, старый ученый лама, лично знал таких азаров и сохранял с ними непосредственные отношения.

«Статсмэн», наиболее позитивная газета Индии, опубликовала следующий рассказ британского майора:

«Во время странствия в Гималаях однажды еще до зари майор из лагеря вышел на соседний утес. Он наблюдал величественную гряду снеговых великанов. Через пропасть от него в утреннем тумане возвышался другой утес. Велико было изумление майора, когда на противоположном утесе он явственно усмотрел очертание высокого человека с длинными волосами, почти нагого. Опершись на высокий лук, незнакомец наблюдал что-то по ту сторону скалы. Затем молчаливый страж точно заметил что-то. Мощными прыжками он бросился вниз по почти отвесному склону. В полном удивлении майор вернулся в лагерь и спросил местных слуг об этом странном явлении. Но к его еще большему удивлению его вопрос был принят совершенно спокойно. Почтительно было отвечено ему: «Саиб видел снежного человека, который охраняет заповедную страну».

Мы спросили ламу об этом рассказе о снежных людях, и опять ответ пришел удивительно спокойный и утвердительный.

«Очень редко можно увидеть этих снежных людей. Они преданные хранители некоторых гималайских областей. Там скрыты священные ашрамы махатм. Раньше даже в Сиккиме находилось несколько подобных ашрамов».

«О, – добавил он, – эти мудрые махатмы, они в вечных трудах направляют нашу жизнь. Они управляют внутренними силами и в то же время, как совершенно обычные люди, они появляются в разных местах и здесь, и за океанами, и по всей Азии».

К нашему удивлению, наш друг упомянул историю, которая уже вошла в западную литературу, как один из махатм по какой-

то неотложной причине предпринял спешную поездку в Монголию, оставаясь в седле по шестидесяти часов. Какое это особое ощущение, когда в далеких горах в живом изложении вы слышите то, что вы на далеких страницах книг видели за океаном. Этот простой рассказ без всякого личного повода дает особое убеждающее впечатление. Правда, многие вещи, которые нам кажутся фантастическими выдумками и сказками, вне личного преломления, на самых местах происшествий освещаются особым светом правды. Величественные образы махатм не проходят перед вашими глазами как призраки, но как великие существа от тела и крови, как действительные Учителя высшего знания и мощи.

Вы, может быть, спросите меня, почему, говоря о Шамбале, я упоминаю великих махатм? Ваш вопрос может иметь основание, потому что до сих пор в литературе эти великие понятия, за недостатком осведомления, оставались совершенно разделенными. Но зная литературу о великих махатмах и изучая сведения о Шамбале на местах, высоко поучительно видеть объединительные знаки этих понятий и, наконец, понимать, как они близки в действительности. В индусской литературе в Вишну Пуране вы можете найти указания, которые одинаково будут понятны как изучающим учение махатм, так и преданным ученикам мудрости Шамбалы. В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества. О священном городе Калапа и о попытках Архатов поднять спящий человеческий дух один раз в каждом столетии. Мы видим в учении великих махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустани, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и в множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего. Иногда вы можете даже подозревать какие-то обще-мессианские идеи, занесенные несторианами и манихеями. Но исследуя предмет на местах, среди самых различных национальностей, разделенных между собою безбрежными пустынями и многими тысячами миль, вы видите, что эти учения несравненно древнее мессианизма и они связаны не столько с представлением о личности, но именно с идеями о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий.

В основных учениях Будды уже можно усмотреть намеки на будущие достижения человечества. Под символом железного змия, окружающего землю и переносящего тяжести для

человечества, узнаются символы железных дорог. Под символом летающих железных птиц можно понять аэропланы. В указаниях на жизни на различных звездах и в намеках на разные состояния человеческого существа вы можете распознать те самые проблемы, которые только недавно с поразительной медлительностью подтверждаются наукой; жизнь на планетах, открытия в области астрального мира только очень недавно вышли из пределов насмешки игнорантов. Действительно, так странно узнавать объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и новыми формулами Эйнштейна. Но должны не забыть, что уже Будда пришел поднять падающую и извращенную культуру ж указать па тончайшие космические энергии. Лишь совсем недавно в области Карачи и Лагора были найдены остатки древних городов от 5000 до 6000 лет, показывающие па высокую древнейшую культуру Индии. Эта культура напоминает одну из культур суммарийских или эламских. Много цилиндров с надписями, напоминающими вавилонские, найдены в этих развалинах, и, когда их удастся прочесть, они, вероятно, дадут новую страницу человеческой жизни. Без этих открытий еще совсем недавно расцвет индусского средневековья обрывался на нескольких столетиях до нашей эры. Голоса древних сказаний и позднейшей записи древнейших заветов долетали, как из неизвестного пространства. Но теперь эти новейшие открытия дают реальное основание для древней мудрости. От этих путевых знаков мы уже можем реально мыслить о данных Платона, о разрушении Посейдониса, последнего оплота Атлантиды. Итак, можно видеть, что многие символы и многие знаки фактически гораздо древнее, нежели ошибочные определения науки последнего столетия. Многие понятия кажутся совершенно разделенными, без всякой связи, но при внимательном, а главное, беспредрассудочном изучении оказываются родственными. Пример. Казалось бы, что общего имеет старый буддизм с ранним христианством? Но уже Ориген, один из самых ранних писателей христианских, упоминает буддистов в Британии. Конечно, проповедники царя Ашоки могли проникать даже к далеким британским островам. Культ змия Шотландии имеет аналогии с культом китайского дракона и со змием Индии. Всемирный знак креста проходит все тысячелетия, через Египет, через свастику к несказуемой древности. С особым ощущением слушаете вы старые пророчества и сказания, которые являются для образованных лам и браминов мудрым учением жизни. Чтобы войти в эту атмосферу, послушаем отрывки из Вишну Пуран и перевод тибетских пророчеств.

Среди заветов Тзон-Ка-Па находится сообщение, что архаты каждое столетие делают попытку просвещения мира. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Сказано, что лишь когда таши-лама согласится быть рожденным в стране Пелингов, т. е. на Западе, и явится, как духовный воитель, только тогда будут разрушены ошибки и невежество веков. В 1924 году из Тибета пришла в Сикким м-с Дэвид Ниель и в своих статьях сообщила много новых сведений о Гессар-хане, легендарная личность которого имеет так много общего с Ригден-Джапо, владыкою Шамбалы. Были принесены древние пророчества о Гессар-хане, о его непобедимом воинстве и о походе для очищения Лхассы от нечестивцев. В своей статье «Будущий герой Севера» Дэвид Ниель говорит:

«Гессар-хан – это герой, новое воплощение которого произойдет в Северной Шамбале. Там он объединит своих сотрудников и вождей, сопровождавших его в прошлой жизни. Они все также воплотятся в Шамбале, куда их привлечет таинственная мощь их владыки или те таинственные голоса, которые слышимы лишь посвященными».

Владыка Гессар-хан идет с непобедимым войском, чтобы уничтожить нечестивые элементы Лхассы, и водворяет всеобщую справедливость и благосостояние. В Тибете мы могли удостовериться в распространенности этого предания. Нам говорили о дворе Гессар-хана в К'аме, где собраны мечи его воинства, служащие балками этого замка. Стрела – это знак Гессар-хана. Стрела – это молния, и наконечники стрел, находимые в полях, принято считать отвердевшей громовой стрелой. Война объявляется посылкою стрелы. Приказ о вооружении, как мы видели, навертывается на стрелу. Гессар-хан вооружен громовыми стрелами, и сужденное войско скоро готово выйти из заповедной страны на спасение мира. Тот, кто умеет читать тайные руны, поймет, на какую новую эпоху торжества духа указывают символы.

Вспомним тибетские пророчества о Шамбале и о Майтрейе.

III

Пророчества о Шамбале и Майтрейе.

Сокровища с Запада возвращаются. По горам зажигаются огни радостей.

Посмотрите на дорогу – идут носящие камень, На ковчеге знаки Майтрейи.

Из священного царства срок указан, когда расстелить ковер ожидания.

Знаками семи звезд откроются врата. Огнем явлю моих посланных. Соберите предуказания счастья вашего. Так исполняются предсказания предков и писания мудрых.

Найдите ум встретить назначенное, когда в пятом году появятся вестники воинов Северной Шамбалы. Найдите ум встретить их и принять новую славу.

Дам мой знак молнии.

Указ Гессар-хана:

«У меня много сокровищ, но могу дать их моему народу лишь в назначенный срок.

Когда воинство Северной Шамбалы принесет копне спасения, тогда открою горные тайники и разделите с воинством мои сокровища поровну и живите в справедливости.

Тому моему указу скоро поспеть над всеми пустынями. Когда золото мое было развеяно ветрами, положил срок, когда люди Северной Шамбалы придут собирать мое имущество.

Тогда заготовит мой народ мешки для богатства, и каждому дам справедливую долю».

«Можно найти песок золотой, можно найти драгоценные камни, но истинное богатство придет лишь с людьми Северной Шамбалы, когда придет время послать их».

Так заповедано.

Приходящий Майтрейя изображается со спущенными ногами – символ спешности.

Явление Майтрейи сказано после войн, но последние войны будут за истинное Учение.

Причем каждый восставший против Шамбалы будет поражен во всех делах своих. И волны будут смывать дом его, и даже пес не придет на зов его.

Не тучи, но молнии будет видеть он в последнюю ночь.

И огненный вестник встанет на столбах света. Учение указывает, как каждый воин Шамбалы наречется непобедимым.

Сам владыка спешит, и знамя его уже над горами.

Благословенный Будда посылает вам любимого Майтрейю, чтоб вы могли приблизиться к Общине. Ваши пастбища протянутся на заповеданную землю.

Когда вы стережете стадо, не слышите ли голоса в камнях? Это работники Майтрейи готовят для вас сокровища.

Когда ветер свистит в ковыле, понимаете ли, что это стрелы Майтрейи летят на защиту?

Когда молния озаряет ваши улусы, знаете ли вы, что это свет вашего желанного Майтрейи?

Кому же поручается стража в первую ночь? – Вам. К кому же направляются мои посланные? – К вам. Кто встретит их первыми? – Вы. С запада, с гор придут мои люди. Кто же примет их и сохранит их? – Вы. Молите Тару побыть с вами.

Желайте сердца омыть до прихода моего. Каждый узнавший о моем желании покроет шапку красным верхом и обернет налобник узды красной тесьмою.

Смотрите пристально на кольца приходящих. Там, где моя чаша, там ваше спасение.

На горах зажглись огни, приходит новый год. Кто проспит, тот более не проснется.

Северная Шамбала идет. Мы не знаем страха. Мы не знаем уныния. Дуккар многоокая и многорукая посылает нам чистые мысли.

Подумайте чистыми мыслями, подумайте светлыми мыслями.

Раз, два, три – вижу три народа. Раз, два, три – вижу три книги. Первую – самого Благословенного, вторую – явленную Асвогошею, третью – явленную Тзои-Ка-Па.

Раз, два, три – вижу три книги прихода Майтрейи. Первая написана на Западе, вторая написана на Востоке, третья будет написана на Севере.

Раз, два, три – вижу три явления. Первое с мечом, второе с законом, третье со светом.

Раз, два, три – вижу три коня. Первый черный, второй красный, третий белый.

Раз, два, три – вижу три корабля. Первый на воде, второй под водою, третий над землею.

Раз, два, три – вижу три орла. Один – сидящий на камне, второй – клюющий добычу, третий – летящий к солнцу.

Раз, два, три – вижу ищущих свет. Луч красный, луч синий, луч белый – серебряный.

Утверждаю, что Учение вышло из Бодхи Гайя и вернется туда.

Когда шествие с изображением Шамбалы пойдет по землям Будды и вернется к первоисточнику, тогда наступит время произнесения священного слова Шамбала.

Тогда можем получить пользу от произнесения этого слова.

Тогда мысль о Шамбале даст пищу, тогда утверждение Шамбалы станет началом всех действий и закончится благодарностью Шамбале.

И великое и малое проникнется понятием Учения. Священная Шамбала изображается среди мечей и копий в непобедимом доспехе.

Торжественно утверждаю – непобедима Шамбала. Завершился круг несения изображения. В местах Будды, в местах Майтрейи пронесено изображение.

«Калагия» – произнесено. Как знамя, развернулось изображение. Сказанное так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о священной Шамбале.

Обойдет знамя Шамбалы срединные земли благословенного, признавшие его возрадуются и содрогнутся отвергшие.

Спросит таши-лама великого далай-ламу, что суждено последнему далай-ламе.

Отвергнувший будет предан суду и забвению, и пойдет воинство под знаменем Майтрейи, и станет город Лхасса омраченным и пустым.

Восставшие против Шамбалы низвергнуты будут. Как кровь, отечет знамя Майтрейи земли нового мира для затемненных и как огненное солнце для понявших.

Найдет таши-лама великого далай-ламу, и скажет далай-лама: «Пошлю тебе лучший знак мой молнии, иди и прими Тибет. Кольцо сохранит».

Вспомним также индусские традиции. Калки Пураны указывает Калки Аватара, который придет:

«По желанию вашему, я буду рожден в месте Шалмбала… Я снова поставлю на земле двух владык – Мару и Девапи. Я утвержу опять Сатуаюгу и восстановлю Дхарму в ее прежней силе. После поражения Калиюги я возвращусь в мое местопребывание».

Вишну Пураны продолжают: «Девапи и Мару… живущие в месте Калапа, исполненные великой йогической мощи, в конце Калиюги восстановят Варну и Дхарма Ашрам, как браное»..

Шримад Бхагавата в книге VI говорит: Эти великие Риши и другие великие подвижники, добровольно незамеченные, шествуют по лицу земли с целью духовного просвещения тех, которые следуют великим заветам».

Шанкарачария в его Вивека Чудамани говорит: «Эти великие, которые вместили мир, которые окончили путь через ужасающий океан рождений и смертей, существуют и шествуют для блага, подобно весне. Без всякой личной цели они освобождают человечество».

Вишну Пураны говорят о конце Калиюги, когда варвары будут владеть берегами Инда:

«И будут временные монархи на земле, цари сварливые, жестокого нрава, прилежащие ко лжи и ко злу. Они будут убивать женщин и детей… Они отнимут собственность подданных. Жизнь их будет коротка и вожделения ненасытны. Люди разных стран соединяются с ними… Богатство будет уменьшаться, пока не истощится весь мир. Имущество станет единым мерилом. Богатство будет причиною поклонения. Страсть будет единственным союзом между полами. Ложь будет средством успеха на суде. Женщины станут лишь предметом вожделения. Богатый будет считаться чистым. Роскошь одежд будет признаком достоинства… Так в Калиюге будет постоянное падение… И тогда в конце черного века явится Калки Аватар… Он восстановит справедливость на земле… Когда Солнце, и Луна, и Тишья, и Юпитер будут вместе, тогда вернется Сатиа – век белый».

Агни Пураны говорят следующее: «В конце Калиюги смещаются касты. И будут процветать разбойники без пощады. Под личиною религии будут проповедовать ересь. И злые духи под видом владык будут раздирать людей. В доспехе вооруженный Калки, сын Вишнуяши, уничтожит злых духов, восстановит порядок и достоинство и поведет народ по пути истины. Исполнив это, он оставит облик Калки и вернется в высшие сферы. После чего Критаюга установится, как ранее».

Продолжим наше хождение пилигрима через Бенарес, где, сказано, будет рожден Майтрейя. Пересечем старую дорогу па Кадарнат, ведущую к великому Кайласу, местопребыванию мощных отшельников, и к путевому знаку на Шамбалу. Пройдем затем Лагор с соседними старинными областями. Дойдем до Кашмира, где трон Соломона и так называемая гробница Иисуса. В Кашмире жили великие подвижники первоначального буддизма – там произносилось имя Майтрейи. Достигнем границы Ладака. В Драсе, в месте с рисунками старого Неолита на скалах, мы найдем первое изображение Майтрейи. Рядом с ним на камне можно увидеть изображение всадника. Опять великий всадник Калки Аватар Индии и Майтрейя, завещанный буддизмом, стоят вместе, на одном пути, благословляя путников. В Маулбеке, в древнем месте, наполненном развалинами, можно вспомнить о

прекрасном прошлом. У самой дороги, где с древнейших времен проходят караваны, мы были приветствованы величественным изображением Майтрейи, вероятно изваянным рукой индуса. На обратной стороне скалы китайская надпись. Не есть ли это то самое замечательное изображение, которому Фа-Сиен, знаменитый китайский путешественник, посвятил почтительное описание в своих записках. Даже в Ламаюре, в этом старом месте Бонпо, этой необъясненной еще полушаманистской религии, к нашему великому изумлению, мы нашли изображение Майтрейи. Странно было найти его в храме Бонпо, где даже отрицается сам Будда. Но этот призыв к будущему, как видно, проникает даже в самые неожиданные места. В Саспуле – еще более древнее изображение Майтрейи, не моложе шестого века. Старый лама, показывая нам эту достопримечательность, шептал о скором наступлении новой эры. В этом маленьком уснувшем месте, окруженном развалинами прежних крепостей и храмов на вершинах гор, было так странно слышать о блестящем будущем. Но именно эта преданность будущему дает даже заброшенным местам не только смысл о прошлом, но делает их путевыми вехами к сужденным достижениям.

Только покажите старому ламе, что вы понимаете его говор не только грамматически, но и внутренно, и он добавит вам еще многие замечательные указания. Если же покажете ему еще пророчества, полученные вами в Индии или Сиккиме, посмотрите, с каким оживлением попросит он у вас разрешения списать их. Будьте уверены, он не сохранит их только для себя, но бродячие ламы понесут к другим одиноким местам эти знаки возрождения.

Как крепость, высоко на скалах стоит один из старейших монастырей Спитуг.

Старший лама этого монастыря, видимо, сомневался, как принять нас и о чем беседовать с нами. Так что первый момент нашего посещения был довольно сдержан. Но мы произнесли формулу Шамбалы, и главная дверь широко открылась. Мы были приглашены в верхнюю живописную комнату воплощенного ламы, поразившую нас и чистотой, и приветливостью. Вместо натянутой беседы мы были сразу спрошены, откуда мы знаем о Шамбале, и опять многие новые подробности были произнесены. И мы увидели, что наши хозяева были искренно огорчены, когда пришло время оставить их. Шептали они: «Кто-то с Запада и знает о Шамбале: это знак нового времени!»

В Лех, столице Ладака, особенно много собралось воспоминаний о Гессар-хане и Шамбале. Ладак считается

родиной Гессар-хана, и махараджи Ладака ведут свой род, от этого героя. Много прекрасных романтических песней и сказаний посвящено великому герою Гессар-хану и его жене Бругуме. Здесь в Ладаке вы можете видеть на высоких скалах белую дверь, ведущую в замок Гессара. Здесь же на скале изображение огромного льва, соединенное с тем же героем. А на дорогах вы можете видеть разнообразные изображения Майтрейи, и грубые, и заботливо обработанные. В самом Лех около храма Будды и Дуккар, Матери Мира, находится особый, очень тонко украшенный храм, посвященный Майтрейе. В молчании сумерек высокого храма вы различаете на стенах тонко написанные изображения боддисатв. А в середине, высотою в два этажа, опять готовый сойти с трона, высится сам великий Майтрейя. Этот храм особенно украшен. И вы видите какое-то особое почитание лам около великого изображения. Один из наших западных друзей, невежественный в делах буддизма, смотря на танку Шамбалы, сказал мне: «Мне кажется, что это совершенно обыкновенное тибетское знамя».

Я спросил его: «Если это совершенно обыкновенное изображение, как часто и где именно вы видели этот сюжет?»

И он признался простодушно: «Конечно, может быть, не совсем этот, но какой-то такой же с какими-то буддами».

Когда вы знаете сложное значение восточных символов и буддистской иконографии, тогда особенно странно слышать такое легкомысленное замечание о «каких-то буддах». Вы можете представить себе, какое впечатление может произвести этот господин, толкующий «о каких-то буддах», в восточном храме, где он начнет простодушно обсуждать неизвестные ему вещи. Для некоторых людей каждый, сидящий со скрещенными ногами – уже Будда. А ведь через это незнание происходили тяжкие недоразумения. Один образованный буддист рассказывал нам, как он спас трех немцев, которые вошли в храм с сигарами во рту, и добродушная толпа немедленно обратилась в бешенство, и кровопролитие казалось неминуемо. Мы должны знать не только потому, что мы не должны оскорблять чувства иноверцев, но потому, что мы должны расширять свой взгляд и тем получать радость истинного знания. Вспомним некоторые ладакские песни на религиозные темы. Прежде чем мы приблизились к суровому Сассеру и Каракоруму, в последний раз мы встретили изображение Майтрейи в пограничном монастыре Сандолинг. Этот монастырь знаменит тем, что на скале за ним лучи заходящего солнца очень часто создают удивительные облики, ото очень старый и даже внешне уже ветшающий монастырь. И тем неожиданнее было найти здесь совершенно новое

изображение Майтрейи, Шамбалы и Дуккар. Глядя на эти новые изображения, можно представить себе, куда движется местная современная мысль, В продолжение многодневного прохода через необитаемое нагорье, конечно, нельзя ожидать найти какие-либо следы религиозной жизни. Тем не менее даже около ледников несколько раз обстоятельства напомнили нам великие имена будущего.

Поздним вечером как раз перед переходом скалистого Караул Давана нас посетил нежданный гость, старый седобородый мусульманин. Окруженные огромными скалами, сидя перед входом в палатку, залитые яркой луной, мы беседовали о Коране и Магомете. Он говорил нам о том, как Магомет уважал женщину. Затем он говорил о манускриптах и легендах об Иссе, лучшем из сынов человеческих. Исса – это Иисус, Он говорил, как мусульмане жадно собирают всеми способами все относящееся до Иссы. После Иссы мы толковали о Мунтазаре, этом соответственном понятии индусскому Калки Аватару и Майтрейе буддистов. Наш неожиданный друг вошел в полный энтузиазм. На его губах имя Майтрейи звучало с тем же уважением, как и имя Мунтазара. Будущее единение мира, будущие радости взаимного понимания звучали в его надеждах. Пройдя четыре снеговых перевала, уже в пустынном нагорье, мы опять увидели картину будущего. В долине, окруженной высокими острыми скалами, сошлися и остановились на ночь три каравана. При закате я заметил необычную группу. На высоком камне была помещена многоцветная тибетская картина, перед нею сидела тесная группа людей в глубоком почтительном молчании. Лама в красных одеждах и в желтой шапке, с палкою в руке что-то указывал зрителям на картине и ритмично сказывал объяснения. Подойдя, мы увидели знакомую нам танку Шамбалы. Лама пел о бесчисленных сокровищах владыки Шамбалы, о его чудесном перстне, обладающем великими силами. Далее, указывая на битву Ригден-Джапо, лама говорил, как без милости погибнут все злые существа перед мощью справедливого владыки.

Горят костры, эти светляки пустыни. Опять сгрудились у огня разноплеменники. Все десять пальцев в восхищении подняты высоко. Может быть, говорится, как благословенный Ригден-Джапо является, чтобы отдать приказ своим вестникам. Вот на черной скале Ладака появляется могущественный владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники-всадники, чтобы в глубоком почтении принять приказ, а затем понестись по всему миру, неся заветы великой мудрости. В Ладаке впервые мы встретились с замечательным обычаем лам. В ненастную погоду они всходят на вершины и с молитвами разбрасывают маленькие

изображения коней в помощь страждущим путникам. Вспомнилось сказание Северной Двины, где Прокопий Праведный за неведомых плавающих молился, сидя на высоком берегу мощной реки. Знаки человеколюбия! Спускаясь с гор к пескам Такламакана, встречая только мусульман, сартов или китайцев, видя лишь мечети и китайские храмы Хотана, вы не можете ожидать что-либо о Шамбале, Но именно здесь мы встретились с еще одним ценным указанием. Вокруг Хотана имеется много развалин старых буддийских храмов и ступ. Одна из этих древних ступ окружена сказанием. Указывается, что при наступлении времени Шамбалы от этой ступы будет излучаться таинственный свет.

Указывается, что этот свет уже был виден. Много калмыков из Карашара приходят оказать почтение этому месту. Также указывается, что через эти именно места сам Будда проходил во время пути своего к Алтаю.

Во время наших стоянок в Яркенде, Кашгаре и Кучаре мы слышали такие сказания:

«В Кашгаре жил святой человек. На заре он слышал, когда поют петухи в далекой священной стране, за шесть месяцев пути отсюда».

Между Марал Ваши и Кучарами наш конюх Сулейман, указывая на гору к юго-востоку, говорил:

«Вот за тою горою живут святые люди. Ушли они от мира, чтобы спасать людей мудростью. Многие ходили в их страну, но мало кто дошел. Знают, что надо идти за эту гору. А как зайдут за нее, так и потеряют дорогу».

Вы легко можете понять, что эти сказания имеют в виду то же самое место Шамбала. Даже географическое направление, даваемое при этих рассказах, относится к местонахождению средоточия всех народов.

Николай Рерих – великий путник бесконечных дорог…

После мусульманских городов в пустых пещерных храмах существующий и теперь буддизм показался в области Карашахра. Карашахр является не только средоточием карашахрских калмыков, но и последним упомянутым историографами местопребыванием чаши Будды. Чаша благословенного была перенесена сюда из Пешавара и затем исчезла. «Чаша будет снова найдена при наступлении времени Шамбалы». Пурушаиура, или Пешавар, некогда был городом чаши Будды. Принесенная туда после смерти Учителя, чаша в течение долгого времени была

предметом преклонения. Во времена китайского путешественника Фа-Сиена, около 400 года нашей эры, чаша еще находилась в Пешаваре, в нарочно для нее выстроенном монастыре. Она представляла разноцветный сосуд с преобладающим черным цветом, причем были очень заметны линии краев четырех чаш, вошедших в состав ее. Во время другого китайского путешественника Сюан-Цзана, около 630 года нашей эры, чаши уже не было в Пешаваре. Она была в Персии или уже в Карашахре.

Чаша Будды чудотворна и неистощима – это чаша жизни.

Вспомним о почитании чаши бессмертного напитка, о борьбе из-за которого так поэтично повествует Махадха-гарата. Индра берет от царя Нагов чашу и относит ее на небо. У мусульман в Кандахаре есть тоже своя святая чаша. По персидским сказаниям, когда Джемшид стал рыть основания города Истакара, была найдена волшебная чаша «Дшами Джемшид», из бирюзы, полная драгоценного напитка жизни. Сказания Соловецкого монастыря о ветхозаветных лицах упоминают чашу Соломона: «Велика чаша Соломона, сделана из драгоценного камня. В ней написаны три стиха самарейскими письменами, и никто истолковать их не может».

В Харране имеется священная чаша Фаа Фага. Из нее пьют принимающие участие в мистерии и на седьмой день возглашают:

«Учитель, да возвестится неслыханное!»

В обрядах ведизма, буддизма, маздоизма всюду является священный символ чаши жизни.

Джатака рассказывает о происхождении чаши Будды: «Тогда с четырех стран пришедшие четыре хранителя мира поднесли чаши, сделанные из сапфира, но Будда отказался. Снова они предложили четыре чаши, сделанные из черного камня мугаванна, и он, полный состраданья к четырем учениям, принял четыре чаши. Одну в другую поставил и приказал: да будет одна! И края четырех чаш стали видимы только, как черты. Все чаши вошли в одну чашу. Тогда Будда в эту новосделанную чашу принял пищу и, насытившись, совершил благодарение».

Лалита Вистара, рассказывая о таинстве чаши Будды, приписывает благословенному следующие значительные обращения к царям принести чаши: «Поклонись чашею Будде и ты будешь в чаше, как в сосуде познания». «Предложив чашу нам подобному, не будешь оставлен ни памятью, ни суждением». «Кто дает чашу Будде, тот не будет оставлен ни памятью, ни мудростью». Эта чаша – ладья жизни, чаша спасения – скоро снова должна быть найдена. Так знают в пустынях.

Когда приближаетесь к Турфану, то еще большее количество легенд, доходит до вас. Древние буддийские пещерные храмы, подземные ходы, наконец, старые подземные арыки для орошения – все это придает необычайность этой местности. Опять все это приводит к тому же понятию о далекой священной стране, где живут мудрые люди, готовые помочь человечеству.

Рассказывается: «Из пещеры как-то вышел незнакомый человек, высокий и не в нашей одежде. Пришел на базар в Турфан. Хотел овощи купить, только дает за них золотую монету, а как рассмотрели ее, видим, что таких денег уже тысячу лет как не бывало. Этот человек пришел из святой страны».

Или говорят: «Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая. Ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу – помощь творила, а затем ушла назад в подземелье. Тоже приходила из святой страны».

«Несколько всадников совсем особого вида были видны около пещеры. А затем исчезли они. Должно быть, ушли через подземный ход в свою страну. По их ходам даже на коне проехать можно».

И сколько таких неизвестных всадников-посланцев привлекает внимание.

Перед Зайсаном наш калмыцкий лама указывает на юго-восток, где серебрится снегами хребет:

«Вот там священная наша гора Саур. С вершины ее в ясные дни видны горы священной страны. Под горою засыпан песком город Аюши-Хана. Можно видеть еще и стены, и храмы, и субурганы».

Глуше и дичее становятся горы от Чугучака к Алтаю. Странно впервые увидеть ойротских наездников – финно-тюркский род, затерянный в Алтайских горах. Только недавно эта область, полная прекрасных лесов, гремящих потоков и белоснежных хребтов, получила собственное имя – Ойротия. Страна благословенного Ойрота, народного героя этого уединенного племени. И еще чудо случилось в этой стране, где до последнего времени грубые формы шаманизма и колдовства процветали. В 1904 году молодая ойротская девушка имела видение. Явился ей на белом коне сам благословенный Ойрот. Сказал ей, что он вестник Белого Бурхана и придет сам Бурхан скоро. Дал благословенный девушке-пастушке много указаний, как восстановить в стране праведные обычаи и как встретить Белого Бурхана, который воздвигнет на земле новое счастливое время. Девушка созвала свой род и объявила эти новые указания благословенного, прося сородичей закопать оружие, разрушить

идолов и молиться только милостивому Белому Бурхану. На вершине лесистой горы было установлено подобие алтаря. Там собирался народ, сожигали вереск и пели вновь сложенные священные песни, трогательные и воздымающие. Одна звучит так:

Вы, живущие за белыми облаками —
За синими небесами —
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы —
Белый Бурхан!
Ты, владыко Алтая —
Белый Бурхан!
Ты, населяющий вокруг себя
Народы, в золоте и серебре,
Белый Алтай!
Ты, сияющий днем!
Ты – солнце Бурхан!
Ты, сияющий ночью!
Ты, месяц Бурхан!
Пусть зов мой запишется
В священную книгу Садур!

Местная администрация смутилась, узнав об этой по-вой вере, как они называли ее. Мирные почитатели Белого Бурхана подверглись жестокому преследованию. Но наставления благословенного Ойрота не погибли. До сих пор всадник на белом коне появляется на горах Алтая и растет вера в Белого Бурхана. В разбросанных юртах шепчется легенда, что на реке Катуни произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой горы сияет уже свет Белого Бурхана. И при этих словах головы собеседников обращаются на юг от Алтая, туда, где далеко вздымаются высочайшие горы, сверкающие в снежном уборе. Такое случилось среди ойротов в Алтайских горах.

В тех же горах и другое чудо замечено, и опять в направлении Шамбалы и светлого будущего. В тех же алтайских округах живет много староверов. Века тому назад они скрылись в темных лесах, спасая свою старую веру от новых законов Никона, а затем Петра. В чистоте и строгости еще соблюдается там старинная вера. Они имеют свои иконы и своих начетчиков и блюдут свои молитвы и обычаи. И даже при последних событиях в Сибири этот край внутренно был мало затронут,

В середине XIX столетия необычайная весть была принесена к алтайским староверам:

«В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье».

В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту.

Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно. Но даже и в этом неправильном произношении вы можете различить истинное географическое направление, и это направление, не удивляйтесь, опять ведет вас к Гималаям.

Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом:

«Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье. Коли душа твоя готова достичь это место через все погибельные опасности, тогда примут тебя жителя Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается. Много народу шло в Беловодье. Наши деды Атаманов и Артамонов тоже ходили. Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать».

Когда вы сообразите названные географические имена, вы легко поймете их смысл. Иртыш и Аргунь произнесены правильно. Соленые озера, конечно, это озера Цайдама с их опасными переходами. Богогорше или Богогорье, конечно, это горный хребет Бурхан-Будда. Кокуши – каждому понятно, является хребтом Кокушили. А Ергор, т. е. самое высокое нагорье, конечно, будет Чантанг у Трансгималаев, уже в виду вечных снегов. Это учение о Беловодье и теперь так сильно на Алтае, что всего шесть лет тому назад целая группа староверов отправилась на поиски священного места; до сих пор они не вернулись. Но когда мы проходили Алтай в 1926 году, некий ойрот принес

письмо от одной женщины, ушедшей в той же группе. Она сообщает родственникам, что они еще не достигли святого места. Но все же полны надеждами дойти до него. Она не могла сообщить, где она живет сейчас, но говорит, что жизнью довольна. Итак, опять легенда и сказка переплетается с жизнью. И эти люди твердо знают о Беловодье-Шамбале. И они шепчут путь к Гималаям. Когда мы пересекали Алтай, несколько школьных учителей пришло к нам, шепча вопрос:

– Неужели вы из Индии? Расскажите нам, что вы знаете о махатмах?

И глаза жадно ловили ответ, и они схватывали каждый намек из учения великих махатм.

И опять тихо говорили они: – «Мы не одни, нас много. И мы только мечтаем об этом учении!» – И это было в диких горах, в глухих лесах.

Странную повесть слышали мы. Совсем недавно в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами. Так неожиданно разбросаны личные наблюдения и доверительные указания.

Опять к тому же источнику. Уже покидая Алтай для Монголии, я слышал священный стихирь, напевно сказанный пожилым старовером.

Старик поет:

«А прими меня, пустыня тишайшая». —
«А и как же приму я тебя, царевича?
Нет у меня, у пустыни, ни дворцов, ни палат».
«А и не нужно мне ни палат, ни дворцов».

Маленький пастух на горе поет:

О Учитель мой любимый,
Почто ты покинул меня?
Ты покинул меня, сироту;
Провести в печали все мои дни,
О пустыня прекрасная!
Прими меня в свое лоно.
В избранный дворец мой!
В мир и молчание.
Я бегу, как от змея,
От земной славы и прелести,

От богатства и палат блестящих.
О пустыня возлюбленная, прими меня!
Я пойду в твои поля
Дивиться на цветы чудесные;
Здесь проживу я мои годы
И до скончания дней моих.

Я распознал в этом напеве старый стихирь о Иосафе, сыне царя. Это был старинный напев о жизни Будды, причем жизнь Учителя была представлена под именем жизни Иосафа, сына царя Индии. Иосаф, Иосафат – это измененное боддисатва, искаженное в арабском произношении.

Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит:

«Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы каменьями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь, со всеми добытыми сокровищами».

В Бурятии и в Монголии мы уже не удивлялись найти многие знаки Шамбалы. В этих странах психические силы очень развиты. Когда мы приближались к Урге, столице Монголии, мы должны были переночевать на берегу реки Иро. Поздним вечером на другой стороне реки засветились какие-то огоньки. Мы спросили о них и получили совершенно необычайный ответ.

«Там стоит большой монастырь, и сейчас он доставляет много хлопот Монголии. В прошлом году около этого монастыря родился удивительный ребенок. Не было ему еще и года, как он сказал по-монгольски замечательное пророчество о будущем. А затем больше ничего не говорил, как обычный ребенок».

Видите, вот опять весть о будущем. Когда мы вошли в Ургу, около одного храма мы заметили окруженное тыном пустое место.

«Что это?» И опять неожиданный ответ: «Это место будущего храма Шамбалы. Какой-то неизвестный лама пришел и приобрел это место для будущей достройки».

В Монголии не только много образованных лам, но даже много светских людей и членов правительства могут сообщить вам немало замечательных подробностей об этих вопросах. Когда

мы показали некоторые из привезенных пророчеств о Шамбале лицу, близкому монгольскому правительству, он воскликнул в величайшем изумлении: «Но ведь это то самое пророчество, которое сказано мальчиком на Иро! Поистине великие времена приходят». А затем он рассказал нам, как совсем недавно молодой монгольский лама из Улясутая написал новую книгу о Шамбале, объясняя высокое значение Шамбалы для будущего и говоря о способах достижения этого замечательного места. Другой очень интеллигентный бурят, один из монгольских вождей, сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там короткое время. Среди описания этого необычного пути попадались некоторые поразительно реалистичные подробности. Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже границы священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженных солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть. Другая маленькая подробность из этого же путешествия останавливает внимание. Когда этот лама возвращался из Шамбалы, ему пришлось проходить чрезвычайно узким подземным ходом… Он встретил там двух людей, проводивших с большим трудом породистого барана, который нужен был для научных опытов, происходящих в этой чудесной долине.

На улицах Урги проходит отряд всадников монгольских войск. С чувством они поют какую-то зовущую песню. «Что это за песня?»

«Это песня о Шамбале».

При этом рассказывают, как Сухе-Батор, недавний народный герой Монголии, деятель освободительного движения, сложил эту песнь о Шамбале, которая и распевается сейчас по всем углам Халки.

Начинается она так:
Чанг Шамбалин Дайн.
Северной Шамбалы Война,
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями владыки Шамбалы.

Итак, новейшее движение Монголии также связано с именем Шамбалы. И новые знамена духовно подымаются в честь

Шамбалы. Мы посетили особый храм, посвященный Майтрейе, а также храм Калачакры. И видели особое живописное изображение предположительного вида Шамбалы. Когда я подарил Монгольскому правительству мою картину – «Ригден-Джапо – владыка Шамбалы», она была принята с совершенно особыми чувствованиями. Член правительства сообщил мне, что монголы имеют намерение построить особый памятный храм, где эта картина займет центральное место.

Лицо, близкое правительству, спросило меня: «Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу.

Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окруженный пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине».

Такие совпадения с картиной и с пророчествами на реке Иро вызывали восклицание:

«Истинно, время Шамбалы пришло!» Много других удивительных событий было рассказано образованными бурятами и монголами. Они знали о таинственном свете над Хотанским субурганом. Они говорили о будущем нахождении утраченной Чаши Будды. Много внимания уделялось чудесному камню, упавшему с далекой звезды, который появляется в различных странах перед большими событиями. Великий Тимур, говорится, владел этим камнем. Камень обычно приносится совершенно неизвестными неожиданными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время камень исчезает. Чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране. Главная часть этого камня находится в Шамбале. Лишь небольшой кусок его выдан и блуждает по всей земле, сохраняя магнитную связь с главным камнем. Бесконечные сказания щедро рассыпаны об этом камне. Говорится также, что царь Соломон и император Акбар владели им. Эти предания невольно напоминали Лапис Ексилис – блуждающий камень, воспетый знаменитым мейстерзингером Волфрамом фон Эшенбах, заключившим свою песню словами:

«И этот камень называется Граль». Там же в Урге из нескольких источников мы слышали о посещении великим махатмой двух старейших монгольских монастырей. Один Ердени Дзо на Орхоне и другой Нарабанчи.

О посещении махатмою монастыря Нарабанчи мы уже имели

сведения в литературе, но приятно было узнавать совершенно те же подробности и от лам далекой Монголия. Говорится, как однажды в полночь группа всадников приблизилась к воротам Нарабанчи Гомпа. Видимо, они прошли долгий путь. Их лица были покрыты меховыми шапками. Их вождь вошел в храм, и немедленно зажглися все лампады. Затем он приказал, чтобы все гелонги и хувараки собрались в храм. Он встал на главное место Богдо Гегена и открыл свой лик. И все присутствующие узнали самого благословенного. Он произнес много пророчеств о будущем, затем все всадники сели на коней и оставили монастырь так же неожиданно, как и прибыли. Другой рассказ о прибытии гималайского махатмы в Монголию был сообщен нам членом монгольского ученого Комитета. Он сказал следующее:

«Вы знаете, что мы имеем несколько лам, обладающих большими духовными силами. Конечно, они не живут в городах или больших монастырях. Обычно они обитают в удаленных хутонах в горных убежищах. Лет шестьдесят или пятьдесят тому назад одному из этих лам было доверено большое поручение. Он должен был выполнить его лично и перед смертью должен был передать миссию доверенному лицу по своему выбору. Вы знаете, что величайшие поручения даются Шамбалой. Но на земле они должны быть выполнены человеческими руками в земных условиях. Вы также должны знать, что подобные поручения всегда сопровождаются великими трудностями, которые должны быть преодолены силою духа и преданностью. Случилось, что лама частично выполнил свое поручение, но затем заболел и потерял сознание; в этом состоянии, конечно, он не мог передать поручение достойному преемнику. Великие держатели Гималаев знали о его затруднении. Так как поручение должно было быть выполнено на данных условиях, то один из великих держателей предпринял в величайшей поспешности утомительное путешествие от Тибетских Нагорий в наши Монгольские степи. Поездка была так спешна, что держатель оставался в седле по 60 часов, но таким образом прибыл вовремя. Он временно вернул ламе сознание, так что тот оказался в состоянии докончить вверенное ему поручение достойным образом. Вы видите, как великие держатели помогают человечеству. Сколько самопожертвования и какие земные трудности они принимают на себя, чтобы помочь великому будущему».

В этом рассказе о спешном путешествии в Монголию, в этих шестидесяти часах в седле вы можете распознать конец той же самой повести, начало которой мы слышали в Индии. В Монголии они называли махатм держателями и не знали, который именно из махатм предпринял это путешествие. Но зато в Индии они не

могли сказать, с какой целью путешествие было предпринято. Таковы нити Азии. Кто приносит эти новости? Из каких тайных ходов появляются неведомые вестники? Встречаясь со скучною рутиною ежедневности, встречая трудности и грубость и обременительные заботы в Азии, вы не должны сомневаться, что в самую обычную минуту у двери вашей уже готов постучаться кто-то с самою великою вестью. Два потока жизни особенно различимы в Азии, и потому пусть лик обыденности не разочаровывает вас. Легко вы можете быть вознаграждены зовом великой правды, который увлечет вас навсегда.

Звенят колокола верблюдов, Долгие пустынные переходы.

Над пустыней опять несется песня Шамбалы. Вокруг безжизненные скалы и груды камней и морозное нагорье, но знаки Шамбалы не покидают вас.

Ламы нагнулись над галечным скатом, Что-то прилежно выкладывают из белых осколков кварца, собранных на соседней горе.

Что это за замысловатый узор? Не узор – это монограмма Калачакры. Издалека для всех путников будет белеть буква, зовущая к великому учению.

На высотах Шарагольчи, перед Улан-Даваном, на месте, где останавливался махатма при поездке в Монголию, строится субурган Шамбалы. Все наши ламы и мы сами носим камни и скрепляем их глиной с травою. Верх субургана строится из дерева и покрывается жестью из бензиновых банок. Мои краски служат для расцвечения. Из гор Гумбольта привозится известь, субурган сверкает белизною среди пурпура пустыни. Бурятский лама расписывает красным, желтым и зеленым многие узоры и изображения. Местные монголы привозят Норбу-Ринпоче, скромные дары – бирюзу, кораллы и бусы для вложения в субурган. Приезжает на освещение сам великий лама Цайдама. Монголы клянутся оберегать памятник Шамбале, если только китайцы, дунгане или верблюды не нарушат.

День Шамбалы. У шатра Шамбалы ламы служат великому Ригден-Джапо. Перед изображением владыки поставлено полированное зеркало. Из узорного сосуда на его поверхность льют воду. Струи сбегают по лику зеркала, покрывают его странным узором. Колеблется и живет поверхность. Символ магических зеркал, где выявляется будущее, пишет руны откровений.

Лама, проводник каравана, платком завязывает себе рот и нос.

«Почему? Ведь день не холодный». Он поясняет: «Теперь уже

необходимы некоторые предосторожности, мы приближаемся к заповедным областям Шамбалы. Скоро мы встретим «сур», ядовитый газ, которым охраняется граница Шамбалы».

Наш тибетец, Кончок, скачет к нам и говорит шепотом: «Недалеко отсюда, когда далай-лама следовал из Тибета в Монголию, все люди и все животные каравана начали дрожать, но далай-лама объяснил, что пугаться не следует, потому что караван коснулся заповедной границы Шамбалы и воздушные колебания необычны для каравана». Из Кумбума, с родины Тзон-Ка-Па, к нам приехал нирва монастыря со своим украшенным шатром и многоцветной свитой. Он привез нам подарок и передает знак Шамбалы. Рассказывает, как некоторые китайцы просили недавно таши-ламу выдать им паспорта в Шамбалу. Только таши-лама может делать это. Только что таши-лама опубликовал в Китае новую молитву о Шамбале. Теперь все может быть достигнуто только через Шамбалу. Опять обнаженные скалы и бесконечная пустыня. Ни путников, ни животных. Оглядываем друг друга в изумлении. Неожиданно мы все почувствовали аромат, как запах лучших курений Индии. Откуда он идет? Ведь мы окружены голыми скалами. Но лама улыбается: «Чувствуете вы ароматы Шамбалы?» Солнечное безоблачное утро – сверкает ясное голубое небо. Через наш лагерь стремительно несется огромный темный коршун. Наши монголы и мы следим за ним. Но вот один из бурятских лам поднимает руку к голубому небу:

«Что там такое? Белый воздушный шар?»

«Аэроплан?»

И мы замечаем, на большой высоте что-то блестящее движется в направлении от севера к югу. Из палаток принесены три сильных бинокля. Мы наблюдаем объемистое сфероидальное тело, сверкающее на солнце, ясно видимое среди синего неба. Оно движется очень быстро. Затем мы замечаем, как оно меняет направление более к юго-западу и скрывается за снежной цепью Гумбольта. Весь лагерь следит за необычным явлением, и ламы шепчут: «Знак Шамбалы». На сером фоне холмистой пустыни нечто белое сверкает на солнце. Что это может быть? Большая палатка? Или снег? Но в это время не бывает снега в пустыне. Это белое пятно слишком велико для палатки. И почему оно так резко отличается от всего окружающего? Приближаемся. Подходя, белая масса оказывается еще большего размера, чем казалась. Это огромная белая пирамида глауберовой соли, образованная осадками гигантского гейзера – целое состояние для дрогиста. Ледяной соленый источник вытекает из-под белой массы. Лама опять шепчет: «Это знак третьей границы Шамбалы».

Приближаясь к Брамапутре, можно найти еще больше указаний и легенд, связанных с Шамбалой. И еще одно обстоятельство дает этим местам еще более убедительное впечатление; здесь в направлении к Эвересту жил провидец-отшельник Миларена, слушавший перед восходом солнца голоса Дэв.

Ближе к области Шигатзе, на живописных берегах Брамапутры и в направлении к священному озеру Мана-саравар, еще совсем недавно существовали Ашрамы Махатм Гималаев. Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. Здесь еще живут престарелые люди, которые помнят их личные встречи с Махатмами. Они называют их «Азары» и «Кутхумпа». Некоторые жители помнят, что здесь была, как они выражаются, религиозная школа, основанная махатмами Индии. На этом дворе Гом-па произошел эпизод с письмом, которое было съедено козою и феноменально затем восстановлено. Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне так скромный ашрам. Посторонним людям, которые не бывали в этих местах, вопросы о махатмах не могут быть существенные. Но проходя Трансгималаи, вы наблюдаете не один горный хребет, но целую горную страну с причудливым узором хребтов, долин и потоков. На каждом шагу вы убеждаетесь в относительной точности существующих карт. По своей сложности эти области остаются всегда не вполне исследованными. Отшельник, приютившийся в пещере, поселение в удаленной долине может остаться совершенно непотревоженным. Лишь побывав в этих лабиринтах, вы знаете о скрытых местах, недоступных, кроме счастливого случая. Старые вулканы, гейзеры, горячие источники и радиоактивность дают здесь неожиданные приятные находки. Часто рядом с леденистым хребтом можно видеть сочную растительность в ближней долине, очевидно напитанной горячими источниками. В пустынном нагорье Дамбуре мы наблюдали кипящие горячие источники, и около них зеленела пышная растительность, цвела земляника и гиацинты. Таких долин много в Трансгималаях. Когда мы стояли в Нагчу, местные жители рассказывали, что на север от озера Дангра Юмцо, среди обнаженного нагорья, в 15 000 ф., лежит плодоносная долина. Около Лхассы в иных дворах заключены горячие источники, питающие весь домашний обиход.

Пройдя эти необычные нагорья Тибета с их магнитными волнами и световыми чудесами, прослушав свидетелей, и будучи свидетелем – вы знаете о махатмах. Я не собираюсь начать

убеждать о существовании махатм. Множества людей их видели, беседовали с ними, получали письма и вещественные предметы от них. Если же кто-то в неведении спросит: «Все-таки, не есть ли это миф?» – посоветуйте ему прочесть труд профессора варшавского университета Зелинского о реальности происхождения греческих мифов. Впрочем, вообще не пытайтесь убеждать. Знание входит в открытые двери. Если предрассудок существует, он должен быть изжит изнутри. Нам важно фактами установить, на каких огромных расстояниях живет одно сознание и насколько это сознание свободно открыто для будущего. На всем Востоке почитание понятия Учителя дало облику Гуру сокровенность и недосягаемость.

Понятие Гуру – Учителя только на Востоке возносимо с таким почитанием и достоинством. Напомню из Агни Йоги легенду о мальчике индусе, познавшем Учителя.

«Спросили его: «Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся: «Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будут светить двенадцать солнц».

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу реки сидит мальчик, знающий Учителя».

«Есть проводники электричества, также есть объединители познания. Если варвар посягнет на Учителя, скажите ему, как человечество назвало разрушителей книгохранилищ».

Основа Востока укрепляется понятием Гуру. Какие прекрасные выражения и достойные жесты находятся в Индии в отношении Учителя. Многие индусы, китайцы и японские ученые знают многое значительное о махатмах, но почтение перед Учителем, характерное для Востока, препятствует им объявлять это свое знание посторонним. Значение слово Гуру– Учитель, духовный руководитель, действительно во всей Азии очень затрудняет вопрос осведомления о махатмах. Легко понять, почему многие путешественники по Азии вообще не встретились с этим вопросом. Или незнание языков, или совсем противоположные интересы, или просто неудача во встречных людях не позволили им увидать многое ценное. Ведь все мы знаем, как, посещая музеи и храмы без особого разрешения, мы не можем изучать склады и сокровищницы, где иногда хранятся наиболее ценные предметы. На Востоке вы можете услыхать много рассказов о пропавших людях, и некоторые из этих повестей опять будут соединены Шамбалой. Я мог бы даже назвать вам имя члена одного из научных обществ, который посетил Индию в шестидесятых годах прошлого вена. Затем он вернулся на родину, даже появился на придворном приеме, а

затем опять поспешно отбыл на Восток, и с этого времени люди не слышали о нем. Впрочем, дошло одно доказательство о его существовании в совершенно необычных условиях.

Можно назвать многих еще живущих, которые лично встречали махатм. Эти памятные встречи происходили как в Индии, так ив Англии, Франции, Америке и других странах. Когда мы проходили берега Брамапутры, мы вспоминали, как тибетский представитель в Урге советовал нам посетить необыкновенного отшельника несказуемого возраста, который жил в горном убежище на расстоянии несколько дневных переходов на запад от Лхассы. Тибетец настаивал, что этот отшельник был совершенно необыкновенным, ибо он был не тибетец, по, как говорили о нем, западный человек. Мы опять вспомнили, как почтенный житель Сиккима рассказывал нам тоже о странном отшельнике па север от Китченджунги. Круг завершается. Опять Сикким. Опять сверкание Гималаев остается к северу. Все взоры обращены туда, где превыше облаков вздымаются величественные белые вершины. Возносятся, как особая заоблачная страна. Все чаяния обращены к Гималаям. Канг-чен-цзоднга – пять сокровищ великих снегов. Отчего так зовется эта величественная гора? Она хранит пять сокровищ мира. Какие это сокровища? – золото, алмазы, рубины? Нет, старый Восток ценит иные сокровища. Сказано: «Придет время, когда голод охватит весь мир. Тогда появится некто, кто откроет великие сокровищницы и напитает все человечество». Конечно, вы понимаете, что некто напитает человечество не физическою, но духовною пищей. Восходя Гималаи, вы приветствованы именем Шамбалы. При спуске в долины то же самое великое, понятие благословляет вас. Шамбала напитает человечество духовною пищей познания великих энергий.

Нет худых вестей из Сиккима. За это время наш друг Ринпоче из Чумби построил еще два монастыря, и везде есть изображение Майтрейи и Шамбалы.

Наш лама-художник ларива еще в Гуме и написал на стене храма фреску «Мандалу Шамбалы».

Геше Ринпоче рассказывает в символических образах о мощи эпохи Шамбалы. За эти годы он стал говорить о Шамбале менее скрыто. Ринпоче подарил нам тибетскую книгу, изданную недавно и посвященную Шамбале. В этой книге собраны молитвы Шамбале, данные Панчен Ринпоче таши-ламой во время его последнего путешествия. Из этого собрания молитв вы можете видеть, что духовный глава Тибета в каждом месте, где он

останавливался, давал особую молитву Шамбале. Это достойно примечания. А затем пришло и кольцо со знаком Шамбалы.

Седой, уважаемый Гур долины Кулу говорил нам: «В северной стране – в Утракане – на высоком нагорье живут великие Гуру. До этого места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот – они не любят Калиюгу. Но в случае надобности они посылают своих учеников – чела – предупредить правителей народов».

Так в древней местности Кулу претворяют знание о махатмах.

Передо мною шесть изображений Шамбалы. Вот самое эзотерическое изображение. Мандала Шамбалы, в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху Идам, как знак стихийной мощи, и тот таши-лама, который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белые границы. В центре – как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне сам он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву, и сам Ригден-Джапо – предводитель. Победа духа на великом поле жизни. Новое изображение геше из Таши-Лунпо.

На другом изображении, внизу, та же победная битва. В середине сам Ригден-Джапо приказывающий. Перед владыкою все счастливые знаки и сокровища, которые суждены человечеству. За владыкою дворец, по сторонам его мать и отец. А наверху Будда. Новое изображение из Сиккима.

Третье изображение без битвы, торжественное, со многими золотыми украшениями. В середине крупная фигура – Ригден-Джапо благословляющий. Перед ним выпуклым золотом сверкает Акдордже, крест из знаков молнии. Ниже расположены сокровища. Наверху владыка Будда и по сторонам два таши-ламы: третий и живущий теперь. В этом последнем утверждении выражена современная мысль. Изображение из Гума.

В четвертом изображении вокруг Ригден-Джапо собрались всадники и пешие воины, предводители его войска и советники. Изображение из Нагчу.

Пятое изображение из Таши-Лунпо представляет Ригден-Джапо поучающим нескольких Гуру заветам мудрости.

Шестое старинное изображение привезено из Таши-Лунпо бежавшим ламой. Крупное изображение Ригден-Джапо в середине. За владыкою спинка трона в виде синих крыльев, окруженная цветами. В левой руке колесо закона, а правая

призывает в свидетели землю. Внизу собрались все народы Азии. По костюмам можно отличить индусов, китайцев, мусульман, ладакцев, калмыков, монголов, тибетцев. Каждый со своим сокровищем. Кто с книгами, кто с оружием, кто с цветами. В середине сокровище. Битва уже исполнилась. Народы призваны к благоденствию.

Теперь подведем итоги разбросанным указаниям о Шамбале. Учение Шамбалы – это целое учение о жизни. Так же как в индийских йогах, это учение показывает, как обращаться с тончайшими энергиями, наполняющими пространство, и как эти энергии могут быть мощно явлены в нашем микрокосмосе.

Значит, и Азары и Кудхумпа относятся к Шамбале?

И великие махатмы и риши? Да.

И воинство Ригден-Джапо? Да.

И многие из цикла гессериады? Да.

И, конечно, Калачакра? Да.

И Арьяварша, откуда ожидается Калки Аватар? Да.

И Агарти с подземными городами? Да.

И Мингсте? И Великий Яркас? И великие держатели Монголии? И жители К'ама? И Беловодье Алтая? И Шабистан? И долина Лаоцзина? И черный камень? И Грааль Lapis Exilis, блуждающий камень? И Чудь подземная? И Белый Остров? И подземные ходы Турфана? И скрытые города Черчена? И подводный Китеж? И Белая гора? И субурган Хотана? И священная долина посвящения Будды? И Агни Йога? И Деджунг? И книга Утаншаня? И Таши Ламы? И место трех тайн? И Белый Бурхан?

Да, да, да! Все это сошлось в представлении многих веков и народов около великого понятия Шамбалы. Так же как и вся громада отдельных фактов и указаний, глубоко очувствованная, если и недосказанная.

Полагается, что эзотерический буддизм проник в Тибет в VI в. по р.х., но до нашей эры эзотерический буддизм имел свои оплоты на склонах Кайласа и на севере Пенджаба, может быть, в местности долины Кулу.

Само учение Шамбалы, хотя считает Аттишу как распространителя этого учения, конечно, существовало несравненно древнее, теряясь в веках. Шамбала, или «Белый Остров», указан на запад от Химавата. Можно уважать, с какою осторожностью выдается приблизительное местонахождение этого замечательного места. Бхантеюл и Деджунг являются также названиями самого места «Белого Острова». На север от Кайласа к Куэн Луню и Черчену лежала так называемая Аргиаварша, откуда

ожидается Калки Аватар. «Место трех тайн», «Долина посвящения Будды» – все эти указания ведут сознание людей туда же, за белые высоты Гималаев. Шамбала есть священное место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке они знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая. Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые из предположений относят это место на крайний север, говоря, что северное сияние есть лучи этой невидимой Шамбалы. Отнесение Шамбалы па север легко понятное.

В Тибете Шамбала называется Чан-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним. Манифестация учения произошла в Индии, откуда все по ту сторону Гималаев, очевидно, является северным. На север от Бенареса находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе. Таким образом, еще раз становится ясным, почему загималайская Шамбала называется Северной Шамбалой. Некоторые указания, затемненные символами, указывали местонахождение Шамбалы на Памирах, Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге «Иезуиты путешественники по Центральной Азии» упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 году в Шигатзе. Каселла, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалы. Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных. Так, например, указывается, что в местности Шамбалы люди живут в юртах и занимаются стадами, почему некоторые думают, что это относится к местности кочевьев Туркестана, по не забудем, что горные киргизы в местностях Куен Луня также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Откроем перевод, сделанный профессором Грюнведелем, тибетской книги «Путь в Шамбалу», написанной знаменитым таши-ламой Третьим. Вы будете поражены нагромождениями географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большое осведомление о старых священных местах и о местных терминах может помочь вам как-нибудь разобраться в этой сложной пряже. И опять вы поймете, почему такой покров нужен. Один из махатм был спрошен, отчего они так заботливо скрывают свои ашрамы. Махатма ответил: «Иначе бесконечные шествия и с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводнят наши

уединенные места, куда без разрешения никто не дойдет и не потревожит наши занятия». И действительно это так: отсюда, среди сутолоки города, невозможно и представить, сколько людей стремятся к учению махатм. Образованный лама, имя которого сделалось известным на Западе, говорил нам, что много вопросов и писем он получает из Франции, Англии и Америки с запросами, как войти в контакт с Махатмами и как получать их учение. Опять реальность и сокровенное устремление сходятся. Вы видите, что это не мессианизм, но новая эра могучих энергий и возможностей выражена в понятии Шамбалы. Теперь каждый день мы поражены открытиями в области физики, обнаружением мощных свойств кислорода, реальностью великого пространственного огня. Когда с высот дается Агни Йога, тогда совершенно искренно можем обращаться к нашим друзьям в Азии во имя наступающей Шамбалы. С радостной улыбкой мы можем приветствовать великое будущее мощных энергий. «Последний зов нашей эволюции есть повелительный зов к творчеству, действию, к сознательному труду и к подвигам здесь на земле без всякого замедления». Наши друзья ведантисты указывают, что эпоха Шамбалы в отличие от прочих прежних эпох, вместо постепенной эволюционности, наступит стремительно. Разговор оборачивается на стремительные завоевания науки последних лет. Традиция Вед указывает, что близко время, когда новые энергии, ближе всего энергии Агни – космического огня, приблизятся к нашему плану и создадут новые условия для жизни. Время начала приближения этих энергий исчисляется в сороковых годах нашего столетия. Врамачарии ашрамов Шри Рамакришны и Свами Вивекананды подтвердили нам эти даты и всю указанную традицию.

Учение о жизни махатм Гималаев определенно говорит о том же. Агни Йога в полном согласии с новыми проблемами науки намечает знаки изучения стихий и тончайших энергий. То, что недавно общо называлось учением воли и сосредоточения, то Агни Йога вправляет в целую систему овладения окружающими нас энергиями. Через расширение сознания и упражнение организма среди условий современной жизни, эта синтетическая Йога строит счастливое будущее человечества. Она говорит: не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов. Йога говорит: в нашей самоответственности и в сознательном сотрудничестве будем стремиться к сужденной эволюции. Но, исследуя все наши возможности, прежде всего поймем радость

труда, мужества и ответственности. Обращаясь в практических формулах ко всем сторонам жизни, Йога указывает, как близки от нас стихии, и самая из них всепроникающая – огонь.

Агни Йога отделяет действительность от майи, она восстает против «чудес», вводя феномены в кругозор позитивного знания. «Нужно учиться организации психической энергии», – утверждает Агни Йога.

Йога смело утверждает: будем искренны и отбросим предрассудки и суеверия, неприличные сознательному человеку, желающему научно исследовать и познавать. Говоря о приближающихся воздействиях космических энергий, Йога предупреждает об особенностях ближайшего будущего; Йога обращается к врачу так: «Скажите врачу: можешь изучать феномены возгорания огней. Тем более это явление важно, что при развитии центров человечество будет ощущать непонятные ему симптомы, которые будут относиться невежественной наукой к самым несоответственным заболеваниям. Потому своевременно сказать о наблюдениях за огнями жизни. Советую не откладывать, ибо нужно пояснить миру явления реальности и общности бытия. Незаметно входят в жизнь новые сочетания понятий. Эти знаки, видимые для немногих, составляют основу жизни, проникая во все построения. Только слепой не заметит, как наполняется жизнь новыми понятиями. Потому следует позвать ученых для освещения очевидности. Врач, не упусти!»

«Учение наше устремляет к познанию совершенных явлений природы, считая человека частью ее».

«Очевидность препятствует видеть внутренние течения».

«Каждый может припомнить, как он смешивал случайность с основами, составляя совершенно произвольное представление. То же можно сказать о стихии огня. Кто-то недомыслящий полагает: «Деды жили без познания огня и спокойно сошли в могилу. Какое мне дело до огня?»

«Но мыслящий думает: откуда необъяснимые эпидемии, иссушающие легкие, гортань и сердце? Поверх всех причин есть еще нечто, непредусмотренное врачами. Не условия жизни, но нечто извне косит толпы».

Этим путем внимательных наблюдений можно прийти к заключению без предрассудков.

Или Агни Йога призывает: «Агни Йога приходит ко времени. Кто же иначе скажет, что эпидемии инфлуэнцы должно лечить психической энергией? Кто же обратит внимание на новые виды душевных, мозговых и сонных заболеваний? Не проказа не старая форма чумы, не холера страшны. К ним имеются

предохранительные меры. Но следует задуматься над новыми врагами, созданными современной жизнью. Нельзя к ним применять старые средства, по новый подход создается расширением сознания. Можно проследить, как в течение тысячи лет шли волны болезней. По этим знакам можно составить любопытную таблицу человеческих уклонов, ибо болезни показывают негатив нашего существования. Надеюсь, что живые умы вовремя помыслят. Поздно строить насос, когда дом пылает!»

Так Агни Йога говорит о психической энергии. Люда совершенно разучились понимать и применять психическую энергию. Они забыли, что каждая энергия, приведенная в действие, порождает инерцию. Почти невозможно остановить эту инерцию, потому каждое проявление психической энергии продолжает свое воздействие по инерции, иногда даже продолжительно. Можно уже видоизменить мысль, но следствие прошлой посылки все-таки будет пронизывать пространство; в этом сила психической энергии, но и качество, заслуживающее, особой заботливости. Можно лишь светлым сознанием управлять психической энергией, чтобы не засорять путь свой прошлыми посылками. Часто мысль случайная и несвойственная надолго мутит поверхность океана достижений. Человек уже давно забыл о мысли своей, но она продолжает лететь перед ним, освещая или затемняя путь. К сиянию луча припадают малые светочи, обогащая его. К сору присасываются темные пыльные части, пресекая движение. Когда говорим – летите светло или – не сорите, предупреждаем о действии. Все, сказанное о психической энергии, относится к каждому действию. Здесь нет ничего отвлеченного, ибо психическая энергия заложена во всей природе и особенно выражена в человеке. Как бы человек ни пытался забыть о ней, психическая энергия напомнит о себе. И дело просвещения – научить человечество обращаться с этим сокровищем. Если наступило время говорить о физических видимых отложениях психической энергии, значит, действительность вступила в очевидность; значит, люди должны неотложно стремиться к овладению психической энергией. Огонь пространства и психическая энергия связаны между собой и представляют основание эволюции. Как пример жизненных указаний Агни Йоги, можно привести место о последовательности нервных центров. Указывается, что кундалини, как центр, уводящий в самадхи, в дальнейшей эволюции уступает свое значение другому центру около сердца. Этот центр называется чашею и является местом манаса – средоточием чувствования. При расширении сознания чувствование ведет к действию,

которое и является главным отличием будущей эволюции. Центр третьего глаза действует в сочетании с чашею и кундалини. Эта триада как нельзя лучше характеризует действенное начало ближайшей эпохи. Не уводящее восхищение, но деятельное утверждающее начало предопределено для грядущего подвига человечества.

Можно привести из Агни йоги множество указаний первой важности, рассыпанных в учении, как драгоценная мозаика.

«Научились ли вы радоваться препятствиям?» – какое мощное сознание звучит в этом бодром призыве!

«Йога, как высшая связь с космическими достижениями, существовала во все века. Каждое учение содержит свою Йогу, применимую к ступени эволюции. Йоги не отрицают друг друга. Как ветви одного дерева, они расстилают тень и дают прохладу путнику, утомленному зноем. Полный новыми силами странник продолжает путь. Он не отнял ничто чужое. Он не извратил устремление. Он допустил явление благодати пространства. Он дал свободу силам сужденным. Он овладел своим единственным имуществом. Не избегайте сил йоги, но, как свет, относите их в сумерки неосознанного труда. Для будущего мы встаем от сна. Для будущего обновляем покровы. Для будущего питаемся. Для будущего устремляемся мыслью. Для будущего собираем силы. Мы услышим шаги стихии огня, но будем уже готовы управлять волнами пламени».

Так напутствует путника жизни Агни Йога, данная «в долине Брамапутры, взявшей исток от озера Великих Нагов, хранящих заветы Риг-Вед».

Слишком долго люди оставались в низшем физическом состоянии. Они должны торопиться овладеть сужденными блестящими возможностями. Вы поражены, когда вспоминаете, что фонограф Эдисона в 1878 году в собрании французской академии был осмеян, как фокус шарлатана. Мы можем вспоминать, как первые моторы были объявлены непрактичными. Как электрический свет был сочтен опасным для зрения, а телефон – вредным для уха. Теперь это смешно вспомнить, но, к сожалению, это было так недавно. Так трудно человечество воспринимает новые понятия. Предрассудок пронизывал устои общества. Вы можете себе представить необыкновенно благостное и воодушевляющее впечатление, когда среди белых вершин Гималаев вам приносят почту из Америки. Друзья среди многих сведений широкого размаха присылают ряд газетных вырезок о заседаниях американского Общества содействия развитию науки, возглавляемого таким славным именем, как профессор

Милликан, и другими лучшими силами Америки. Вы видите, как целый ряд ученых со стороны практического знания приходит к тем же положениям, которые так повелительно утверждаются Агни Йогой. Космический луч Милликана, относительность Эйнштейна, музыка сфер Теремина принимаются на Востоке совершенно положительно – древние ведические и буддийские традиции подтверждают их. Так встречаются Восток и Запад. Разве не прекрасно, если мы можем приветствовать старые понятия Азии, исходя от нашей современной научной точки зрения? Если Шамбала Азии уже наступила, будем надеяться, что наша собственная Шамбала просвещенных открытий тоже пришла.

«Мировое единение», «взаимное понимание» – эти понятия делаются мечтами непрактичного оптимизма. Но ныне даже оптимист должен быть практичен, и понятие мирового единения из записной книжки философа должно войти в реальную жизнь. Если я обращусь к вам: «Объединимся» – на чем? Может быть, вы согласитесь со мною, что наиболее легкий путь будет через красоту и знание. И эти принципы создадут искренний и общий язык.

В Азии, если я начну говорить во имя красоты и знания, я буду спрошен:

«Какая красота и какое знание?» Но когда я отвечу: «Во имя знания Шамбалы, во имя красоты Шамбалы», тогда я буду выслушан с особым вниманием.

Из моих замечаний вы могли видеть, что учение Шамбалы чрезвычайно жизненно. Не мечты, но самые практические советы даются в этом учении с Гималаев. Агни Йога и несколько других книг, в которых фрагменты этого учения о жизни даны, очень близки каждому сильному и ищущему духу. Давно уже высказывались многие противоположения востоку и западу, северу и югу. Все это звучало разъединением. Действительно, где же настоящая граница между западом и востоком? Отчего Алжир – восток, а Польша – запад? Не будет ли Калифорния крайним востоком для Китая?

Агни Йога говорит: «Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от нового… Старый и новый мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках».

С большой радостью я заметил, что в заседании от 5 февраля 1929 года азиатского Общества Бенгала президент Общества д-р Рай Упендра Пат Врамачари Бахадур заявил: «Теория, что «Восток есть Восток и Запад есть Запад и никогда близнецы не

встретятся», по моему мнению, отжившая и окаменелая идея, которую нельзя поддерживать». Итак, надо всеми физическими условностями и разделениями намечаются возможности нового истинного общего единения. Во имя этого мира всего мира, во имя мира для всех, во имя взаимного понимания радостно произнести здесь священное слово «Шамбала». Поистине стараются условные границы. Вы заметили, что понятие Шамбалы соответствует лучшим западным научным исканиям. Не темноту суеверия и предрассудков несет с собою Шамбала, но это понятие должно быть произносимо в самой позитивной лаборатории истинного ученого. В искании сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сходятся Восток и Запад. Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: «Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате». Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: «Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком». Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие нахождения. Мыслить по правильному направлению – значит уже двигаться по пути к победе.

Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова:

«Калагия!»

Это значит:

«Приди в Шамбалу!»

Миф Атлантиды

Атлантида – зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славили. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

– Встанут волны горою. Море покроет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же, как он.

За ним шел толпой народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне назвали ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы – ничто. Он – наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до

последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри – вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи и жены и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца, и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немы и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукой хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал: – Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе…

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили… Мне не вернуться к священной зелени леса… По травам душистым уже не ходить… На горный хребет мне уже не подняться… Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть… По волнам уже не носиться… Глазом уже не лететь за кречетом быстрым… В звезды уже не глядеться… Вы победили… Голоса ночные слышать я больше не мог… Веления Бога стали мне уже недоступны… А я ведь мог их узнать… Я мог почуять свет, солнце и волю… Вы победили… Вы все от меня заслонили… Вы отняли все от меня… Я вас ненавижу… Вашу любовь я отверг…

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Пламя

В измятом холщовом пакете я получил наконец письмо. Часть пакета была залита дождем или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло мое. Пока шел ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей. Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернется письмо, на котором надо написать: «по… дороге до города… оттуда переслать по реке… до устья… Передать в село… для пересылки с оказией до… перевала, где вручить крестьянину… села…, а ему указано, как доставить по принадлежности». Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно – исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их еще недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имен и местностей (я опущу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишенным местного интереса, те пусть посмотрят на письмо, как на страницу нашей сложной современности.

«Пламя» – так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть друг мой простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счел нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

«Ты нашел меня. Ты хочешь, настоятельно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всем происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу? Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых… Пусть, пусть, пусть. Все описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как – на сон, Второе – вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат – выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать все, как было? – слушай.

Просто так «как было». Ты спросил, где я сейчас? Слушай. На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана – их кажется бесчисленно

много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно. Когда солнце светит в горах особенно ярко, – па самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жилье. А может быть, это – просто скала. Налево и сзади – сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озерки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше давно здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитою цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие…

А может быть, все это – просто наше воображение… Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль постройки храма, где сохранятся достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения человечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего – такое хранилище было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания… Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев. Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далекой Чертовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждет наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных. ч При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произнесет вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда дальше поселка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали черной точкой покажется сойма. Он ли? Один ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их – малодушие. Но человекообразием мы все же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гоняются за страшными зверями, смертельных поединках поражают темного змея. Величественно плавают волшебницы, разметав волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии. Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к

ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно. Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остается неисполненной работы. Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Н.К. Рерих. Майтрейя-победитель. 1926 г.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо веселых игр волн под утесом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых…

Не остановлюсь на разноцветной весенней листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы…

Все это остановило бы внимание настолько, насколько все это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров. Вообще помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что он Севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Но

подойти к Северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний? Надо писать так, как было. Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников. Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потемок? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, все равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить ее от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных. Все это один раз по просьбе……. уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, – ведь путь очень труден. Еще один раз, – последний, я заставлю себя для тебя записать все бывшее. Если не все, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит – не судьба. Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи назвали моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово «пламя». Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет пламени бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Их припомнить можно. Обернуться глазом добрым. Без имен. Без времени.

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю ее. Даже уничтожаю. Мысль и уменье стремятся вперед. Все сделанное ранее уже слишком несовершенно. Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь. Так же было и с сюитой картин, объединенных названием «Айриана Ваэджа». Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчиненных одной сущности. Сочиненных, спаянных в незыблемом соответствии красок и формы. Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчетность, подневольность. Торговля в храме. Будни – в празднике. Праздник – в буднях. Наши выставки разве это

праздники творчества? Право – поденщина. Отчет. Обязанность. Конторская книга. Все это со временем изменится. Всему найдется свое место.

Теперь о картинах. Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое – ничтожным. Третье – неизобразимым. Но все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать… Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества – не верьте. В этом уже скрыто чье-то бессилие. Это не важно. Мощь искусства именно в его безотчетности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях – победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа. Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе свое непосредственное очарование – все уверения, все законы будут бессильны. В чем это очарование? В чем истинная правда произведения? Где границы радости и подъема сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? – Мы не знаем. К счастью, не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну. Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления? Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно дает и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно все, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему? Может быть, и эти темные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим! Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почетные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы часто принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошел. Ковал мою «Ваэджу». Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептали, что я

обезумел. Но я ничего не слушал. Твердо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он дает спокойствие мысли. Только он открывает глаз на красоты, нас окружающие и не замеченные лишь в суете случайных человеческих общений. Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу, Как легко избежать это. Какой поток благости легко может залить пламя злобы? В тишине, среди прекрасных поездок. Среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей. Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определенном порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собою. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удались ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости. По обычаю я отдал законченные картины моей жене. Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидать мои картины. Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвященным. Четвертые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и все это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

«…Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что мое чувство – ничто для вас!» И я тоже слышал эти слова. И я все-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано… Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник труда в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть. В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения… кому-то не передали приглашения… кто-то пришел незваный. Не все ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья. Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидал, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъеме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действа. Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был тверд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня. Тогда возникла новая опасность. Обладатель крупных изданий……. зажегся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня, и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку. Затем возникло новое, казалось, непреоборимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя на короткое время перенесены в печатню. Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печатню только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он все умел объяснить, – «краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются, и потому точные копии будут вполне достаточны».

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка показалась приемлемой.

Этот же дьявол нашел того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было излишнего…

Помнишь ты… того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. А я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый… очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углубленно и, видимо, с подъемом. Копии я утвердил. Копии были перенесены в печатню. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашел ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нем более ничего не знаю. И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо. Значит, опять произошло так, как нужно.

Все это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали. И настолько встревожились, настолько напряглись нервы, что, когда издатель, бледный, ворвался с криком: «Печатня сгорела! Картины погибли!» – мы даже не удивились. Вот оно обрушилось то, что уже висело над нами, Мы еще не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: «вот оно».

То, молчаливое, вошло. И замкнулся извилистый круг, Одна ошибка родила другую.

Все разгласилось. Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, еще раньше моего уехавшего сотрудника о молчании. Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его. Промолчав вначале, я не знал, что сказать потом. Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить ее у себя. Не принять ее я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я накупил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок? Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

Интерьер одной из комнат дома Рерихов в Кулу.

А пламя уже разгоралось. Чужое несчастие всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись. Трудно представить себе изощренность всех сожалений. Ты издалека все-таки слышал об моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не преувеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали еще более яркими,

нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувствованными адресами. Иностранные академии избрали меня почетным членом. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний. Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни, наконец воплощенная, истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились все ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен. Молчал. На молчанье мое не обижались. Приписали его горю.

Наоборот, молчанье мое только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днем необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он все приходил. Сторожил. Берег посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною? С тобою мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник… не давал о себе вестей. И сейчас я еще не знаю, вернулся ли он? или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься и начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же наконец я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и намекнул о моем невольном попустительстве.

А тебя все не было. А пламя разгоралось. Я продолжал безумие начала. Я решил показать еще раз подлинные картины. Опять картины стояли на прежних местах. Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трех, четырех случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались. Но глядели

смущенно. Они не поверили. Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку. Они не поверили. Смотрели – слепые. Слушали – глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидать?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда дает мощь и силу перенести все, решительно все.

Это так и есть. Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина. Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный со всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко? Когда пламя то пылает? Вот тогда оно блестит. Оно затемняет. И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями – тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов.

Да и немудрено. В спешке. В огорчении. Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще?

Да и не стал ли мастер слабеть? Всегда приятно первому найти момент ослабления.

Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение.

Не так ли? К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А «умудренный» человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это тоже ясно. И вот когда к этой ясности прибавится еще целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли – повторения всегда далеки от оригинала…

Пламя пылало. Из темных углов высовывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

– Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покоилась бы тишина и слава. А теперь куда вы пойдете с вашею правдой? Куда завела вас эта правда?

Сожгли бы, и пепел все покрыл бы…

Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещенные пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться. Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, – не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка – когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направятся во зло? И все-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и небескорыстно и заблужденно, но все-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло еще так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка – когда решил, в последнем доверии к людям, вторично показать картины. Тем довел до ложных ощущений всех, которые вторично увидали подлинные вещи. Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины показал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно. Не изумлен ли ты, что я пишу о моем потрясении спокойными словами. Точно не о своем. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе. Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности. Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

И так все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта. Все эти суждения постепенно докатывались до меня. Докатывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом эти анонимные письма. Кому есть досуг измышлять их? Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели

на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу. Но и здесь тащилась цепь. На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись. Около нашего дома тащили цепь. И шумели. И цепь звякала. Тащили ее беспощадно. Точно переехали жизнь. Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдет. Прошли. Звенели цепью. Стучали. И опять бесповоротно. И человечески ясно. Пламя пылало. Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскали. Собрались на ней поселиться. Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь все давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползет, как раки из корзины; все сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих. Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Привиделось, что все закрыто. Что все кончилось. Закрыто. Кончилось, – среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить – стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени. Оно выедает все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя – пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, все так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий все время. Труд, в далеком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою. Еще смешная подробность. Вскоре после отъезда моего на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Все, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно, и далекие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу еще поднялись в цепе. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и голод – это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет. Знаем, что суждения все преходящи. Всегда по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего они не значат, ни худое, ни хорошее. А избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди

которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощенное жизнью. Не знаем многое. Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя мое же не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде помыслим. И будет все так, как должно быть. Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребенка. Ребенку случается видеть тяжелый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю. Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби. Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание? Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо? Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, темные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте. Но приказ звучит. Пламя меняет цвет. Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня. И глаз мой вперед обращен. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня все это более не касается. И со встречными людьми мы прикоснемся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим – слепые. Как мы слышим – глухие. Кому она пригодится, сказка моя? Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь ее рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества? Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут все описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лед подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступилась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберегся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная. Сказал Иоанн: «не болей, придется много для Родины

потрудиться». А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал. Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь. Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зовы и провозвестия, не знаем происходящее. Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте – это друзья мои. И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете? Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными… И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Еще страшнее злобы они. Где оно – облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою. Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звезд и луны не светили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы и что для них был Давид? Среди безумия толпы, что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить все, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится черный век наш. Что произойдет еще? Неужели еще раз увижу себя расстроенным? Неужели еще придется уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете все немедля, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу пе только тебе, друг, но и другим, которых я еще не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьяненным загадками; расскажу чтецам звездных рун, чьи души привлекаются песней. И

там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас еще не знаю, но вы уже проходите близко. Озаренные пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу? Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки? Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Идет твердо. Уже не боится влияний…

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, задержу месяца еще на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется еще многое сказать. Так ты получишь? Где получишь? Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедем с тобою или в… или на берега… в… Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь для этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовесть. Даже сюда залетают зовы. Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать:

«Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразрушимо. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся», Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою… Кончаю тем, чем начал. Прости меня, друг, если я напечатал твое письмо. Знаю, ты простишь мне. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверно. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Ноты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из нее: «Взирай лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим – плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным».

Верю, что ты вернешься. Жду тебя, друг мой.

Сентябрь 1918 г.

Меч Гессар-хана

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет и Китай и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире, Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его поберечь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции – «Майтрейя». С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский художник, писавший это знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего знамя китайскими шелками, и знамя видело немало. Участвовало и склонило на пашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Било по лбу хотанского амбаня и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчах. Теперь оно в Гималайском институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы гималайские, в которых так много лучших решений. Каждый предмет, прошедший с нами всю Азию, делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого. Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гессар-хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к житию странному увлекает их по трудным горным тропинкам. Мы идем в Лахул. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С тою разницею, что там никакая почта, никакие сведения из внешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов, и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух, целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бессчетными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и мертвыми телами полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахул. Снеговые

пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелою круторогих горных баранов. А ведь древний айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями, и в каменных склепах-камерах. Над Келангом раскинулась мощная гора Колокола – «Духовного отдохновения», со своею священною триглавою вершиною подобно нарбуринпоче. Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону-целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Минги-юр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи, и поэтическое описание местных святынь. Кругом все насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларены, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбгава, и

Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев. Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. «Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини». Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов – там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, непременное наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Келанге, столице Лахула. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами въезжали мы в Каланг. При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами по знаку вазиря области, кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского

института, мы были встречены еще ламскими трубами, а дочь соседа Ану в бирюзовом высоком кокошнике поднесла священное молоко яка. Так Келанг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность. Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию «разбитие камня». Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, еще не изданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал института. Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полушутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутливые элементы замолкли и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силой бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены, и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением камня Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня па животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжки формы этой необычной мистерии о победе над низкоматериальным миром, но ведь не менее тяжки и действительные общежитейские материальные формы. Также не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы

прокалывали магическими кинжалами фурна.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Минги-юр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие священные бараны – символы света – и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных культов. Здесь мы опять прикасаемся к не объясненным еще солнечным культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики. Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любование с высоких плоских крыш на необозримые ледпики, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора «духовного отдохновения», тут и пик М., тут и манящие пути и на Ладак, и к священному Кайласу, Танцы лам. Незнающий называет их «чертовыми плясками». «Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение». «А как же рога?» «Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох уж это незнание!» Танцы, после долгого ритуала, полного чековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры. Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, менданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные логилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина «Меч Гессар-хана». Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гессар-хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика.

Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке… Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное. А напротив, за рекою, высоко па скале, древнейший монастырь края Ган-до-Ла, основанный самим Падмою Самбгавою. Древность седьмого-восьмого века. Старые зовущие места. А вот и старый Пинцог – певец-сказитель саги о Гессар-хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и сказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев, и не от того же ли времени важные жесты певца. Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено – как собирается герой противу врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие… Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. «А знаете ли вы здесь, что в К'аме есть палаты Гессар-хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-хана?» – «Не только в К'аме, но и в Цанге воины Гессара сложили такой памятник», – вставляет слово примолкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гессара подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джумне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор Индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на гималайских высотах.

Из Таши-Лунпо лама-доктор приносит тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингигор сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злобных действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга. Пратапа Чанда, или по-тибетски Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчою. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю

молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги и доски для печатания. Это не простой дом, такур – глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается сговор о постройке дома. Говорят: «Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место». И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу называется еще место около Трилокната, где, по преданию, скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что когда пришли воины Гессар-хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь под землю на Алтае, а жители Лахула на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован, картина «Менгиры в Гималаях» будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедициею в 1928 году, подобными менгирам Карнака.

Картина «Три меча» пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Киеланга, главного города Лахула. Лахул в испорченном произношении означает южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения. Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималая, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-готов и прочих великих переселенцев. Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной Бонпо), реминозных надписей, чортенов и прочих предметов культа. Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским Бонпо и прочими культами огня еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений. Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах д-ра Франке, 1923) – горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений от древних (сходных со

шведскими halristingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа. Кроме горных козлов во всевозможных комбинациях можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения. К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Кейлапга (Лахул) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формою бронзовых мечей и кинжалов минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхассы называлось Гота. Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы алапских построений, так расцветшие в формах романского стиля. Де Ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах – строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность Ирилы к племени гаты, что, по его заключению, означает готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов. Телеграмма из Л е. Экспедиция института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев? Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на это сияние. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества. А вот и редкое изображение самого великого Гессар-хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессар-хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

Кейланг, 1931 г.

Печать века

Каждому изучавшему Историю Человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которою отмечалась жизнь человеческая на самых удаленных материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмем ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода, как в Европе, так и в Египте, и в Америках, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путем, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех ее особенностях. Перейдем ли мы к бронзовому веку, мы найдем те же объединительные формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим – меч бронзового века и часто даже не произносим никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается, как нечто второстепенное. Если мы пойдем по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы все-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика – ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдаленных землях. Возрождение, ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику, как в русских иконах, так и итальянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Н.К.Рерих. Камень несущая (Держательница Мира). 1933 г.

Лишь бы не инволюция, как противоположность эволюции. Лишь бы Мейстерзингер и цеховой мастер, даже темного средневековья, не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стертыми формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя свое, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшею печатью. А что, если печать века, этот почетный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы не произошел тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось все характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта. Нам скажут: «Не будет ли самомнительно предрешать какие-либо печати века нашего? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее». Ответим на это: «Конечно, было бы несовместимым самомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо не может не

обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению». Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной градации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманным применением формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла кисть, и твердо следовал резец за творческою мыслью, полной желания сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также неслучайно, но в силу твердой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своем сжигала мелкие искры зла, которые как скользкие насекомые вторгаются в обиход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые, даже при всех прочих своих несовершенствах, сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что дает им почетное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остается почетным признаком устремления духа. Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандартизации, в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потребностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примиряться со всеми безличными формами обихода, делаемого лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти вещи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадется, и наши металлические сплавы, гордость дешевизны, даже и покрытые корою разлагающихся

наростов, все же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, что создатели их в гордости своей хотели делать вековым назиданием. Вовсе нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своем, как была приложена крайняя мера добросовестности. «Книги есть реки премудрости», «художество изображения есть высшее художество», «книга есть дар высокого духа», «мастер изделия превыше рыцаря меча». Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим «добрым изделием» и благородством устремления. Правда, масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности, куда же ушел этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется достаточным оправданием упомянуть о быстроте круговращения нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, где была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих массах. Они, как черная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею поразительностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготовлять доброкачественное масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготовлять их на десятки лет вперед, чтобы достижения химии действительно бы оправдывали прочность и устанавливали бы целесообразность применения необходимых составов. Но для этого прежде всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за все качество века. В этом не будет ни самомнения, ни гордости, но, наоборот, будет строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно, как внешнем, так и внутреннем. Наряду с установлением дня Культуры ‘должен быть установлен и «час качества». И как значителен будет этот час для выработки истинной печати века,

когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопроводит все их творческие устремления. Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть, как нельзя более осознано сотрудничество во имя блага и познания великой мощи мысли творящей.

По пути из варяг в греки

Плывут полунощные гости. Светлой полосой тянется пологий берег Финского залива. Вода точно напиталась синевой ясного, весеннего неба; ветер рябит по ней, сгоняя матово-лиловатые полосы и круги. Стайка чаек спустилась на волны, беспечно на них закачалась и лишь под самым килем передней ладьи сверкнула крыльями – всполошило их мирную жизнь что-то, мало знакомое, невиданное. Новая струя пробивается по стоячей воде, бежит она в вековую славянскую жизнь, пройдет через леса и болота, перекатится широким полем, подымет роды славянские – увидят они редких, незнакомых гостей, подивуются они на их строй боевой, на их заморский обычай.

Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким, стройным носом-драконом. Полосы красные, зеленые, желтые и синие наведены вдоль ладьи. У дракона пасть красная, горло синее, а грива и перья зеленые. На килевом бревне пустого места не видно – все резное: крестики, точки, кружки переплетаются в самый сложный узор. Другие части ладьи тоже резьбой изукрашены; с любовью отделаны все мелочи, изумляешься им теперь в музеях и, тщетно стараясь оторваться от теперешней практической жизни, робко пробуешь воспроизвести их – в большинстве случаев совершенно неудачно, потому что, полные кичливого, холодного изучения, мы не даем себе труда постичь дух современной этим предметам искусства эпохи, полюбить ее – славную, полную дикого простора и воли. Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем. Паруса своей пестротою наводят страх на врагов; на верхней белой кайме нашиты красные круга и разводы; сам парус редко одноцветен – чаще он полосатый: полосы на нем или вдоль, или поперек, как придется. Середина ладьи покрыта тоже полосатым наметом, накинут он на мачты, которые держатся перекрещенными брусьями, изрезанными красивым узором, – дождь ли, жара ли, гребцам свободно сидеть под наметом. На мореходной ладье народу довольно – человек 70; по борту сидит до 30 гребцов. У рулевого весла стоят кто посановитей, поважней, сам конунг там стоит. Конунга можно сразу отличить от других: и турьи рога на шлеме у него повыше, и бронзовый кабанчик, прикрепленный к гребню на макушке, отделкой получше. Кольчуга конунга видала виды, заржавела она от дождей и от соленой воды, блестят на ней только золотая пряжка-фибула под воротом да толстый браслет на руке. Ручка у топора тоже богаче, чем у прочих дружинников, –

мореный дуб обвит серебряной пластинкой; на боку большой загнувшийся рог для питья. Ветер играет красным с проседью усом, кустистые брови насупились над загорелым, бронзовым носом; поперек щеки прошел давний шрам.

Стихнет ветер – дружно подымутся весла; как одномерно бьют они по воде, несут ладьи по Неве, по Волхову, Ильменю, Ловати, Днепру – в самый Царьград; идут варяги на торг или на службу. Нева величава и могуча, но исторического настроения в ней куда меньше по сравнению с Волховом. На Неве берега позастроились почти непрерывными, неуклюжими деревушками, затянулись теперь кирпичными и лесопильными заводами, так что слишком трудно перенестись в далекую старину. Немыслимо представить расписные ладьи варяжские, звон мечей, блеск щитов, когда перед вами на берегу торчит какая-нибудь самодовольная дачка, ну точь-в-точь – пошленькая слобожанка, восхищенная своею красотою; когда на солнышке сияют бессмысленные разноцветные шары, исполняющие немаловажное назначение»– украсить природу; рдеют охряные фронтоны с какими-то неправдоподобными столбиками и карнизами, претендующими на изящество и стиль, а между тем любой серый сруб – много художественнее их. За всю дорогу от Петербурга до Шлиссельбурга выдается лишь одно характерное место – старинное потемкинское именье Островки. Мысок, заросший понурыми, серьезными пихтами, очень хорош; замкоподобная усадьба вполне гармонирует с окружающим пейзажем. Уже ближе к Шлиссельбургу Нева на короткое время как бы выходит из своего цивилизованного состояния и развертывается в привольную северную реку, – серую, спокойную, в широком размахе, обрамленную темной полосой леса. Впрочем, это мимолетное настроение сейчас же разбивается с приближением к Шлиссельбургу. Какой это печальный город! Какая заскорузлая провинция, – даже названия улиц и те еще не прививаются среди обывателей.

Левее города, за крепостью, бурой полосой потянулось Ладожское озеро. На рейде заснуло несколько судов. Все как-то неприветливо и холодно, так что с удовольствием перебираешься на громоздкую машину, что повезет по каналу до новой Ладоги. Накрененная набок, плоскодонная, какой-то овальной формы, с укороченной трубой, она производит впечатление скорей самовара, чем пассажирского парохода, но все ее странные особенности имеют свое назначение. Главное украшение парохода – труба – срезана, потому что через пароход часто

приходится перекидывать бечевы барж, идущих по каналу на четырех лохматых лошаденках; глубина канала заставляет отказаться от киля и винта; тенденция к одному боку является вследствие расположения угольных ящиков, а почему их нельзя было распределить равномернее – этого мне не могла объяснить пароходная прислуга. Затрясся, задрожал пароход, казалось, еще больше накренился набок, и мы тронулись по каналу, параллельно Ладожскому озеру, с быстротою б верст в час. Случайный собеседник, знакомый с местными порядками, успокаивает, – что, вероятно, придем вовремя, если не сцепимся со встречной) баркою или не сядем на мель, – и то и другое бывает нередко. Через вал канала то и дело выглядывает горизонт Ладожского озера. Среди местных поверий об озере ясно сказывается влияние старины: озеро карает за преступления.

Подобные рассказы сводятся к следующему типу. Позарился мужичок на чужие деньги, убил своего спутника во время пути в Ладогу по льду и столкнул труп на лед. Сам поехал дальше и заснул. Просыпается – уже ночь; поднялся ветер, снег дочиста сдуло со льда; понесло мужика вместе с лошадью прочь с дороги неведомо куда. Увидал мужик, что дело плохо, потому что при сильном ветре бог весть как далеко занести может и, чего доброго в полынью попадешь; отпряг он лошадь, вывернул оглобли, заострил концы и пошел по знакомым приметам: пускай и лошадь, и санки, и все пропадает, лишь бы самому от смерти уйти. Крепчает ветер, слепит вьюгой глаза, затупились колья, не цепляются они больше за лед, и мужика понесло по ветру. Среди снежного моря зачернелось что-то, ближе и ближе – прямо на чернизину летит мужик. Смотрит, перед ним убитый товарищ; хочет свернуть в сторону – не слушаются ноги, зацепляют за труп, подламывается лед, и убийца вместе с убитым тонут в озеро. Интересный осколок Новгородских былин! Последняя картинка этого эпизода, когда роковым образом встречается убийца со своею жертвою, – очень художественна.

По правую сторону парохода низкая болотная местность, среди нее где-то, по словам местного пассажира, притаилась богатая раскольничья деревня, пробраться в которую можно лишь в удобное зимнее время. Небось в таком уголке сохранилось немало интересного: и песни, и поверья, и окруты старинные – делается обидно, почему теперь не зима. Мимо тянутся баржи, носы часто разукрашены хитрыми резными коньками, невольно напрашивающимися на параллель с байекским ковром. С одной грузной беляной стряслась беда – затонула, широко расплылись массы дров. На берегу примостился ее экипаж, выстроили

шалашик, развели огонь, варят рыбку, мирно и спокойно, словно и зимовать здесь собрались.

Серый, однообразный пейзаж тянется вплоть до самой Новой Ладоги. Сравнительно поздно возникшая, она, конечно, не может дать ни художественного, ни исторического материала; за ней впереди чуется что-то более значительное: в 12 верстах от нее историческое гнездо – Старая Ладога. Скучно дожидаться волховского парохода: торопясь, на почтовых, скачешь туда по прекрасной шоссированной дороге. Слева местами выглядывает Волхов – берега песчаные, заросли сосной и вереском. Потом дорога возьмет правее и пойдет почти вплоть до самой Старой Ладоги по обычному пологому пейзажу, с лесом на горизонте. Из-за бугра выглянули три кургана – волховские сопки. Большая из них уже раскопана, но со стороны она все же кажется очень высокой. Выбираемся на бугор – и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды – типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке – серые и желтоватые остовы посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды, что-то белеет, а за всем этим густо-зеленый бор – все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение. Когда вас охватывает настроение, словно при встрече с почтенным старцем, невольно замедляете походку, голос становится тише, и вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана.

Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так те сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку… Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладогу. Что-то не припоминается в живописи ладожских мотивов, а между тем сколько прекрасного и типичного можно вывезти из этого забытого уголка – осколка старины, случайно

сохранившегося среди окрестного мусора, и как легко и удобно это сделать. (Совершить такую поездку, как видно из приведенных подробностей пути, чрезвычайно просто.)

Мне приходилось встречать художников, пеняющих на судьбу, не посылающую им мотивов.

«Все переписано, – богохульствуют они, – справа ли, слева ли поставлю березку или речку, все выходит старо. Вам, историческим живописцам, хорошо, – у вас угол непочатый, а нам-то каково, современным, и особенно пейзажистам».

Вот бедные! Они не замечают, что кругом все ново бесконечно, только сами-то они, вопреки природе, норовят быть старыми и хотят видеть во всем новом старый шаблон и тем приучают к нему массу публики, извращая непосредственный вкус ее. Точно можно сразу перебрать неисчислимые настроения, разлитые в природе, точно субъективность людей ограничена? Говорят, будто нечего писать, а превосходные мотивы, доступные даже для копииста и протоколиста, остаются втуне, лежат под самым боком нетронутыми. Да что говорить о скудных художниках, которым не найти мотива, я почти уверен, что даже поэту пейзажа будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались узорчатые, причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Ст. Ладоге и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь – все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только обернуться – и перед вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые, переплетшиеся ветки сохнущих высоких деревьев, с черными шапками грачовых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далекие сопки, фон – огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными темными пятнами выдвигающая бесконечный ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, – то послушницы идут за водою.

Ладожские церкви, такие типичные но внешнему виду, как и большинство церквей Новгородской области, внутри представляют мало интересного. Живопись нова и неудачна, древней утвари не сохранилось. Исключение представляет церковь в крепости – в ней уцелела древнейшая фресковая живопись. Подле каменной церкви приютилась тоже старинная,

крохотная, серая деревянная церковочка – тип церкви какого-нибудь далекого скита. Вся она перекосилась, главка упала, и крест прямо воткнут в уцелевший барабан ее. Интересное крылечко провалилось, дверка вросла в землю. Церковка обречена на паденье. Подле крепости указывают еще на два церковных фундамента, открытых г. Бранденбургом, исследовавшим местные древности. Раскопка Ладоги еще впереди. Пишем этюды. Как обыкновенно бывает, лучшие места оказываются застроенными и загороженными. Перед хорошим видом на крепостную стену торчит какой-то несуразный сарай; лучший ракурс Ивановской церкви портится избой сторожа.

Н.К.Рерих. Весна священная. 1945 г.

Вечная история! Теперь хотя сами-то памятники начинают охраняться – на постройки или на починку дорог остерегаются их вывозить, и то, конечно, только в силу приказания, а настанет ли время, когда и у нас выдвинется на сцену неприкосновенность целых исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным, не только в силу строительных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства. Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с этою, никому не нужною, смешною целью? – думается, такое время все-таки да будет.

На прощанье взбираемся к вершине кургана и фантазируем сцену тризны. Невдалеке от реки возвышается какой-то «холм», поросший вереском.

– А ведь там, смотри, на бугре когда-нибудь жило, стояло: может быть, городок был, – указывает на холм мой товарищ и затягивает: «Купался бобер».

Видно, и на него повеяло древним язычеством. От Старой Ладоги до Дубовика характер берегов и течение реки не изменяются. Берега высокие, на самом откосе торчат курганы. Много портят пейзан? прибрежные плитоломни. Что-то выйдет из Волховских берегов, если подобная работа и впредь будет производиться так же ревностно? За поворотом исчезли последние признаки Старой Ладоги, и мы радуемся этому, потому что увозим от нее самые приятные воспоминания, пропустив мимо всю ее неприглядную обыденную жизнь, сосредоточившуюся, как заметно уже на второй день пребывания, лишь на прибытии парохода с низа или с верха. Пароход дальше Дубовика нейдет – тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром, с выбитыми дном и крышкою. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва, так что невольно мы начинали соображать, что, если на какой-нибудь промоине нас выкинет из дилижанса, упадем ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел. Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды все же торчали кое-где камни; подле них белела иена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила точения в порогах громадна: в половодье груженая баржа проходит несколько десятков верст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке – таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъеме. Вода бурлит, скрипят борты… Какая богатая картина! Название Гостинополь заставляет задуматься – в нем слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополь же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово «дубовик» напрашивается на производство от дуб-лодка), а в Гостинополе сохранялись лодки меньшего размера – резные. Впрочем, становиться на точку таких предположений опасно. В Гостинополе погрузились па пароход, что повезет нас до Волховской станции Николаевской дороги, – там опять пересадка. На палубе парохода целое стадо телят, лежат они

связанные, жалобно мыча, – иных пассажиров не видно, но удивляться этому нечего, ибо поездки по Руси ведь совсем не приняты, да к тому же нельзя сказать, чтобы и сообщение было хорошо приспособлено; так мы приехали в Гостинополь в 8-м часу вечера, а пароход отходил в 3,5 часа утра. Почему не в 5 или не в 4 – неизвестно. Впрочем, отхода его мы не дождались, ибо к тому времени уже спали крепким сном. Проснувшись заутро, товарищ выглянул в окошко:

– Ну, что там? красиво? – Тундра какая-то! Болото и топь. Часа через два я выглянул – опять низкое место, которое потянулось вплоть до станции Волхов. Знаменитое аракчеевское Грузино – нечто очень печальное, суровое, опустившееся, ничего общего не имеющее с тою великолепною декорацией, какою нам представляют его современные гравюры. На Волховской станции нас усердно уговаривали продолжать путь по железной дороге и, наконец, посмотрели с сожалением, как на людей, действующих к явной своей невыгоде; для продолжения водного пути пришлось сидеть на станции от 11 часов утра до 5 утра же, тогда как поезд проходил через полчаса. Оставалось спать и спать, потому что в сером пейзаже, состоявшем из затопленных деревень, было мало интересного и красивого.

– Гуся, что ли, нарисовать на память о великом водном пути, – предложил я, и мы смеялись, вспомнив, как один художник объяснял цель и смысл художественных поездок: «…а то другой едет за тысячи верст и там коровой занимается или курицей самой обыкновенной, точно он дома не мог бы то же самое сделать с большим успехом и удобством», – говорил он.

Путь от Волховской станции до самого Новгорода ничем особенным не радует. Аракчеевские казармы, бесконечные пашни – все это благоустроено, но ординарно. Перед Новгородом несколько монастырей самого обыденного вида. Единственно красивое место за весь этот кусок пути – так называемые Горбы с остатками славного соснового бора, сильного и ровного, как щетка. Чем ближе двигались мы к Новугороду (местный житель никогда не скажет Новгороду, а подчеркнет Нову городу), тем сильней и сильней овладевало нами какое-то разочарование. Разочаровал нас вид Кремля, разочаровали встречные типы, разочаровало общее полное безучастие к историчности этого места. Что подумает иностранец, когда мы, свои люди, усумиились: да полно, господин ли это великий Новгород?

На мосту стояла старица,
На мосту чрез синий Волхов… —

вспомнил мой спутник, когда мы входили па мост, направляясь в Кремль. Но вместо старицы на мосту стоял отвратительного вида босяк с кровавой шишкой под глазом. Навстречу попалось несколько мужиков – истые «худые мужички-вечники», за кого кричать, за что – все равно, лишь бы поднесли.

Софийский собор в лесах; там идет, как известно, капитальный ремонт. Уже давно было слышно, что, по какому-то странному стечению обстоятельств, важная задача расписать этот славнейший и древнейший русский собор миновала руки художников и выпала на долю артели богомазов. На расстоянии как-то все смягчается, многое важное ускользает от внимания в заглазных рассказах, пока не увидишь воочию. Я думаю, и вы, кому приведется читать эти строки, не обратите на них никакого внимания; кругом все тихо и смирно, какое кому дело, что где-то в отжившем городе совершается нечто странное? А между тем это «нечто странное», если вдуматься, оказывается чрезвычайно знаменательным. На рубеже 20-го века, при возрастающем общем интересе к отечественным древностям, при новых путях религиозной живописи, один из лучших русских памятников старины расписывается иконописцами-богомазами, и притом – как расписывается! Жутко делается, когда лазишь по внутренним лесам храма мимо этих богомазных изображений – глубоко бездарных, сухих, пригодных разве в захолустную церковь сверхштатного городишки, а никак не уместных при соседстве с памятником тысячелетия Руси. Еще обиднее и гаже становится, когда осмотришь внизу превосходную древнюю фреску Константина и Елены и купольные изображения пророков и архангелов, наводящие на мысль: какой высоконациональный храм мог бы получиться из Софии под мастерскою кистью при таких основных базисах, каковы сохранившиеся остатки древних фресок; как стильно и художественно можно бы было заживить остальные стены! Какой богатый материал, какая возможность поддержать славный памятник с расцветом его, быть может, оживить целый город! – но вдруг все умышленно попирается, производится небольшая экономия…, а что впереди? – там хоть потоп. Если не хватает средств, то отчего попросту не заштукатурить стены, оставив лишь остатки древней росписи? Или уже покрыть и старую живопись богомазными изделиями, не заказывать г. Фролову удачные подражания древних мозаик, убрать сохранившиеся, чтобы и сравнения не было, как оно могло быть и как есть на самом деле, – по крайности, не было бы полумер. Если изгонять художественность и национальность, то уж гнать их основательно, по всем пунктам, без пощады. Мне кто-то хотел объяснить, как это печальное событие произошло,

говоря, что много было всяких мелких обстоятельств; но, полагаю, для истории будет знаменательно, выясняя развитие русского искусства в конце 19-го века, отметить крупный факт росписи первейшей русской святыни артелью богомазов, без участия пригоднейших к этому делу даровитых художников. Какое отрадное сведение, в особенности для всех причастных к современному искусству! – и перед собою-то стыдно, еще стыднее перед иностранцами, когда они скажут, на этот раз вполне заслуженно: уж эти варвары!

Джон Рескин, услыхав о таком деле, наверное бы писал о нем в траурной рамке.

Новгородская косность простирается до такого предела, что из 10 встречных лишь один мог указать, как пройти к Спасу, что на Нередице, – к древности, которая должна бы быть известна каждому мальчишке, да и была бы известна в европейском городе. Не велик городской музей

Новгородский, содержание его больше случайное, а местонахождение не совсем удачно, ибо для него пришлось погубить одну из кремлевских башен; но это не беда, если бы музей хоть сколько-нибудь интересовал обитателей, а то посетители его почти исключительно приезжие, тогда как среди местных жителей находятся некоторые, вовсе и не подозревающие о существовании городского музея или знакомые с ним лишь понаслышке. Интересен Знаменский собор, хотя особою древностью он не отличается. Сени и внешняя галерея его, видимо, первоначально были открытые, на арках с грушами, – теперь они заложены, и довольно неблагополучно: напр., внутри сеней новая кладка расписана «под мрамор» малярами, тогда как остальное пространство сплошь покрыто живописью. Можно представить, насколько выиграет общий характер собора, если восстановить эти типичные арки, само же восстановление не должно обойтись слишком дорого. Наиболее цельное впечатление из всех новгородских древностей производит церковь Спаса на Нередице. Не буду касаться исторических и иных подробностей этой интересной церкви, сохранившей в сравнительной цельности настенное письмо, – такие подробности можно найти в трудах Макария (опис. Новгор. церк. древн., I, 798), Прохорова, Н.В.Покровского и в имеющем выйти в ближайшем будущем VI выпуске «Русских Древностей», изд. гр. И.И. Толстым и академиком Н.П. Кондаковым. Основанная в 1197 году князем Ярославом Владимировичем, Спасская церковь по древности, а главное, по сохранности, является памятником исключительным и надо желать, чтобы как

можно скорее она была издана полным и достойным для нее образом. С софийской стороны, из Воскресенской слободы (в которой тоже типичные и древние храмы: Фомы апостола и Иоанна Милостивого), мы перерезали Волхов, бесконечный в своем разливе, направляясь к Нередице. Дело шло к вечеру, солнце било желтым лучом в белые стены Спаса, одиноко торчащего на бугре, – пониже его лепится несколько избушек и торчат ивы, кругом же ровный горизонт. Такие одиночные, среди пустой равнины, церкви очень типичны для новгородского пейзажа: то там, то тут, при каждом новом повороте, белеют они. Проехали мы Лядский бугор, где в былое время стоял монастырь, само же название урочища будто бы производится от божества Ладо.

На горизонте Ильмени выстроился ряд парусов – они стройно удалялись. Чудно и страшно было сознавать, что по этим же самым местам плавали ладьи варяжские, Садко богатого гостя вольные струги, проплывала Новугородская рать на роковую Шелонскую битву… Ракурс Спаса с берега, пожалуй, еще красивей, нежели его дальний вид. Колокольня несколько позднейшей постройки, но зато сам корабль очень строен и характерен. Живопись, сплошь покрывающая стены и теряющаяся во мраке купола, полна гармонии, ласкает глаз на редкость приятным сочетанием тонов, облагороженных печатью времени. Надо торопиться полно и достойно издать этот памятник – он уже требует серьезного ремонта, для которого, как говорят, не хватает средств. На первые нужды необходимо хоть 5000 рублей – неужели сейчас же не найдется любителя старины, располагающего такой суммой? Есть много богатых людей, не жалеющих своих достатков на добрые дела; ремонт Спаса ведь тоже доброе дело, да еще какое! Возвращаясь к дому с Шелони, я дожидался поезда в Шимске. Среди многочисленных вокзальных объявлений бросался в глаза изящный плакат Дрезденской художественной выставки, и невольно думалось: что Шимску искусство? да и будет ли когда оно для Шимска не пустым далеким звуком?

1900 г.

Гримр-викинг

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и серою пылью. Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди. Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга. Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

– Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга! Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали наперерыв говорить:

– Гримр, – так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, – разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гаральд и говорил, а рукою грозил:

– Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобою строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

– Гримр! В битве у Полунощной Горы кто держал щит над тобою? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

– Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе! Вспомни о друге!

– Гримр! Кто не поверил, когда враги на тебя клеветали? Вспомни! Вспомни!

– Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал: – Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и вообще, их па земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битвы с датчанами, когда у Лебединого мыса мы потопили сто датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1901 г.

У меня не было друзей в счастье. Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту.

Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей. Ингерду, дочь Минга, все называли самого лучшею девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женою привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья. В Гуле на вече один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей. Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго.

Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидать такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой – здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне, ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

1899 г.

Иконный терем

I

На Москве в государевом Иконном тереме творится прехитрое и прекрасное дело. Творится в тереме живописное дело не зря, как-нибудь, а по уставу, по крепкому указу, ведомому самому великому государю царю и государю патриарху. Работаются в тереме планы городов, листы печатные, исполняются нужды денежного двора, расписываются болванцы, трубы, печи, составляют расчеты, но главная работа – честное иконописное дело; ведется оно по разному старинному чину. Всякие иконные обычаи повелись издавна, со времен царя Ивана Васильевича, со Стоглавого собора и много древнее еще от уставов афонских. По заведенному порядку создается икона. Первую и главную основу ее положит знаменщик и назнаменит на липовой или на дубовой доске рисунок. По нему лицевщик напишет лик, а долицевшик – доличное все остальное: ризы и прочие одеяния. Завершит работу мастер травного дела, и припишет он вокруг святых угодников небо, горы, пещеры, деревья; в проскребку наведет он золотые звезды на небо или лучи. Златописцы добрым сусальным золотом обведут венчики и поле иконы. Меньшие мастера: левкащики и терщики готовят левкас, иначе говоря, гипс на клею для покрытия иконной холстины, мочат клей, трут краски и опять же делают все это со многими тайнами, а тайные те наказы старых людей свято хранятся в роде и только сыну расскажет старик, как по-своему сделать левкас или творить золото, не то даст и грамоту о том деле, но грамота писана какой-нибудь мудреной тарабарщиной.

Подначальные люди готовят доски иконные, выклеивают их, выглаживают хвощом; немало всякого дела в Иконном тереме и меньшему мастеру терщику, немало и дьяку, и окольничему, правящему теремное приказное дело.

Шибко идет работа в тереме. А идет шибко работа за то, что великий царь всея Руси Алексей Михайлович подарил иконников окружною грамотою, сам бывал в тереме и часто жалует тщаливых мастеров своею царскою брагою да романеею, платьем знатным и всякою прочею милостию. Но не только 8а царскую ласку идет живописное дело с прилежным старанием, а и потому, что дело это свято, угодно оно Богу, прияло честь от самого Христа Господа «аще изволих лицо свое на убрусе Авгарю царю без писания начертати», почтеся оно и от святых апостолов, и работают живописное дело люди всегда по любви, не по наказу и принуждению. Утром, на восходе красного солнышка, от Китай-

города из Иконной улицы, где живет много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлевских и берутся за дело. Надевают замазанные в красках да в клею передники, лоб обвяжут ременным либо пеньковым венчиком, чтобы не лезли в глаза масляные пряди волос, и творят на ногтях или на доске краски. Кто работает молча, насупясь, кто уныло тянет стихиры, подходящие под смысл изображения, иной же за работой гуторит, перекидывается ласковым либо спорным словом с товарищем, но письмо от таких разговоров порухи не терпит, ибо знает свое дело рука; если же приходится сделать тонкую черту или ографить рисунок прилежно, то не только спор замолкает» а и голова помогает локтю и плечу вести линию, сам язык старательствует по губам в том же направлении. Не божественные только разговоры, а мирские речи ведут иконники и шутки шутят, но шутки хорошие, без скверного слова, без хулы на имя Господне и честное художество. Собрались в терем разные мастера – и жалованные, и кормовые, и городовые всех трех статей; на статьи делятся по своему художеству: иконники первой статьи получат по гривне, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денег, а третьестепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кроме денег иконникам идет и вино дворянское, и брага, и мед цеженый, а с кормового да с хлебного двора яства и пироги. Некоторые именитые изографы: Симон Ушаков, Богдан Салтанов и другие прошли не в терем, а в приказную избу оружейной палаты – там они будут свидетельствовать писание новоприбывшего из Вологды молодого иконника и скажут про него изографы: навычен ли он писать иконное воображение добрым, самым лучшим письмом, а коли не навычен, то дьяк объявит неудалому мастеру, что по указу великого государя он с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему на Вологде по-прежнему.

II

Промеж работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец, самодовольно оглядывает мастеров и твердит место грамоты – видно, крепко оно ему полюбилось:

– «…Тако в нашей царской православной державе икон святых писателие тщаливии и честнии, яко истинние церковницы церковнаго благолепия художницы да почтутся, всем прочим председаиие художникам да восприимут и кисть различноцветно употреблена тростию или пером писателем да предравенствуют». Не всякого человека почтит великий государь таково ласковым словом!

– Да так и во вся времена было. Еще Стоглав велит почитать живописателей «паче простых человек».

– А что такое паче? Коли перед простым человеком шапку ломаешь, то перед иконником надо две сломать?

– И кто есть простой человек? Я скажу, что сам боярин при живописателе человек простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной.

– Коли не твоего разума дело – не суесловь: всякому ведомо, что есть почитание иконописцев, честных мастеров. Почитаются они и отцами духовными, и воеводами, и боярами, и всеми людьми, – вступился старик, – и похваляется тем, что сам антиохийский патриарх Макарий челом бил государю на присылке икон, вот-де каково русское иконописание, а того не вспомнил старый, что патриарху иначе и негде было бы удобнее докучиться об иконах. Впрочем, это рукоделию московских изографов – не в укор сказано.

Говорят и дивуются мастера, как выходец шаховой земли изограф Богдан Салтанов поверстан по московскому дворянскому списку; такому делу, чтобы иконник верстался в дворяне – еще не бывало примера. О Салтанове голоса разделились: одни подумали, что пожалован он за доброе художество, другие подумали, что за принятие православной веры. От шахового выходца Салтанова заговорили и о прочих всяких иноземцах; вспомнили, как непочтительно отнеслись некоторые из иноземцев к благословению патриарха и как за то патриарх разгневался и приказал им по одеже быть отличными от русских людей, Одни не прочь и за иноземцев, а другие на них – зачем-де часто великий государь жалует заморских мастеров лучше, чем своих, а по художеству и свои, часом, но хуже взбодрят.

– Вон, поди, Лопуцкого мастера хвалили, нахвалили, а он

того доучил, что сами ученики его челобитье подали, как мастер их живописному мастерству не учил. И была то не выдумка, а правда, после чего поотнимали у него учеников и отдали Даниле Вухтерсу. Особенно нападает на заморских мастеров длинный иконник, с ременным венчиком на прямых льняных волосах; по его речи выходит, что нечего иноземцам потворствовать, коли своим жалованья не хватает, и указывает он на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленного за скорбь и старость, и как скитался он сам-четверть с женишкою и с робятишки между двор, где день, где ночь, и наги, и босы, о чем и челобитье писал Соловей государю и просился хоть в монастырь поступить.

Фрагмент письма. Н.К. Рериха с рисунком. 1897 г.

Но длинному возражают, на память приводят, как государь и патриарх входят даже в самые мелкие нужды иконников, коли до них дело доходит:

– Так-таки и отписал патриарх: Артем побил мужика Панку, от воров боронясь, хотя бы и больше перерезал, от них боронясь, все же малая его вина.

– Что говорить, грех государю, коли об иноземцах паче своих

брежение имеет, и свои государеву пользу блюдут накрепко: Ушаков, как отрезал, боярам сказал, что грановитые палаты вновь писать самым добрым письмом прежнего лучше или против прежнего в такое время малое некогда: приходит время студеное, и стенное письмо будет не крепко и не вечно. И ведь все думали, что переписывать осенью станут, а как Симон ототрезал, так и отложили.

III

Двери иконного терема висят на тяжелых кованых петлях, лапка петель длинная, идет она во всю ширину двери, прорезная узором. Заскрипели петли – отворилася дверь, пропустила в терем старых изографов и с ними боярина и дьяка. Пришли те именитые люди с испытания. Сего ради дела изографы разоделись в дорогую, жалованную одежу: однорядки с серебряными пуговицами, ферези камчатные с золототканными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зуфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые – так знатно разоделись изографы, так расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь от боярина. На испытание вологжании, крестьянский сын Сергушко Рожков, написал вновь иконного своего художества воображение, на одной дцке образ Всемилостивого Спаса, Пречистый Богородицы и Иоанна Предтечи. И, по свидетельству московских изографов Симона Ушакова с товарищи, Сергушко оказался мастер добрый. Иконники окружают нового товарища, спрашивают, кто у него поручники, потому за новопринятого должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться в том, что если Сергушко у государевых иконописных дел быть не учнет или сбежит или забражничает, и на поручиках пеня Государя Царя; расспрашивают, откуда Сергушко родом; каково теперешнее художество на Вологде, как живут мастера вологодские, и слушают Сергушкины сказки.

Сергушко сказывает, что Матвей Гурьев – иконник обманом ушел из Знаменского монастыря с Вологды и живет на Тотме, Агей Автомаков да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, а которые иконники сверх того есть и те у государева иконного и у стенного и не у какого письма не бывают, потому что стары и увечны и писать никакого письма не видят и разошлися в мир для ради недороды хлебные кормиться Христовым именем, ибо люди они старые, и увечные, и скудные, и должные. Слушают иконники невеселые вологодские сказки, глядя! на старый кафтан Сергушкин; неуместен такой кафтан в светлом тереме, смешны заплаты при золототканых окрутах. Помялись, потупились и опять расспрашивают Сергушку, каким письмом пишут иконы по вологодским селам и заглушным местам, не пишут ли там иконы с небрежением, лишь бы променять темным поселянам невеждам? Хранят ли древние переводы? Об этом-де дал государь грозную грамоту, когда дошла до него весть о неискусных живописцах Холуйских. С окольничьим разговаривает только что вошедший в терем

заморский мастер цесарской земли Данило Вухтерс; подошел он к боярину с низкими поклонами, хитро, выгибая тонко обутые ноги, и говорит (толмач переводит), а смысл его речи такой, что только, мол, ради пресветлой неизреченной милости царя и многомилостивого и похвального жалованья решился он на трудную поездку в Московию; улаживается Вухтерс с боярином, сколько он будет получать жалованья; порешили: будет получать Вухтерс денег 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круп грешневых четверть, гороху две чети, солоду 10 четей, овса 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 ведер. Поскулил Вухтерс набавить 5 белужек, да 5 осетров – набавили и напишут поручную – будет Вухтерс учить русских мастеров писать мастерством самым мудрым.

Отошел боярин от Вухтерса и теперь решает с дьяком и с жалованными мастерами: откуда способнее вызвать иконников на время росписи Успенского собора, ибо для этой работы не хватит теремных и городовых мастеров московских. Степенно приказывает боярин дьяку:

«Изготовь, Артамон, грамоту во Псков, чтобы сыскали по росписи и сверх росписи иконописцев всех, что ни есть: и посадских людей, ж боярских, ж княжеских, и монастырских, и торговых, и всяких людей, у кого ни буди, только чтобы стенному церковному письму прорухи не было». Сыскать и вызвать мастеров надо неспроста, надо на-1 блюсти строгую очередь, иначе будут жалобы, что-де иным иконописцам в дальних волокитах чинятся многие убытки и разоренье, а других вовсе к стенному письму не емлют. Хорошим мастерам везде дело есть; добрыми мастерами всякий дорожит; с великим нехотеньем отпускают их в ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника и воеводы и даже духовные люди – игумены и архиереи – идут на обман, готовы сообщить в государев терем облыжные сведения, нужды нет, что их уличат в бездельной корысти, и шлют к ним самопальных с грозными указами, а святые отцы и государевы слуги все же покажут добрых мастеров в безвестном отсутствии и укроют их в монастырских кельях – уж такая всюду необходимость в истинствующих иконниках.

IV

– Смилуйся, пресветлый боярин, не дай вконец разориться! – пробирается к боярину ободранный мужичонко и, дойдя, кланяется земно.

– Докучаюсь тебе, боярин, о сынишке моем, иконной дружины ученике. Смилуйся, отец, на парнишку! Вконец изведет его мастер корысти ради, и грозы нет на него, потому и сбежать от него невозможно – больно велика пеня показана. Вот и список с поручной.

Дьяк принимает поручную; молча просматривает ее, сквозь зубы процеживает: «дожив своих реченых лет не сбежать и не покрасть», – и вполголоса читает боярину:

– «…а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня пократчи сбежит, взяти мне в том Ларионе по записи за ряду двадцать рублей». Да, пеня немалая проставлена, уж пятнадцать рублей и то большая пеня, а двадцать и того несообразнее. А дело-то в чем? – расспрашивает дьяк, недовольный, что судбище будет при всех, при боярине, и не придется ему, дьяку, распорядиться с челобитчиком, по-своему, по-приказному, и не будет ему, дьяку, никакой пользы.

– Бью челом на мастера иконного Терентия Агафонова, – зачастил мужичонка, – что взял парнишку моего в учение, и тому пошел без малого год третий, а живописному письму не учил, только выучил по дереву и по полотнам золотить. И ученье мастера этого негоже; учит он не в ученика пользу, а в свою; промеры телесные дает неверные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не учил. А что парнишко напишет добрым письмом по своему разумению, и то мастер альбо похуляет, альбо показует работою ученика иного, своего племянника, и моему парнишке ни пользы, ни чести не выходит. И на том смилуйся, боярин, и пожалуй взять мне парнишку моего Ларивонку домой без пени! – кланяется мужичонка, а позади его выдвигается тощий человечек в темной однорядке и, заложив руку за пазуху, кашлянув, переминаясь, начинает:

– И в учении Стоглавого собора в главе 43 сказано есть: аще кому не даст Бог такового рукоделия, учнет писати худо или не по правильному завещанию жити; а мастер укажет его горазда и во всем достойна суща и показует написание инаго, а не того и святитель, обыскав, полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и прочий страх приимут и не дерзают таковая творити. Сказано есть во Стоглаве, а посему повинен мастер Агафонов, что дружит ко своему племяннику и тем неправое

брежение к Государеву делу имеет. Племяннику его не открыл Бог рукоделия, и коли Агафонов своею нелепою хитростью устроит племянника своего в Тереме, и на том царскому делу поруха…

– А ты что за человек? – перебивает его дьяк. – Он, значит, свояк мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Ен, парнишко-то, добрый, да вот неудача в мастере вышла, прости, Создатель! А что Агафонов на племяннике на своем душою кривит, – это точно, и племянник – от его живет бездельно, беспутно щапствует, а парнишко мой за него виноват.

– Челобитье твое большое и хитрое, – нахмуривается боярин (и нахмуривается не тому, чтобы жалел царское дело, а тому, что не скоро придется ему уйти из терема домой). – На народе негоже судиться, идите в Приказную избу; туда позвать и Терентия; он где работает? здесь? – распорядился боярин.

– Терентий не в тереме сейчас пишет, а в пещерах от Красного крыльца.

– Посылайте за ним; пусть не мешкает, бросает работу и бегом идет в Приказ, – уходит боярин, с ним дьяк и челобитчики.

– Иконники притихли; знают, что над товарищем стряслося недоброе, но знают и то, что недоброе это заслужено, хотя не только Терентию, а и некоторым иным мастерам грозит та же гроза за дружество и милость к своим родным.

– Да, – решает Симон Ушаков, – а все знают, что Симон зря слова не скажет, – все то корысть, все то щапство, а любви к делу не видно. Продает Терентий хитрость свою живописную, богоданную, только о себе думает: и поделом ему, коли наложат на него прещение и будет он сидеть без работы. Не завидуй, веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаром не любили молодые Терентия!

Молчат иконники; многие понурили головы, глядят на работу, не поднимают глаз. Думается им: «хорошо говорить Симону, не все такие, как он», а в душе они уже не любят Ушакова, зачем он знатен в художестве, зачем все слушают его, зачем он говорит правдивое слово. Но, слава Богу, думают так не все, и больше половины искренно кивают головою Симону на добром слове его. Такими мастерами, как Симон, и держится живописное дело. Теперь не так скоро опять загудит говор, не так скоро усмехнется кто-нибудь. В полдень отобедают, отпоужинают, а там и до конца работы недолго.

В углу старый иконник – борода крупными куделями упала на грудь, нос сухой с горбинкой, глаза глубоко запали в орбитах, – протяжно ударяя на «о», поучает молодого:

– …дали ему святую воду и святыя мощи, чтобы, смешав

святую воду и святыя мощи с красками, написал святую и освященную икону. И он писал сию святую икону и только по субботам да воскресеньям приобщался пищи, и с великим радением и бдением в тишине великой совершил ее…

«Что-то Оленка?» – мелькает о человеческом у молодого, а изограф уже угадывает его мысли, еще строже впивается в него своими стальными глазами и твердит внушительно:

– Снаси Бог нынешних мастеров! Многие от них пишут таковых же святых угодников, как и они сами: толстобрюхих, толсторожих, и руки и ноги яко стульцы у кажного. И сами живут не истинно, не памятуют, да подобает живописцу быть смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и пачежь хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением. А не можешь тако пробыти до конца, то женись по закону и браком сочетайся и приходи ко отцем духовным и во всем извещайся, и по их наказанию подобает жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякого зазора и с превеликим тщанием пиши образ Господа; да мятутся люди страстями телесными, ты же, духовно ревнуя ко славе честнаго художества, подвизайся кистию и словом добрым. Не всякому дает Бог писати по образу и подобию и кому не дает – им в конец от таковаго дела престати, да не Божие имя таковаго письма похуляется. И аще учнуть глаголати: «мы тем живем и питаемся», и таковому их речению не внимати. Не всем человеком иконописцем быти: много бо и различно рукодействия подаровано от Бога, им же человеком препитатись и живым быти и кроме иконнаго письма… – поучает мастер.

Закату не осилить слюдяных оконцев. В Тереме темнеет. Расходятся иконники. Не блестят венчики и узоры на ризах. Дрожат темные очертания ликов и острее сверкают большие белые очи угодников. Сумрак ползет из углов, закутывает серым пологом запасы иконных досок и холстины, мягчит тени станков. Истово и мерно звучит поучение о добром живописном рукоделии.

Творится в Иконном тереме хитрое и красное дело.

1899 г.

Знамения

Из темной кладовки вышел человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать. В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам зазвонил? Никак не узнать. В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась? Что это значит? Странно и непонятно. В столовой в один день прошли семь мышей. Никогда такого не бывало, а тут семь сразу. Откуда пришли? Зачем вылезли? Непонятно, но неспроста. Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе.

Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда – неведомо. Куда – неизвестно. Страшно вспомнить. Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула? Это уже совсем плохо. Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

– Не к добру! В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петров-не, экономке:

– Дурной шалит! Дай-ка позову доброго, – тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила: – Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то, бывало, позовешь, придет легко, по первому голосу, а уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно: все было чудесно. Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садились мы близко-близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово.

Все объяснилось. Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли сразу после отъезда кондитера.

Н.К. Рерих, Ю.Н. Рерих и З.Г. Лихтман (Фосдик). Индия, Дарджилинг. 1928 г.

За трещину на картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил «на паркет переложить» картину, иначе

она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нашумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало Обычным, и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

1913 г.

Детская сказка

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были князья, воеводы, и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домам и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним, как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

– Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений… – И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: – И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

– Царевна, – говорил именитый воевода, – окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей и поклонятся ей люди – им грозно имя мое.

– Царевна, – говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, – жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

– Что же ты принесешь жене своей? – спросил певца царь.

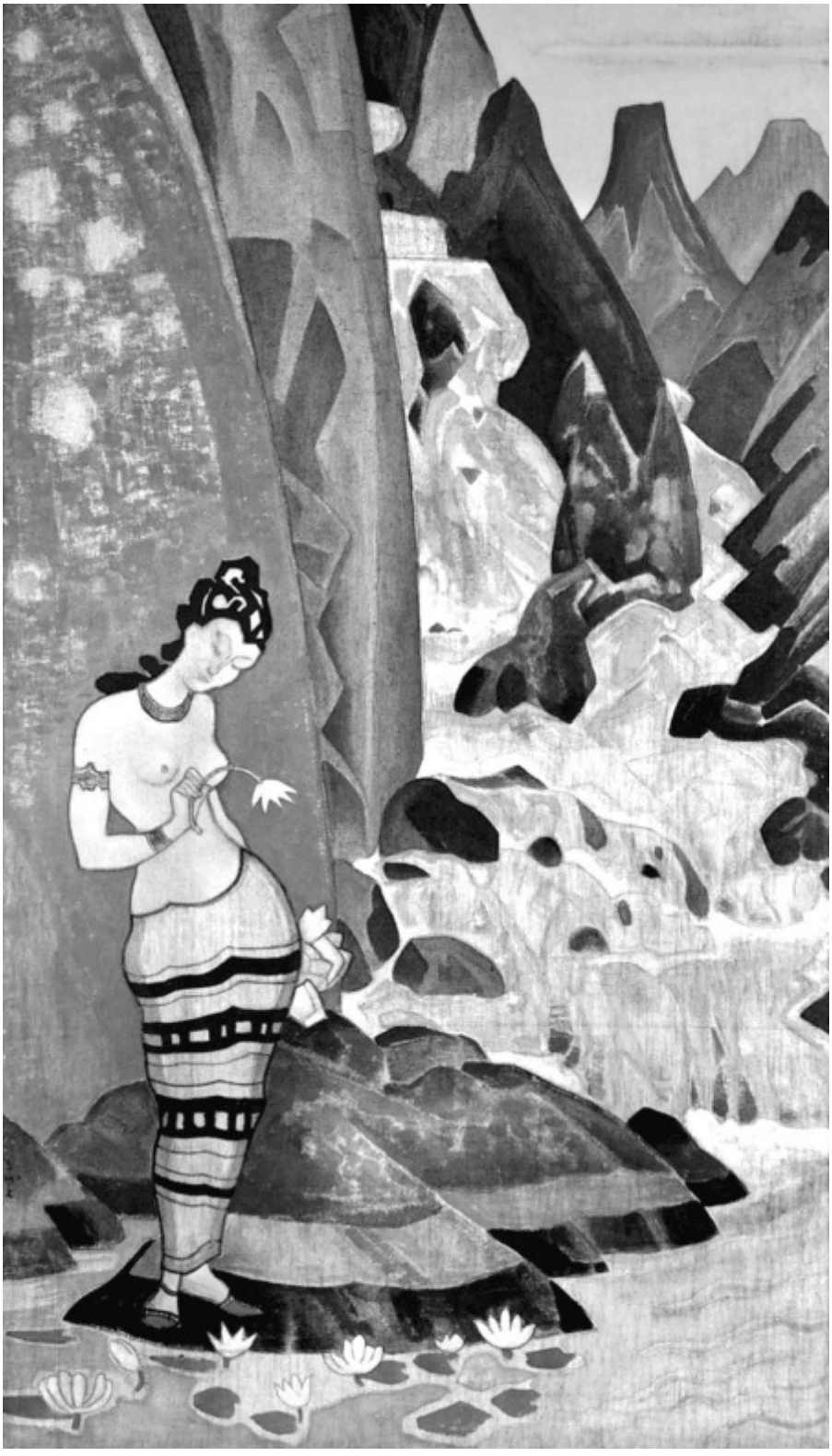
– Веру в себя, – ответил певец. Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

– Скажи, как понять твою веру в себя? Певец отвечал: – Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоем, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна,

замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом и куда иду я – там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

– Обожди, – прервал певца царь, – но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжко. И молчали все, и царь голову опустил.



Н.К. Рерих. Песнь потока. 1920 г.

– Я верю в себя, – сказал певец, и никто не смеялся над ним. – Я верю в себя, – продолжал он, – и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этою верой умру я, и смерть мне будет легка.

– Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас – тот против нас, – сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

– Вижу я – не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви – к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула царевна, а царь сказал: – Не в себя веришь ты, а в песню свою. Певец же ответил: – Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей – все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня – все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моею живлю всех, – так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий, путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим!

– Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. – сказала царевна.

И дивились все. И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи – он верил в себя.

1893 г.

Девассари Абунту

Так поют про Девассари Абунту. Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Соккии в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слои Будды. И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребах и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам. Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному богу гнев недоступен, и все должно быть так, как она есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей. Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, незнаемое людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее.

Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы – все птицы. И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот, слушайте изумительное, Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тог же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась, Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне и сделалась камнем. Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

Замки печали

Идете по замку. Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали. Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить. Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных. Комната в одно окно. Посредине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем. Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды. Здесь смотрели врага. Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер.

Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить. Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные. Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных. Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой.

В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного. Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета, Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов. Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили. Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро.

Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали. Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе? Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку? Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести.

Было познание брака. – Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые, серые замки. И время хранит их смысл. Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

Граница царства

В Индии было. Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие: – Не увидит царевич границ своего царства. Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими грядами.

Всякий раз тогда возвращался царь силою полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали: – Мы устрашаемся. Наш царь полон странною силою. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и там все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

– Бог пределов человеческих! Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением.

На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю.

Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чары сними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алою цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились. – Вот, царь, граница твоя. Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще

невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

– Не вижу границы моей, – сказал царь. Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

Старинный совет

В одной старинной итальянской рукописи – кажется, пятнадцатого столетия – начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек – простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пиетро за советом о своей картине. Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиеннского округа.

Учитель сказал: – Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, – что теряешься теперь перед своею работой.

– Почтенный учитель, – сказал ученик, – картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рощу на красноватом утесе, вдали. Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

– Мой милый, пиши так, как нужно тебе. – Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

– Сделай его так, как нужно тебе. – Почтенный учитель, ты слишком занят превосходною работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

– Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

– Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

– Просто так, как тебе нужно. – Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз, Захотелось в воде увидеть волны и челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

– Нет ничего проще; сделай так, как нужно. – Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

– Положи золото там, где нужно. – Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на

ягнятах, так и хочется сделать их тонкою кистью, но в общей картине они почти не видны.

– Делай их так, как нужно. – Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно – затемнилось у меня сейчас.

– Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

– Кроме срока, никаких условий. Он сказал: Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу» и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм. Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит, «как нужно»?

– Как нужно, значит, все должно быть так, как хорошо. – Но как же так, как хорошо? – Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно – так, как красиво.

– А красиво? – Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

1906 г.

Страхи

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны.
Под ними в заросших буграх тлели старые кости.
Желтели, блестели цветы.
В овраге зеленела трава.
Закатилось солнце.
На поляну вышел журавль и прогорланил:
– Берегись, берегись!
И ушел за опушку.
Наверху зашумел ворон:
– Конец, конец.
Дрозд на осине орал:
– Страшно, страшно.
А иволга просвистела:
– Бедный, бедный.
Высунулся с вершинки скворец, пожалел:
– Пропал хороший, пропал хороший.
И дятел подтвердил:
– Пусть, пусть.
Сорока трещала:
– А пойти рассказать, пойти рассказать.
Даже снегирь пропищал:
– Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился.

Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услыхав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

Клады

– От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвою опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямиком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе. Или еще лучше. На Пересне от Княжьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полгруди, да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение. Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землею, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям. Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зароком. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь – твое счастье. За Великою Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитою закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту откопать – твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю – не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услыхал:

– В подземной Руси, – сказал, – много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек. Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвою либо с заклятием. А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся,

потому брать клад – великое дело. Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородничный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери. А, на счастье, возьмешь клад, – никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелый, клад от людей отвык, – иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

– А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

– И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

Песни Монголии

«Выросший на горе Будала, цветок бондорва, хотя бы дождь пошел – все же поблекнет.

Хотя иогачари[4] – подобен бурхану, но если отступит от истины, то омрачится.

Распустившийся в разные стороны цветок гречихи, когда ветер подует, рассыплется.

Хотя иогачари подобен хранителю, но если отступит от истины, то погибнет».

* * *

«Богатое и белое – это золотая вселенная; пространное и чистое – это наша родина.

То, что растет на горах, – это виноград; то, что прославляет народ, – это звучный напев.

В воде источника разве бывает грязь? Разве можно назвать повеления Святых неправильными?

Вода колодца – не что иное, как священная вода. Разве можно назвать повеления Святителя ложными?»

* * *

«Возьмет кисть в руки – писец, отправится в Пекин – делается зятем хана.

Вместо того, чтобы быть зятем государя, лучше будем наслаждаться со своей Шуер.

Чем быть зятем хана, лучше быть в счастье с хорчинской Шуер вдвоем.

У каждой горы есть вершина, каждая встреча предопределена; после встречи следует заходить повидаться».

* * *

«Разве покончит когда-нибудь аист подбирать рыб Алмазного моря? Разве совсем легко перешагнуть через мучения – результат первоначальных перерождений?

Разве можно думать, что журавль съест всех рыб Журавлиного озера?

Разве совсем легко обойти настигшие мучения – результат прежних деяний?

Когда хочешь рубить дуплистое дерево, берегись разрубить свои ноги. Берегись, желая ограбить другое государство, потерять своих подданных.

Когда хочешь разрубить иву, берегись разрубить свою судьбу. Берегись, думая ограбить чужое государство, расстроить свои дела».

* * *

«Конь мой, родившийся позади горы Баян-хангай; конь мой, которым восхищались воины Бадарагулту.

Облако подобного прекрасного цвета и тянущий за собою при беге облако пыли, высокий, сивый конь мой, увы! куда убежал ты?

С глазами, величиною с яблоко, с копытами, величиною в чашку, ростом в вытянутую сажень, какой прекрасный конь мой!

С двумя волчьими ушами, с двумя глазами, как звезды облакоподобного цвета, красивый конь мой.

Н.К. Рерих. Меч Гессар-хана. 1931 г.

Не видели ли его, отпущенным в степи, в сокровенном месте? Не видели ли, как его увели злонамеренные похитители?

Видевшему его человеку надену я лисью курму, а поймавшему его человеку подарю тигровую курму».

* * *

«Тот, кто строит прочное и твердое, имеет все данные жить богато; когда построят прочное правление, то это признак, что будешь вождем.

Богатство и счастье – благо! Приятно быть в довольстве. Хорошо устраивать веселья. Мы принадлежим к хошуну правителя Да. Богатство и счастье – благо!»

* * *

«Силою милосердия владык, мы, обретя высшее благо, мирно процветали; среди всяких увлечений и рассеянной жизни следует остерегаться, чтобы не потерять высшее благо.

Если отнестись внимательно к правилам очистившихся мудрецов, то обретем святой путь спасения. Хотя бы мы и были подавлены всяким злом, следует стараться, чтобы не потерять правил вечности.

То, что они нас преисполнили сил, – это их заслуга. Благодаря тому, что, сделавшись людьми, мы стали лучше, – следует стараться, чтобы все-таки не потерять правил почтительности.

Если помышлять о прочности веры и если, отбросив всякое непозволительное сумасбродство, поступать по правилам Святых, то как приятно способствовать средствам святого пути!

Приятно, чтобы, уразумев правила закона, те, кто заключают в себе корни болтливости, лукавства и лживости, очистив свою природу, чистые, приумножились счастья и святости.

Если предаваться разного рода размышлениям, исследуя поступки живых существ прежнего времени и смену всяких времен, то из этого вытекает, что теперь очень существенно учиться».

* * *

«Отрадно, что во веки нельзя забыть благодарности за то, что ты соизволил, руководя нами, вести нас, заблудившихся в земном мире, по ближайшему пути Алмазной колесницы.

Если обратить внимание на правила Святых ученых, то даже мы, одаренные дурными привычками, внимательно взирая на порядок пути к совершенству, никогда не потеряем вечного места.

Владыки, достигшие силою милосердия этих благ, пребывающие в спокойствии, должны остерегаться, чтобы в различных пустых увлечениях и рассеянной жизни не потерять высшее благо».

* * *

«Пожалуй нас в совершенстве благом и счастьем, преисполненным истинного благословения трех чтимых драгоценностей; соизволь утвердить стопы господствующих владык и князей и укрепить благоденственное и мирное правление.

Вы, обладающие правилами тонкого, таинственного, основного разума, вечно властвующие над солнцеподобными верой и драгоценностями, вы неизменно чисты, как осенняя луна».

* * *

«У истоков Тонкой Реки накрапывает тонкий дождь, во время восьмой луны расцветают листья и цветы.

Восходящее солнце затмевают многие тучи, премудрый разум и мудрость подавляются злобой и неведением.

Признаком зари, говорят, является белоцветная Чолмон; признаком мудрости, говорят, являются облачно-белые волосы».

* * *

«На макушке высокой и большой горы и с Юга, и с Севера сплошь растут деревья и всяких сортов листья и цветы; в свое время они приятны на взгляд.

Когда на тех покачивающихся, прекрасных деревьях, в согласии с осенними месяцами, из листвы раздается пение птиц, это является прекрасным и приятным наслаждением.

В летнее время на распустившейся мураве расцветают цветы всяких родов. Когда видишь их непреходящую краску и вечную жизненность, то это красиво для глаз.

Действительно, мы, живые существа многих родов, во время постоянной совместной жизни, прославили и воспели те мирные, вечно прекрасные цветы».

* * *

В песнях – душа народа.

Цаган Куре, 14 июня 1935 г.

notes

Примечания

1

Перевод Л.В.Шапошниковой

2

Лишь одну разновидность радости Учителя Индии отвергают решительно, считая ее камнем преткновения на пути духовного совершенствования, – «радость о падении ближнего своего». Они справедливо полагают, что чувство зависти, ревности, а также рудиментальной первобытной радости «о падении ближнего своего» базируются на двух главных предрассудках: на предрассудке превосходства над другими («не существующем нигде, кроме собственного воображения», – добавляют Учителя Индии) и предрассудке разъединения с другими (существует тоже лишь в нашем воображении).

3

К слезам, унынию и страху духовные Учителя Индии непримиримы. Они призывают: «Когда приходит то, что люди зовут несчастьем, надо крепко держать стяг Вечности в руках». и лишь одно исключение делают они – для слез радости, ибо, согласно древнему изречению, которое они неоднократно цитируют: «Слезы радости – господне вино».

4

Йогачара, иогачара – одна из основных философских систем буддизма. Философия йогачары посвящена одной задаче – выяснению того, как функционирует сознание и каковы механизмы его деятельности и его преобразования. – *Прим. ред.*